

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ФАКУЛЬТЭТ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН
ГРАМАДСКАЕ АБ'ЯДНАННЕ
«ЦЭНТР ВЫВУЧЭННЯ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ І БЯСПЕКІ»

АКТУАЛЬНЫЯ ПЫТАННІ
БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН:
да 20-годдзя Дагавора
паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча
аб добрасуседстве, сяброўстве і супрацоўніцтве
ад 23 чэрвеня 1992 г.

Матэрыялы
беларуска-польскага круглага стала

Мінск
Выдавецкі цэнтр БДУ
2012

УДК 327(476:438)''19''(082)

ББК 63.3(4Бей)64-6(4Пол)я43+63.3(4Пол)64-6(4Бей)я43

А43

Рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук, праф. *В. Г. Шадурскі* (навуковы рэдактар);

д-р экан. навук, праф. *А. В. Данільчанка*;

д-р гіст. навук, праф. *У. Е. Снапкоўскі*;

д-р гіст. навук, праф. *А. В. Шарана*;

д-р гіст. навук *Л. М. Гайдукевіч*;

канд. гіст. навук, дац. *Г. М. Міхалькевіч*;

канд. гіст. навук, дац. *А. У. Русаковіч*

Актуальныя пытанні беларуска-польскіх адносін: да 20-год-
А43 дзя Дагавора паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча
аб добрасуседстве, сяброўстве і супрацоўніцтве ад 23 чэрвеня
1992 г.: матэрыялы беларус.-пол. круглага стала / рэдкал.: В. Г. Ша-
дурскі (наук. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2012. —
115 с.

ISBN 978-985-553-076-4.

У зборніку прадстаўлены матэрыялы беларуска-польскага круглага стала, прымеркаванага да 20-годдзя Дагавора паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча аб добрасуседстве, сяброўстве і супрацоўніцтве ад 23 чэрвеня 1992 г. Разглядаюцца актуальныя пытанні беларуска-польскіх дачыненняў, знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь, адносін Еўрапейскага саюза з Беларуссю.

Адрасуецца навукоўцам, выкладчыкам, аспірантам і студэнтам, а таксама ўсім, хто цікавіцца азначанай праблематыкай.

УДК 327(476:438)''19''(082)

ББК 63.3(4Бей)64-6(4Пол)я43+63.3(4Пол)64-6(4Бей)я43

ISBN 978-985-553-076-4

© БДУ, 2012

ЗМЕСТ

Приветственное слово декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета В. Г. Шадуурского	4
<i>Данильченко А., Ярошевич В.</i> Белорусско-польское экономическое взаимодействие в посткризисный период	6
<i>Хабовский М.</i> Внешняя политика Польши в 2011—2012 гг.	10
<i>Снапкоўскі У.</i> Беларуска-польскія адносіны і сувязі (1944—1953 гг.) ...	22
<i>Тихомиров А.</i> Внешняя политика Республики Беларусь: итоги двадцати лет	30
<i>Чахор Р.</i> Внешняя политика Республики Беларусь: основные итоги двадцатилетия	47
<i>Sienkiewicz M.</i> Perspektywy dla nowego modelu rynku gazu ziemnego w Polsce	51
<i>Гайдукевич Л., Скриба А.</i> Энергетическая безопасность Беларуси в новых условиях региональной интеграции	63
<i>Szyszlak T.</i> Prawosławni w wierze, katolicycy w miłości. Współczesna kondycja i perspektywy rozwoju grekokatolicyzmu na Białorusi i w Polsce	70
<i>Русакович А.</i> Беларусь — Европейский союз: основные проблемы партнерства	80
<i>Острога В.</i> Проблемы Новой и Новейшей польской истории в белорусской историографии 1950-х — 1980-х гг.	87
<i>Лазоркина О.</i> Сотрудничество городов как фактор укрепления белорусско-польского добрососедства	94
<i>Мазец В.</i> Становішча палякаў у БССР у 1944—1990 гг. у кантэксце ажыццяўлення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі	100
<i>Міхалькевіч Г., Самкова С.</i> Аб патэрналізме і ўтылітарнасці палітыкі беларускай дзяржавы ў дачыненні дыяспары суайчыннікаў у Польшчы	108

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В. Г. ШАДУРСКОГО**

Уважаемые коллеги, друзья!

Позвольте от имени коллектива преподавателей, сотрудников и студентов ФМО БГУ приветствовать вас — участников международной конференции «Актуальные вопросы белорусско-польских отношений: к 20-летию Договора между Республикой Беларусь и Республикой Польша о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 23 июня 1992 года». В историческом масштабе 20 лет — это капля в море, однако в масштабе человеческой жизни — это серьезный период. Тем более, что эти годы отмечены интенсивным взаимодействием двух независимых государств, порой успешным, порой проблематичным.

Как оценить результаты ушедших в историю двух десятилетий. На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Во взаимоотношениях наших государств, тесно связанных историей и культурой, были как серьезные достижения, так и негативные моменты.

1. Наибольшей противоречивостью характеризуется политический диалог между Варшавой и Минском. Не способствует межгосударственному сотрудничеству острая публичная риторика, публикации и передачи в СМИ, в основе которых, скорее всего, лежат устаревшие стереотипы мышления, недостаточное знание ситуации в соседней стране, нежелание понять интересы страны-партнера и т. д.

Не хотелось бы в настоящее время брать на себя роль адвоката или прокурора в оценке ответственности той или иной стороны. Время расставит все точки над «і». Отметим лишь, что налаживание взаимоуважительных политических отношений в интересах двух соседних государств, двух близких народов.

2. Большой оптимизм внушает динамика торгово-экономического сотрудничества. Экономика является одним из наиболее прагматичных и взаимовыгодных направлений белорусско-польских отношений. Так, в 2011 г. согласно белорусским статистическим данным товарооборот между двумя странами составил 2,4 млрд дол. США, что на 20 % больше чем в 2010 г. Вместе с тем, несмотря на серьезность приведенных цифр, следует признать, что потенциал экономических отношений не реализуется в полной мере. О наличии огромных резервов в этой сфере все чаще говорят представители бизнеса двух государств.

3. Главным достижением прошедшего периода можно считать прочные человеческие контакты, которые установились между сотнями тысяч белорусских и польских граждан — представителей всех слоев общества. Дружеские отношения создавались и создаются в процессе бизнеса, культурных, спортивных мероприятий, туристских поездок.

О масштабе этих обменов говорит хотя бы количество виз, выданных белорусам польскими консульскими учреждениями. Только в 2011 г. таких виз было выдано около 300 тыс., в т. ч. многоразовых. Растет и количество граждан Польши, посещающих нашу страну. Межличностные контакты создали прочный фундамент для сотрудничества народов и государств, который уже вряд ли можно разрушить. Наличие такого фундамента является новым явлением в истории наших народов.

4. Свой вклад в развитии белорусско-польского сотрудничества вносят и научная общественность двух стран. Думаю, что по количеству научных публикаций о стране-партнере Беларусь и Польша занимают первые места в соответствующих рейтингах.

Активное участие в научных обменах принимает участие и факультет международных отношений БГУ. Так, 11 ноября 2004 г. в Минске состоялся первый белорусско-польский круглый стол, организованный учеными ФМО БГУ и Института международных исследований Вроцлавского университета. Сегодня ученые двух университетов встречаются уже в девятый раз. За прошедшие годы совместными усилиями опубликованы сотни статей, освещающих различные аспекты белорусско-польского взаимодействия, написаны многие крупные монографии, защищены диссертации, реализованы многие другие инициативы и проекты.

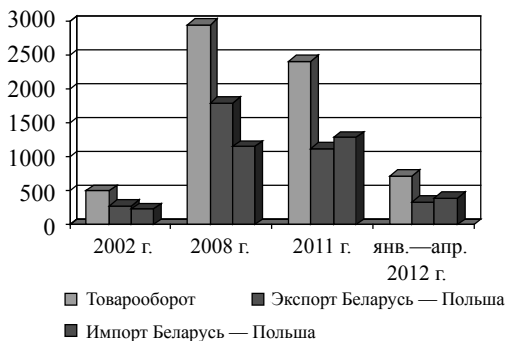
Позвольте пожелать всем присутствующим новых творческих успехов и выразить уверенность, что дискуссия на сегодняшней конференции будет столь активной, творческой, взаимоуважительной как и в предшествующие годы. Пусть в ней будет больше аргументов и меньше негативных эмоций!

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

*Алексей Данильченко, доктор экономических наук, профессор
Вячеслав Ярошевич, кандидат экономических наук,
Белорусский государственный университет*

Несмотря на то, что Республика Беларусь и Республика Польша существенно отличаются по основным макроэкономическим показателям, оба этих соседних государства объединяет опыт постсоциалистических преобразований, а также роль связующих звеньев между Западом и Востоком, между Западной Европой и Россией. В посткризисный период Беларусь и Польшу связывает еще одно обстоятельство — обе страны сравнительно уверенно пережили пик мирового финансово-экономического кризиса в 2009 г., и в последние несколько лет демонстрируют высокие экономические показатели, не взирая на довольно сложную конъюнктуру мировых товарных и финансовых рынков.

Белорусско-польское экономическое взаимодействие реализуется главным образом посредством внешней торговли. И хотя после 2008 г., очевидно вследствие мирового финансово-экономического кризиса, как взаимный товарооборот, так и белорусский экспорт в Польшу существенно снизились, основные показатели двусторонней внешней торговли в 2011 г. были почти в пять раз выше, чем десять лет назад (см. рисунок).

Белорусско-польская внешняя торговля в 2002—2012 гг., млн дол. США

В 2011 г. Польша стала седьмым по значимости экспортным партнером Беларуси (2,8 % от общего объема). Основные товарные позиции белорусского экспорта в Польшу — нефтепродукты, калийные удобрения, продукция химической промышленности, машиностроения и ме-

таллообработки. Основные товарные позиции белорусского импорта из Польши — мясо, овощи и фрукты, продукты питания, продукция химической промышленности и машиностроения [2]. «Прошлый год по уровню товарооборота был рекордным, даже лучше, чем 2008 год. Мы рады, что товарооборот растет. По сравнению с 2010 годом он вырос примерно на 20 %. Это означает, что странам есть что друг другу предложить», — отмечает Веслав Покладэк, руководитель отдела содействия торговле и инвестициям посольства Польши в Беларуси [3].

Помимо торговли, двустороннее экономическое взаимодействие осуществляется и в сфере инвестиций. По объемам прямых иностранных инвестиций Польша традиционно входит в десятку крупнейших партнеров Беларуси — в 2011 г. она заняла 10-е место, вложив в белорусскую экономику около 80 млн дол. США (0,6 % общего объема ПИИ в Республику Беларусь по данным Министерства экономики) [5]. При этом 43 % процента польских инвестиций находится в Брестской области. В частности, одним из наиболее успешных примеров взаимного инвестиционного интереса является свободная экономическая зона (СЭЗ) «Брест» — в общей сложности польские инвесторы вложили в предприятия данной зоны около 120 млн дол. США, создав там десять предприятий с 2,5 тыс. рабочих мест. По мнению главы администрации СЭЗ «Брест» Виктора Невдаха, «тот факт, что в СЭЗ более 15 % составляет польский капитал, свидетельствует об обоюдном интересе сторон к сотрудничеству» [4].

В условиях сложных политических отношений между двумя странами одной из основных площадок для обсуждения вопросов экономического взаимодействия является польско-белорусский экономический форум «Добрососедство», организуемый белорусскими и польскими торгово-промышленными палатами. Программа форума предусматривает подробное обсуждение возможностей и перспектив двустороннего торгово-инвестиционного сотрудничества. Участники встречи делятся своим опытом и наблюдениями в таких вопросах, как малое приграничное движение, Таможенный союз, ведение бизнеса в Польше и Беларуси, взаимные польские и белорусские инвестиции. Как правило, форум собирает несколько сотен участников из Польши и Беларуси. «Это самая крупная встреча с нашим восточным соседом — Беларусью... мы можем как минимум в два раза увеличить взаимный товарооборот, поскольку для этого есть все возможности», отметил председатель Польско-белорусской торгово-промышленной палаты Юзеф Лоховски [1].

Очередной, юбилейный XV форум прошел 6—8 декабря 2011 г. в г. Бяла Подляска под почетным патронатом министра экономики и министра сельского хозяйства Республики Польша и Республики Беларусь. Его ведущей темой было обсуждение вопросов экономического сотрудничества в контексте повышения общественного благосостояния. На

форуме неоднократно отмечалось, что деловой климат Беларуси становится все более благоприятным для иностранных инвестиций. Этому способствует в т. ч. создание ЕЭП, благодаря которому Беларусь становится еще более выгодной инвестиционно-производственной площадкой, так как выпущенный из Беларуси товар сможет теперь беспрепятственно реализовываться на всей территории Таможенного союза, где проживают свыше 170 млн человек [6].

В рамках форума «Добрососедство 2011» прошли 3 тематических семинара. На первом из них обсуждались вопросы сотрудничества в области перемещения лиц, инвестиций, а также развития малых и средних предприятий. Особое внимание было уделено реализации Программы трансграничного сотрудничества Польша — Беларусь — Украина на 2007—2013 годы. Второй семинар был посвящен польско-белорусскому сотрудничеству в области сельского хозяйства и пищевой промышленности. Участники семинара главным образом сосредоточились на вопросах дальнейшего развития и реформирования данных секторов народного хозяйства, а также на изменениях условий торговли в связи с образованием Таможенного союза и ЕЭП. Наконец, на третьем семинаре были рассмотрены проблемы финансирования польско-белорусского сотрудничества и страхования рисков. В частности, был сделан вывод, что кредиты как для белорусских, так и для польских предпринимателей слишком дорогие, но тем не менее необходимо искать решения, которые позволят развиваться торгово-экономическим отношениям. Как пример были приведены соответствующие проекты «Сомбелбанка» и «*Getin International S.A.*» [6].

По мнению некоторых экспертов, экономики Беларуси и Польши не конкурируют, а дополняют друг друга. К примеру, если Польша продает Беларуси свинину, фрукты, то с белорусской стороны в Польшу направляются продукты нефтехимии, трактора. «Белорусско-польские экономические связи развиваются очень интенсивно, несмотря на некоторые политические шероховатости в отношениях двух стран», считает Ю. Лоховски [1]. Тем не менее, потенциал двустороннего экономического взаимодействия не используется в полной мере. Отчасти этому мешают сохраняющиеся политические разногласия между белорусским и польским высшим руководством. В целом, однако, следует признать, что несмотря на определенные политические проблемы, экономическое взаимодействие между Республикой Беларусь и Республикой Польша продолжает набирать обороты и в перспективе может стать основой для полной нормализации двусторонних отношений, что, несомненно, отвечает интересам обоих народов.

Литература

1. Белорусско-польское экономическое сотрудничество в период мирового кризиса интенсивно наращивается — Лоховски [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. — 07.12.2011. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belorusko-polskoe-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-v-period-mirovogo-krizisa-intensivno-naraschivaetsja---Lohovski_i_583463.html>. — Дата доступа: 06.06.2012.
2. Основные показатели внешней торговли [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/fttrade1.php>>. — Дата доступа: 05.06.2012.
3. Политическая война с Польшей [Электронный ресурс] // БДГ — Деловая газета. — 29.02.2012. — Режим доступа: <<http://bdg.by/news/politics/16877.html>>. — Дата доступа: 06.06.2012.
4. Польские инвесторы вложили в СЭЗ «Брест» 120 млн дол. США. [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство Белорусское телеграфное агентство. — 08.12.2011. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Polskie-investory-vlozhili-v-SEZ-Brest-120-mln_i_583551.html>. — Дата доступа: 06.06.2012.
5. Результаты инвестиционной политики [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.economy.gov.by/ru/invpolicy/invest-klimat/pezzultat>>. — Дата доступа: 06.06.2012.
6. Форум Добрососедство 2011 — итоги проведения [Электронный ресурс] // Polsha24com: о Польше по-русски. — 09.12.2011 — Режим доступа: <<http://polsha24.com/publ/view/forum-dobrososedstwo-2011-itogi-provedenija>>. — Дата доступа: 06.06.2012.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В 2011—2012 гг.

Мирослав Хабовский, кандидат политических наук, Вроцлавский университет

Местоположение Польши между Россией и Германией обуславливает приоритеты внешней политики страны. Однако, после 1989 г. некоторые политические круги оспаривали этот факт. Влиятельный в начале 90-х гг. XX в. политик Здзислав Найдер полемизировал с этим тезисом, аргументируя, что «Германия в политическом и военном отношении включена в контролирующие ее органы НАТО и Европейского содружества»¹. В итоге он считал, что угроза для Польши может исходить только со стороны СССР—России². Получение членства в НАТО и Евросоюзе представлялось как вход «в страну свободы, которая держится на солидном фундаменте»³, а находящийся с 2007 г. у власти кабинет Дональда Туска хвалили за свержение стереотипа Польши как «детерминистически и необратимо заключенной между Германией и Россией»⁴. Однако выше представленная точка зрения имеет своих критиков. Выдающийся знаток немецкой проблематики Здзислав Краснодэмбски очень точно описывает все более опасные для Польши тенденции в немецкой исторической и внешней политике. Показывает также, что, пожалуй, немцы все больше контролируют Евросоюз, а не наоборот, а контроль со стороны НАТО (союз ФРГ с США) был серьезно ослаблен в 2002 г. в связи с иракским кризисом⁵. Близкая последнему автору оппозиционная политическая формация (Право и справедливость) вообще выражает свое беспокойство близкими отношениями Берлина и Москвы, формулируя тезис, что современная Польша является (может, вследствие деятельности правительства Дональда Туска, в скором времени стать) российско-немецким кондоминиумом⁶. Газета «Речпосполита» (*«Rzeczpospolita»*) не соглашается с таким диагнозом, и признает, что Польша не является в полной мере суверенным государством, но также не является суверенной Германия и другие члены Евросоюза: «наш суверенитет ограничен, прежде всего, законодательством Евросоюза, а не влиянием соседних держав. Это видно на примере спора, касающегося нового газового контракта с Россией, когда дошло до парадокса: правительство Дональда Туска реализовало «суверенную» экономическую политику и вело переговоры по договору, пробуя при этом обойти законы, действующие в Евросоюзе. За это его остро критиковала партия Ярослава Качинского. Тем временем подчинение правилам, продиктованным Евросоюзом, связанным с передачей Брюсселю части наших прерогатив, может нас уберечь перед чрезмерной зависимостью от Газпрома»⁷. Совершенно иначе, непохоже на выше упомянутые точки зрения, оценили ситуацию Польши наследники реалистичной школы политического мышления, основанной на стыке XIX и XX столетий Романом

Дмовским. Они считали, что Евросоюз ограничивал суверенитет Польши, будучи от истоков своего существования инструментом политики Берлина, а не ограничением суверенитета Германии⁸.

В своем выступлении в 2012 г. министр иностранных дел Радослав Сикорский также обратился к теме этой дискуссии. Он однозначно размстил Польшу в границах Запада, а относительно проблемы эвентуального отсутствия суверенитета, вытекающего из выше упомянутого факта, отделался тезисом, который был известен еще в то время, когда Польша в 1944—1989 гг. была частью советского Востока, что понятие суверенитета необходимо пересмотреть. При этом придал этому понятию крайне субъективное понимание — пренебрежительное исполнение государством объективных критериев самовластности и всецелой властности. Доказательством того, что Польша это суверенное государство является следующее убеждение министра Сикорского — «Добровольно подчиняясь юрисдикции Международного Суда или передавая нашего гражданина суду страны Евросоюза на основе европейского ордера на арест, *чувствуем* (выделено автором. — М. Х.) ли мы, что потеряли свою автономию? Теряем ли мы *чувство* (выделено автором. — М. Х.) того, что являемся хозяевами в собственном доме, реализуя ту или иную европейскую директиву? *Теряем ли мы радость* (выделено автором. — М. Х.) независимости после проигранного голосования в Европейском парламенте? Я думаю — нет. Таким образом, суверенитет сегодня это что-то более тонкое, чем монополия политической власти. Это *чувство* (выделено автором. — М. Х.) того, что ни на каком этапе укрепления международного сотрудничества мы не теряем способности субъекта к принятию выгодных или ошибочных решений. Другими словами, так как это понимали наши предки, ничто не решается без нас. Для нас важно, добровольно ли мы подчинились данным условиям и сможем ли мы в конечном результате отказаться от них. Оба эти условия соблюдает процесс европейской интеграции. В Евросоюз мы вошли после долгих стараний, в результате общенародного референдума. А Лиссабонский договор, выгодных условий которого добился путем переговоров президент Лех Качинский, предусматривает порядок выхода из Евросоюза»⁹.

Следовательно, понятие суверенитета в польских политических дебатах теряет какое-либо значение: «может обозначать две совершенно противоположные позиции: независимость в принятии решений и ограничение этого суверенитета»¹⁰. Наглядным примером крайнего замешательства в этом вопросе могут служить слова видного политика Польской крестьянской партии: «Несмотря на то, что много решений принимается в Брюсселе, не означает это, что наш суверенитет каким-либо способом ограничивается»¹¹. Один выдающийся представитель «Гражданской платформы» уверял (хотя никоим образом не доказывал), что дальнейший перенос полномочий национального государства на уро-

вень Евросоюза, т. е. «бесспорно более глубокая интеграция не является угрозой для суверенитета», а другой объяснял: «Фискальный пакет (...) это ничто иное, как финансовый надзор в ситуации кризиса за бюджетом государств-членов. Это не является утратой суверенитета»¹². Премьер-министр Туск прямо говорил о «суверенитете Европы», а к Евросоюзу относился не как к международной организации, но как к субъекту, имеющему характер государства, и который можно сравнить с другими государствами: «процесс принятия решений (в Евросоюзе) мог быть хоть немного сравним с процессом принятия решений в США, Индии, Бразилии, Китае, т. е. в тех государствах, которые являются главными глобальными игроками и которые могут, что является натуральным, быстрее и более однозначно принимать решения, чем Евросоюз»¹³. Один из депутатов Гражданской платформы постулировал: «Евросоюз должен быть независим относительно других мировых держав, таких как США или Китай»¹⁴. Складывается впечатление, что правящая элита относится к получению членства в Евросоюзе как к удачному «бегству от свободы» и приходит в ужас от мысли о возможной перспективе распада Евросоюза и вытекающей из этого необходимости вести самостоятельную государственную политику: «Будущее Польши вне Евросоюза нелегко сегодня нарисовать в светлых тонах» констатировал Д. Туск, одновременно отмечая, что большинство государств Евросоюза «не оглядывается ни на кого, только хочет замкнуться в кругу самых сильных, самых безопасных и, возможно, хочет сбросить с себя хотя бы часть ответственности за все двадцать семь государств»¹⁵. Министр Сикорский дополнял: «Где находится Польша в этом пессимистическом сценарии [распада Евросоюза]? Оставленная в одиночестве на периферии Европы, погруженной в маразм, борющаяся с незавершенной модернизацией и лишенная стабильного фундамента безопасности»¹⁶. «Находясь в изоляции — дополнял известный депутат "Гражданской платформы", а "изоляция" понимал как суверенитет в нормальном смысле этого слова — мы не сможем обеспечить поляков благосостоянием»¹⁷.

Необходимо подчеркнуть, что министр Р. Сикорский в своем выступлении в Сейме, кроме вызывающей жалость пропаганды успеха («современная Польша самая лучшая, какую мы имели»), отметил ухудшение международной ситуации Польши. Однако он не связывает эту ситуацию с состоянием отношений между Германией и Россией или позицией Польши в Европе, а с упадком позиции Запада в глобальной расстановке сил и с внутренними проблемами Евросоюза: «Международная конъюнктура Польши все еще положительная, хотя ухудшилась по сравнению с не таким отдаленным прошлым. Я не вижу угрозы для поляков, а Польша из года в год все ближе к достижению надлежащего ей места в мире. Экономическая и военная сила Запада и его престиж уменьшились. В Европе все чаще нарушается совместный метод принятия решений, а кризис экономики уменьшил цивилизаторскую привлекатель-

ность и влияние ЕС. США уменьшает военный бюджет и переориентирует свою политику на тихоокеанский регион. Благодаря высоким ценам на сырье и решительное лидерство России, можно заметить попытки объединения постсоветских государств вокруг альтернативного для Европы политического центра»¹⁸. Ситуация самой же Польши, по мнению правящего лагеря, превосходная: «Польша не является второстепенным государством в Европе», — заверял депутат Роберт Тышкевич («Гражданская платформа»). — «Мы вернули себе инициативу, способность вести диалог как с нашими партнерами в Евросоюзе, так и с соседями на Востоке. Это, по всей вероятности, наиболее очевидное, доступное каждому гражданину наблюдение»¹⁹. «Мы на верном пути. На сегодняшний день голос Польши в Европе слышат и слушают, а наши предложения партнеры серьезно анализируют и изучают»²⁰ — подтверждает министр Р. Сикорский.

Иначе ситуацию рассматривает стоящая в оппозиции к «Гражданской платформе» партия «Право и справедливость», которая упрекает Сикорского в том, что он с давних пор «хвастается значением и позицией нашего государства», но при этом несерьезно относится к своим гражданам, которым в Информации на тему направлений внешней политики вместо глубокого анализа, представляет «беседу об успехах приукрашенную *бонмо*».

Бывший вице-министр иностранных дел Витольд Вашиковский спрашивал Сикорского: «Вы сказали, что международная конъюнктура все еще положительная, но можно заметить ее ухудшение. Так скажите конкретно, какая она? Это звучит как изречение Валенсы — *за и даже против*²¹. Является ли создание Россией альтернативного Европе политического центра на Востоке единственной проблемой? Разве МИД не замечает явного отхода от демократии и прогноза мощного вооружения в России? (...) Мы уже привыкли к хвастовству и гордости за польское руководство в Евросоюзе. Я знал, что вы забросаете нас лестными цитатами из СМИ, так оно и случилось. (...) Я припомню, что дипломатия государства не оценивается мерой заграничной лести, оценивается она через призму реализации государственных интересов. В последние месяцы нам болезненно припомнили о том, что именно государственные интересы являются главным критерием деятельности государства, а не мифологические европейские, союзные. После долгих лет обольщения нас европейской идиллией, «дуэт Меркози» грубо показал, кто правит в Евросоюзе. На наших глазах на территории Евросоюза начались создаваться разные сферы влияния. Стержнем является немецко-французский дуэт, хотя в этом дуэте доминирующую позицию занимает Берлин. Следующая сфера — это зона евро, а последующая — еще не до конца уточненная — пакт Европлюс, к которому будут принадлежать все страны — участницы финансового договора, хотя будут они иметь разный статус. Это касается 27 государств Евросоюза, а также Хорва-

тии, которая ожидает принятия в Евросоюз. Всю эту галиматью в сферах влияния следует еще дополнить иллюстрацией все еще не решенного финансового кризиса Греции и нескольких государств еврозоны, которыми занимаются международные финансисты. Именно они назначают премьеров в Афинах и Риме. Такая ситуация в Европе сложилась именно во время польского руководства в Евросоюзе. Это и есть позитивная конъюнктура, но в которой заметно ухудшение?»²².

Для полного понятия значения приведенного выше упрека со стороны правого крыла оппозиции, следует припомнить, что одним из главных канонов польской европейской политики было предотвращение опасности создания в Евросоюзе групп государств «с разной скоростью» интеграции.

«Не удалось принять удовлетворительного решения по вопросу приближения Украины к членству в Евросоюзе», — продолжил свое критическое подытоживание польской внешней политики за период 2011—2012 гг. депутат Вашиковский. — «Можно доискиваться оправдания во внутренних обусловленностях Киева, но бесспорным является факт, что польская сторона во время председательства в Евросоюзе имела все нужные инструменты, чтобы эффективно оказать давление на украинские власти и создать в Европе проукраинское лобби. Программа Восточного партнерства также не приблизила его участников к членству в Евросоюзе. Вопрос партнерства был поспешно использован в избирательной кампании для яркого пиара, с целью пропаганды, а затем о нем просто забыли». По мнению партии «Право и справедливость», факт подписания в Брюсселе договора присоединения Хорватии, а не в Варшаве, является признаком более серьезного явления: центральноевропейские государства перестают относиться к Польше как к выразителю интересов этой части Европы. Ко всему этому стоит добавить фактический раздел Вышеградской группы и ослабление связи с прибалтийскими странами (а в отношениях с Литвой — открытый конфликт). «Пренебрегая региональным сотрудничеством, в тоже время создавалось впечатление, что Польша имеет шанс стать государством, участвующим в принятии решений касательно политики ЕС. К этой роли должно было ее приблизить лишенное критики сотрудничество с Германией. Снискать расположение Германии мы также должны были, реализуя прагматическую политику в отношении России, т. е. отказываясь от каких-либо амбиций на Востоке, которые господин министр называет романтическими, державными иллюзиями. Наше второстепенное, дисциплинированное по отношению к могущественным покровителям место в регионе должен закрепить новый треугольник: Германия — Россия — Польша. Этот треугольник не допускает нас к процессу, который осуществляется, я имею в виду сотрудничество между Германией и Россией, он нас полностью изолирует от нашего региона. (...) Возлагание надежд на Германию и лест-

ное отношение к России, чтобы понравиться западноевропейской политкорректности, не принесло желаемого результата в качестве получения руководящей позиции в Европе»²³.

Критика со стороны «Права и справедливости» правильно оценивает слабые стороны внешней политики, реализованной правительством Д. Туска и обнажает ее пропагандистский характер с нотами хвастовства в исполнении министра Р. Сикорского. Однако, необходимо подчеркнуть, что члены правительства превосходно отдают себе отчет в том, что в международной среде существуют угрозы для Польши. Министр Сикорский в своей программной речи в Сейме, после формулирования «пересмотренной» концепции суверенитета, основанного на базе изменчивой природы международных отношений, после того как подверг сомнению анархистскую природу международных отношений, после презентации намерения модернизировать и демократизировать очередные страны (арабские и восточноевропейские), после того как оспорил значение категории «национальный интерес», заявил, что является политическим реалистом и осознает, что конец истории не наступил²⁴. Прозвучало это как реклама, что предыдущие высказанные мнения не стоит принимать всерьез, потому что, бесспорно, они основываются на концепции «конца истории» и либеральной, а не демократической теории международных отношений. В официальных заявлениях министра Сикорского за период 2011—2012 гг. четко прослеживается ссылка на либеральную и конструктивистскую концепции. Неизвестно как относиться в контексте декларации о приверженности реализму к обращению, чтобы в отношениях ЕС — Россия устранить логику игры с нулевой суммой или требования, чтобы Евросоюз в своей политике по отношению к России пытался ей навязать «европейские ценности»?²⁵. Особенно, когда мы сопоставим с трезвыми комментариями следующего рода: «Европейский союз является бытом материальным, а не трансцендентным, и именно поэтому мы в нем (...) имеем также дело с элементом баланса сил. В идеале все равны, но вы сами говорите (...) — обратился он к депутатам Права и справедливости — что, например, Германия является самой мощной экономикой, крупнейшим нетто-плательщиком, а это значит, что она имеет право на выражение своей воли особенно в финансовых вопросах». В свою очередь, отношение к так называемым «европейским ценностям», он выразил в полемике с одним из депутатов оппозиции: «Вы предложили очень много благородных правил, которыми, по вашему мнению, Евросоюз руководствуется. Скажу Вам откровенно, что было бы даже неплохо, если бы, на самом деле, так было, как Вы хотите, но, увы, так не получается»²⁶.

Премьер-министр Дональд Туск также осознает реальное положение дел. Пропаганда огромного успеха польского председательства и большого значения, благодаря которому получила Польша, стало важным элементом назойливой пропаганды успеха, которую рекламировала пра-

вящая коалиция «Гражданская платформа» — «Польская крестьянская партия». Однако, когда премьер-министр Д. Туск представил Сейму информацию о кризисе Европейского союза, удачно констатировал снижение во второй половине 2011 г. способности европейских учреждений в принятии решений и ситуацию хаоса в ЕС. Оппозиция приняла это во внимание и подняла вопрос о значении польского председательства, на что Д. Туск ответил, что Лиссабонский договор «помещает председательство именно там, где оно сегодня находится, т. е. много работы, немного репутации и очень небольшое влияние на политические механизмы»²⁷. Очень жаль, что этой трезвой констатацией политики «Гражданской платформы» не завершили размышлений об «успехах» польского председательства. Вместо этого предпочли критику оппозиции, которая посмела не восхищаться «успехами» правительства и нагло правительство критикует. В результате они должны были, однако, открыто усомниться в точке зрения собственного премьер-министра, убеждая, что «ротационное председательство, установленное Лиссабонским договором, все еще может играть реальную роль и воздействовать на способы решений и соглашений, разработанных в ЕС»²⁸.

В период правления Д. Туска, Польша отказалась от реализованной, по крайней мере, уже с 1999 г., стратегии *bandwagoning* в отношениях с США и заменила ее реализацией стратегии *bandwagoning* в отношениях с Германией. Один из членов «Гражданской платформы» оправдывался: «Дело в том, чтобы просто иметь четкое видение того, что для Польши является полезным — является ли в общем сотрудничество с Германией и создание такого стратегического союза выгодным или нет. Мне кажется, что это выгодно. Какова же альтернатива: поиск других партнеров, таких как Великобритания, которая во многих пунктах существенно отличается от нашей позиции, или, возможно, создание союза государств Центральной Европы, что, как я думаю, является полной фикцией? Мы действительно можем иметь очень много общих интересов, когда речь касается стран нашего региона, но никто нас не просит стать лидером этой группы государств. Примите это во внимание. Наша позиция в этом регионе будет тем сильнее, чем сильнее будет наше влияние, например, на немецкую политику и чем сильнее будет наше партнерство с Германией. Во всяком случае, американцы совершенно открыто дали нам понять, что позиция Польши в системе их союзного договора в значительной степени зависит от того, какую позицию и роль играет Польша в Евросоюзе»²⁹.

Признание первенства Германии в политике правительства Д. Туска выразилось символически — в 2011 г. в своем выступлении премьер-министр не учел вопросы внешней политики. Важное выступление в этой сфере имело место в конце ноября 2011 г. в Берлине. В своем выступлении Сикорский, обращаясь с призывом к Берлину, чтобы тот принял более активное участие в обороне евро, заявил: «Немцы стали не-

обходимой нацией в Европе. Вы не можете позволить себе на поражение предводительства. Вы не можете доминировать, вы можете возглавлять реформы. Если вы подключите нас к процессу принятия решений, можете тогда рассчитывать на поддержку со стороны Польши». Сикорский не уточнил, будет ли эта поддержка для Германии иметь иные условия, чем только обеспечение Варшаве формального участия в «процессе принятия решений», касающихся еврозоны. Несмотря на предвыборные обещания «Гражданской платформы», данные ей несколько месяцев назад, Сикорский заявил о готовности Польши к присоединению к еврозоне, заверяя о том, что поляки и правительство дали ему полномочия. При этом он декларировал готовность Варшавы к компромиссу «даже в сфере общего подхода к суверенитету — в обмен на честную позицию в сильнейшей Европе». Популяризируя концепцию европейской федерации, против которой ранее Польша выступала — Сикорский отметил: «Чем больше полномочий и легитимности мы передадим федеральным учреждениям, тем больше государства-члены должны быть утверждены *в убеждении* (выделено автором. — М. Х.), что некоторые прерогативы, такие как широкий круг вопросов, касающихся национальной идентичности, религии, стиля жизни, общественной морали и ставки налога на прибыль и НДС, должны безоговорочно остаться в ведении государств». Как видно, это очень узкие полномочия, более того, НДС регулируется законодательством ЕС, и Польша, за анализируемый период, должна была увеличить НДС на детскую обувь и одежду.

Р. Сикорский, выступая в Берлине, постулировал введение в ЕС обязанность передачи министрами финансов бюджетных расчетов соответствующим лицам и Европейской комиссии, прежде чем передадут их в парламент своей страны. Комиссия и Еврогруппа должны были также получить «право на детальное исследование с опережением всех основных экономических планов, последствия которых могли бы ощутить в еврозоне; они вводили бы санкции против тех стран, которые не внедрили политические рекомендации». Он также предложил — вопреки существующей позиции Польши — сокращение состава Комиссии и введение правила ротации во время их назначения государствами-членами. Дальнейшие предложения представляют собой объединение постов председателя Европейского совета и Европейской комиссии и их выбор посредством прямых выборов «европейским народом». Оппозиция отметила, что постулаты Сикорского — это повторение предложений правящих немецких партий³¹.

Поддержка политики Берлина втянула Польшу в конфликт с Великобританией. Политики правящего лагеря, открыто и особо не выбирая выражений, критиковали Лондон³². В связи со спорами, касающимися конкретных положений финансового договора (участие государств, не входящих в зону евро, в принятии решений), произошел также спор с Парижем (Берлин был в нем представлен в качестве союзника Варша-

вы, но не столь сильным, чтобы убедить Францию пересмотреть свою позицию). Польское правительство также демонстративно проигнорировало визит в Варшаву фаворита на президентских выборах во Франции Ф. Олланда. Стоит припомнить, что канцлер Германии А. Меркель открыто поддержала Н. Саркози³³.

В отношениях с Россией второе правительство Д. Туска продолжило декларируемую в выступлении в 2007 г., политику сотрудничества с «Россией такой какая она есть». Польский МИД не возражал против процедуры парламентских выборов 4 декабря 2011 г., не поддерживал демонстрации оппозиции против В. Путина, а сам министр Р. Сикорский прибыл с визитом в Москву 14 декабря 2011 г., в ходе которого встретился с премьер-министром С. Лавровым и подписал договор о малом приграничном передвижении³⁴. Президент Б. Коморовский поздравил В. Путина с победой в президентских выборах³⁵. Стоит отметить, что в своем выступлении Д. Туск, в связи с получением награды имени Ратенова, отрицательно отнесся к традиции символизируемой Рапалло — символ «взаимодействия Москвы и Берлина, которое иногда происходило ценой Польши». Туск указал на положительную альтернативу этой политике — концепцию «Срединной Европы» (*Mitteleuropa*) Фридриха Науманна, которая была описана — не совсем правдиво — как «создание самостоятельных государств в Центральной Европе». Премьер-министр Польши убеждал своих немецких слушателей в том, что «Ратенов не имел особых иллюзий относительно характера тогдашней России. Достоинно ценил этого партнера за богатство сырья и рынок сбыта, но не скрывал своего слегка пренебрежительного отношения к России, когда дело касалось аспектов культуры», а свое выступление завершил призывом, чтобы «дух Рапалло, который завершился катастрофой для Германии, не был духом современной политики»³⁶.

Снизилось значение отношений с США. Это видно по конструкции выступления министра Сикорского, в котором он о них упомянул в последнем фрагменте, посвященном двусторонним отношениям. Небольшое значение Польши для Вашингтона выразил президент США Б. Обама во главе с демократами, официально используя несоответствующий исторической правде термин «польские концлагеря». Таким образом, президент США присоединился к операции замены местами Польши и Германии как виновника геноцида еврейского населения во время Второй мировой войны³⁷. Напомним, что решение США об отказе от размещения противоракетного щита президент Обама озвучил польским властям 17 сентября 2009 г. — в годовщину нападения СССР на Польшу в 1939 г.

В вопросах функционирования НАТО, основными задачами этого альянса польское правительство считает «поддержку союзной оборонной способности на уровне, гарантирующем равную безопасность

для всех государств-членов» (достоверность гарантий, содержащихся в ст. V и обеспечение участия в «решении проблем», находящихся вне договорной сферы). Заявляет о своей поддержке для «политики открытых дверей» (особенно в отношении Украины и Грузии), а также для военного присутствия США в Европе (измененная программа противоракетного щита). И, наконец, Польша выступает за совместный вывод войск государств — членов НАТО из Афганистана в 2014 г.³⁹.

Нельзя не заметить, что официальные программные документы (как выступления министра, так и «Приоритеты польской внешней политики на 2012—2016 гг.») немного места уделяют государствам, находящимся вне евроатлантического и восточноевропейского региона. Стоит, однако, вспомнить первый, с 1987 г., визит в Польшу в апреле 2012 г. главы правительства Китая премьер-министра Вэнь Цзябао⁴⁰.

Представляется, что наилучшее подведение итогов польской внешней политики в 2011—2012 гг. принадлежит самому Р. Сикорскому, завершившему одно из своих выступлений словами Пилсудского: «У слабости результат всегда один — пристрастие к великим словам без содержания»⁴¹.

¹ Najder, Z. *Z Polski do Polski poprzez PRL*. — Warszawa, 1995. — S. 89.

² На сегодняшний день тезис об отсутствии опасности со стороны Германии и постоянной угрозе со стороны России («державы, которая не остановится перед применением грубой военной силы, экономического шантажа и дестабилизирующего действия своих спецслужб, чтобы навязать соседям свою политическую волю») обосновывает, в частности, П. Журавский vel Граевский — P. Żurawski Grajewski. *Polska polityka wschodnia // Geopolityka — siła — wola. Rzeczypospolitej zmagania z losem*. — Kraków, 2010. — S. 294—295.

³ Kuźniar, R. *Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej*. — Warszawa, 2008. — S. 317.

⁴ Tenże. *Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej*. — Warszawa, 2012. — S. 333.

⁵ Krasnodębski, Z. *Zmiana klimatu*. — Kraków, 2006, tenże, *Zwycięzca po przejściach*. — Kraków, 2012.

⁶ Gójska-Hejke, K., Sakiewicz, T. *Tusk nadal boi się Lecha Kaczyńskiego. Rozmowa z Jarosławem Kaczyńskim // niezaleźna.pl*, 13.11.2011. Одиннадцать месяцев спустя, обосновывая предложение о востановлении доверия министру иностранных дел, депутат В. Вашиковский («Право и справедливость») однозначно заявил: «министр Сикорский за годы своей многолетней деятельности привел к маргинализации позиции Польши (...) а также к зависимости внешней польской политики от соседей — Германии и России». *Kancelaria Sejmu, Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, VII kadencja. Pełny zapis przebiegu posiedzenia Komisji Spraw Zagranicznych (N 2) z dnia 13 grudnia 2011 r.* — S. 12.

⁷ Magierowski, M. *Kto rządzi w naszym kondominium // <www.rp.pl>*. — 13.09.2010. Стоит, однако, заметить, что «Речпосполита» в ином случае писала, что нет противоречия между «полным суверенитетом», а членством в ЕС: «свобода решать за себя обозначала, попросту, включение в структуры Запада, членство в ЕС и НАТО».

⁸ Giertych, R. *Kontrewolucja młodych // Inicjatywa Wydawnicza «ad astra*. — Warszawa, 1994. — S. 85—87; Ryba, M. *Dokąd dryfuje Europa? // Nasz Dziennik*. — 08.05.2012; Łopuszański, J. *Perspektywy regionalizacji // Nasz Dziennik*. — 2—3.06.2012.

⁹ Sikorski, R. Informacja Ministra Spraw Zagranicznych o założeniach polskiej polityki zagranicznej w 2012 roku // www.msz.gov.pl. — 29.03.2012.

¹⁰ Łagowski, B. Duch i bezduszość III Rzeczypospolitej // *TAiWPN Universitas*. — Kraków, 2007. — S. 202. Несомненно, политические элиты, выступающие за необходимость пересмотра понятия суверенитета, в полной мере осознают, каково истинное значение выражения «суверенитет» и они не сомневаются, что Польша не является суверенным государством. Депутат Тадеуш Ивиньский (Союз левых демократов) на заседании Комитета по международным делам 13.12.2011 г. заявил, что «сегодня нет государств *stricto* суверенных» (*Pelny przebieg*. — S. 18). Р. Сикорский, свидетельствуя перед Конгрессом США (17.06.2003 г.), сказал: «Многие европейцы признают, что только проект европейской интеграции приведет к исчезновению войн, и они готовы за это заплатить цену потери суверенитета», а четыре года спустя, в интервью с польским журналистом отметил: «Я считаю нелепым видеть угрозу в том, что ЕС могло бы стать политическим органом или даже государственным, так как Евросоюз уже им является». Warzecha, L. *Strefa zdekomunizowana. Wywiad rzeka z Radkiem Sikorskim* // AMF. — Warszawa, 2007. — S. 257, 287. Возникает, однако, вопрос, что имел в виду Р. Сикорский, когда в своем первом выступлении одновременно обратился к нормальному пониманию выражения «суверенитет» как к самостоятельности и всецелости (указывая на то, что ПНР еще двадцать лет назад не имела суверенитета) и так же заявил: «в наших интересах мирная интеграция Европы. Не бойтесь этого процесса, мы не пугаем наших граждан угрозой создания европейской сверхдержавы, таящей мнимое подданство более великим державам и более сильным. Не в этом заключается и не так происходит процесс развития и интеграции Европы. Не только мы не соглашаемся на подданство, не соглашается ни один из европейских народов». Sikorski, R. Informacja ministra spraw zagranicznych o założeniach polskiej polityki zagranicznej w 2008 r. // 15. posiedzenie VI kadencji Sejmu. — 07.05.2008. Также председатель сеймового Комитета по международным делам депутат Гжегож Схетына (Гражданская платформа), повторил вслед за тем, как министр Сикорский декларировал следующий шаг в направлении пересмотра выражения «суверенитет», что Польша обрела суверенитет в 1989 г. Schetyna, G. 11. posiedzenie VII kadencji Sejmu. 29.03.2012.

¹¹ Żelichowski, S. 3. posiedzenie Sejmu VII kadencji. — 15.12.2011 // www.sejm.gov.pl.

¹² Schetyna, G., Witczak, M. Wystąpienia na 3. posiedzeniu Sejmu.

¹³ Tusk, D. Informacja Prezesa Rady Ministrów w sprawie przyszłości Unii Europejskiej // 3. posiedzenie Sejmu VII kadencji. — 15.12.2011.

¹⁴ Krzakała, M. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011.

¹⁵ Tusk, D. Informacja Prezesa Rady Ministrów w sprawie przyszłości Unii Europejskiej.

¹⁶ Jak wyżej; Sikorski, R. Informacja...w 2012 roku.

¹⁷ Rosati, D. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011. Что интересно, в дальнейшем высказывании депутат этой якобы либеральной партии, аргументировал, что свободный рынок, который вынуждает к рациональному финансовому поведению, на самом деле является рабством, поэтому отказ от собственной валюты не означает потери независимости в финансовой политике. Аналогично Д. Туск, во время этих же дебатов, аргументировал, что суверенитет означает принятие ошибочных решений в экономике [ЕС, по определению, принимает точные решения].

¹⁸ Sikorski, R. Informacja...w 2012 roku

¹⁹ Kancelaria Sejmu, Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, VII kadencja, Pelny zapis przebiegu posiedzenia Komisji Spraw Zagranicznych (nr 2) z dnia 13 grudnia 2011 г., s. 13 (wypowiedź posła Roberta Tyszkiewicza (PO)).

²⁰ R. Sikorski, Informacja... w 2012 roku

²¹ Лех Валенса, первый руководитель движения «Солидарность» и президент Польши в 1990—1995 гг., любил пользоваться этим противоречивым изречением — «я за, и даже против».

²² Waszczykowski, W. 11. posiedzenie VII kadencji Sejmu. — 29.03.2012.

²³ См. выше.

²⁴ Sikorski, R. Informacja...w 2012 roku

²⁵ Wspólny list ministrów spraw zagranicznych Polski i Niemiec: Radosława Sikorskiego i Guido Westerwelle o stosunkach UE — Rosja // <www.msz.gov.pl>. — 17.11.2011.

²⁶ Sikorski, R. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011.

²⁷ Tusk, D. Informacja prezesa Rady Ministrów w sprawie przyszłości Unii Europejskiej // 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011. Премьер-министр Туск забыл, что его политическая среда, которая поторапливала президента Леха Качинского в ратификации Договора, рекламировала этот Договор как документ, который поможет ЕС эффективно принимать решения.

²⁸ Sikorski, R. Informacja bieżąca // 5. posiedzenie VII kadencji Sejmu. — 12.01.2012.

²⁹ Rosati, D. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011.

³⁰ Sikorski, R. Polska a przyszłość Unii Europejskiej // Berlin, 28 listopada 2011 r. — <www.msz.gov.pl>.

³¹ Sellin, J. 11. posiedzenie Sejmu. — 29.03.2012.

³² R. Sikorski, Polska a przyszłość Unii, G. Schetyna, 3. posiedzenie Sejmu, 15 XII 2011 r.

³³ Polska przystępuje do paktu fiskalnego // <www.premier.gov.pl>. — 31.01.2012; Gładysz, M. Nie będzie spotkania Tuska z Hollandem. Premier nie jest zainteresowany // <www.rmfm24.pl>. — 05.03.2012.

³⁴ Wizyta Ministra Radosława Sikorskiego w Moskwie // <www.msz.gov.pl>. — 14.12.2011.

³⁵ Komunikat po rozmowie z Władimirem Putinem // <www.prezydent.pl>. — 07.03.2012.

³⁶ Przemówienie premiera Donalda Tuska na uroczystości wręczenia nagrody im. Walthera Rathenaua. 31 maja 2012 roku, Berlin // <www.premier.gov.pl>.

³⁷ Walaszczyk, M. Obama ubolewa // Nasz Dziennik. — 2—3.06.2012. — S. 5. Szerzej na temat zabiegu «podstawiania Polski» zob. Z. Musiał, B. Wolniewicz // Ksenofobia i współpraca. — Kraków, 2003. — S. 196—200.

³⁸ Стоит подчеркнуть, что хотя Польша и критиковала процесс Ю. Тимошенко, однако не поддержала немецкие постулаты бойкота части чемпионата Европы по футболу.

³⁹ Wystąpienie Ministra Spraw Zagranicznych RP Radosława Sikorskiego pt. Szczyt w Chicago: co z NATO po Afganistanie // <www.msz.gov.pl>. — 17.05.2012; Podsumowanie szczytu NATO w Chicago // www.prezydent.pl, 21.05.2012.

⁴⁰ Wizyta premiera Chin // <www.premier.gov.pl>. — 25.04.2012.

⁴¹ Sikorski, R. Szczyt w Chicago: co za NATO po Afganistanie? // <www.msz.gov.pl>.

Перевод с польского: к. пол. н. Елена Гебень

БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІЯ АДНОСІНЫ І СУВЯЗІ (1944—1953 гг.)

Уладзімір Снапкоўскі, доктар гістарычных навук, прафесар, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Беларуска-польскія адносіны і сувязі азначанага перыяду развіваліся на двух узроўнях: саюзным і рэспубліканскім. На саюзным узроўні да іх адносіліся такія падзеі, як падпісанне Дагавора аб савецка-польскай дзяржаўнай мяжы ад 16 жніўня 1945 г., яе дэмаркацыя на працягу 1946—1948 гг., рашэнні СНК СССР аб адкрыцці консульстваў СССР у Польшчы (Познань, Кракаў і Гданьск) і консульстваў Польскай Рэспублікі ў Кіеве, Мінску і Вільнюсе ад 6 ліпеня 1945 г. На рэспубліканскім узроўні найбольш заметнай праявай знешнепалітычнай дзейнасці саюзных рэспублік, якія атрымалі знешнепалітычныя паўнамоцтвы ў лютым 1944 г., былі пагадненні аб абмене насельніцтвам, заключаныя 9 і 22 верасня 1944 г. паміж урадамі УССР, БССР і Літоўскай ССР, з аднаго боку, і Польскім камітэтам нацыянальнага вызвалення (ПКНВ) — з другога. На гэтым жа узроўні пачаліся кантакты паміж палітычным кіраўніцтвам БССР і ПНР, эканамічнае і культурнае супрацоўніцтва, ажыццяўлялася дапамога Варшаве з боку БССР. У артыкуле ўвага будзе засяроджана на сувязях і кантактах рэспубліканскага (з боку СССР) узроўню.

Дапамога Польшчы і першыя сустрэчы беларускіх і польскіх кіраўнікоў. З першых дзён вызвалення Польшчы яе насельніцтву аказвалася тэрміновая і беззваротная дапамога з боку часцей Чырвонай арміі. Пазней да яе аказання падключыліся ўрады СССР, РСФСР, УССР, БССР і Літоўскай ССР. У студзені 1945 г. названыя савецкія рэспублікі накіравалі ў Варшаву са сваіх рэсурсаў 60 тыс. т хлеба, у тым ліку РСФСР — 30 тыс. т, УССР — 15 тыс. т, БССР — 10 тыс. т, ЛітССР — 5 тыс. т. Увесь гэты хлеб быў перададзены насельніцтву Варшавы беззваротна [2, с. 341].

26 студзеня 1945 г. старшыня Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Н. Я. Наталевіч і старшыня СНК БССР П.К.Панамарэнка накіравалі прэзідэнту Краёвай рады нарадовай Б.Беруты і прэм'ер-міністра Часовага ўрада Польскай Рэспублікі Э. Асубка-Мараўскаму ліст, у якім прасілі прыняць гэту дапамогу як сімвал баявой садружнасці польскага і беларускага народаў і далейшага ўмацавання дружбы паміж Польшчай і Беларускай ССР [2, с. 339—340]. У лісце ў адказ ад 22 лютага 1945 г. польскія кіраўнікі выказалі шчырую падзяку за гэты дар беларускага ўрада [8, 1945, 22 февр.]. Як «неацанімы ўклад» брацкіх рэспублік — Украіны, Беларусі і Літвы, якія самі так моцна пацярылі ад фашысцкіх варвараў, ахарактарызаваў із харчовую дапамогу прэзідэнт Варшавы М.Спыхальскі ў гутарцы з карэспандэнтам ТАСС 19 лютага 1945 г. [1, с. 122].

У лютым 1945 г. савецкі ўрад у адказ на просьбу польскіх кіраўнікоў Б. Берута і Э. Асубкі-Мараўскага і пасля кансультацый з прадстаўнікамі саюзных рэспублік, якія мяжуюць з Польшчай (УССР, БССР і ЛітССР), прыняў рашэнне аб аказанні тэхнічнай дапамогі ў аднаўленні Варшавы, у адпаведнасці з якім СССР браў на сябе палову выдаткаў, звязаных з аднаўленнем горада [2, с. 371].

21 красавіка 1945 г. у Маскве быў падпісаны Дагавор паміж Савецкім Саюзам і Польскай Рэспублікай аб дружбе, узаемнай дапамозе і пасляваенным супрацоўніцтве. Пасля яго падпісання польская ўрадавая дэлегацыя на чале прэзідэнтам Краёвай рады нарадовай Б.Берутам і прэм'ер-міністрам Часовага ўрада Польскай Рэспублікі Э. Асубка-Мараўскім 25 красавіка 1945 г. наведала Мінск на зваротным шляху з Масквы ў Варшаву. Старшыня СНК БССР П. К. Панамарэнка меў двухгадзінную гутарку з польскімі кіраўнікамі. З Брэста перад перасячэннем мяжы Берут і Асубка-Мараўскі накіравалі Панамарэнку тэлеграму, у якой гаварылася, што падпісаны з СССР дагавор яшчэ больш узмоцніць братэрскія адносіны паміж польскім і беларускім народамі [1, с. 668; 8, 1945, 26, 28 апр.]. Гэты візіт польскай дэлегацыі быў першым візітам замежнай урадавай дэлегацыі ў БССР з моманту яе абвясчэння 1 студзеня 1919 г.

Прадстаўленне саюзным рэспублікам канстытуцыйнага права на ўстанаўленне дыпламатычных і консульскіх адносін з замежнымі дзяржавамі разглядалася кіраўніцтвам Польшчы як добрая магчымасць умацавання добрасуседскіх адносін з Украінскай, Беларускай і Літоўскай ССР. Пра гатоўнасць усталявання з імі непасрэдных дыпламатычных адносін выказаўся 2 студзеня 1945 г. прэм'ер-міністр і міністр замежных спраў Часовага ўрада Польскай Рэспублікі Э. Асубка-Мараўскі ў праграмнай заяве на сесіі КРН [2, с. 331]. Упершыню пасля канстытуцыйных змен у СССР у лютым 1944 г. урад замежнай дзяржавы заявіў аб сваім імкненні мець прамыя дыпламатычныя адносіны з асобнымі саюзнымі рэспублікамі. Як паказалі наступныя падзеі, больш з падобнымі заявамі польскі ўрад не выступаў. Савецкаму ўраду не па душы прышліся гэтыя намеры замежнага малодшага патрнёра, якія ён не збіраўся выконваць.

У наступныя гады МЗС СССР пастаралася зрабіць так, каб гэта фраза з заявы кіраўніка польскага ўрада не фігурыравала ў дыпламатычных выданнях. У выдатным ім разам з МЗС ПНР у 1974 г. зборніку дакументаў і мытэрыялаў пра савецка-польскія адносіны гэта фраза была перакручана такім чынам, што замест слова «дыпламатычных» было ўстаўлена слова «дэмакратычных». У выніку атрымалася, што нібыта Э. Асубка-Мараўскі сказаў, што Польшча імкнецца «да ўстанаўлення непасрэдных дэмакратычных адносін з Украінай, Беларуссю, Літвой» [7, с. 41].

Эпізадычнасць кантактаў у сталінскі перыяд. Аднак, у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе непасрэдня і рэгулярныя кантакты паміж вышэйшымі партыйнымі і дзяржаўнымі органамі БССР і Польшчы, а таксама грамадска-палітычнымі арганізацыямі, асобнымі рэгіёнамі адсутнічалі. Мелі месца толькі эпізадычныя візіты, у асноўным у межах савецка-польскага партыйна-дзяржаўнага супрацоўніцтва. Напр., польская ўрадавая дэлегацыя, якая наведала 15—27 студзеня 1948 г. Савецкі Саюз на чале з прэм'ер-міністрам Ю. Цыранкевічэм, вяртаючыся з Масквы ў Варшаву, зрабіла прыпынак у Мінску, дзе члены дэлегацыі мелі сустрэчу з першым сакратаром ЦК КП(б)Б, старшынёй Савета Міністраў БССР П.К. Панамарэнкам [3, с. 459]. Апошні, які стаў пазней сакратаром ЦК ВКП(б) і які заставаўся членам ЦК Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі, узначаліў савецкую партыйную дэлегацыю на I з'езд Польскай аб'яднанай рабочай партыі ў снежні 1948 г., на якім выступіў з прывітаннем ад імя ЦК ВКП(б) [3, с. 461—462]. Мелі месца кантакты і на ўзроўні органаў мясцовай улады. Так, увосень 1947 г. па ініцыятыве прэзідэнта Варшавы адбылася сустрэча з кіраўнікамі гарадскіх саветаў Масквы, Мінска, Вільнюса, Кіева, Прагі, Белграда і Сафіі [3, с. 458].

Генеральная лінія развіцця савецка-польскіх адносін у канцы 1940-х — пачатку 1950-х гг. вызначалася тым, што адміністрацыйна-камандная сістэма, якая склалася ў СССР у даваенныя гады, была перанесена ў Польшчу, як і ў іншыя краіны Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы і навязана ім праз залежныя ад ВКП(б) камуністычныя партыі, якія прыйшлі да ўлады з дапамогай СССР. Менавіта тады адбыўся інспіраваны І. Сталінам і яго асяроддзем паварот да забеспячэння, з аднога боку, аднастайнасці палітычных, эканамічных і ідэалагічных структур «народна-дэмакратычных» рэжымаў на базе аўтарытарна-бюракратычнай савецкай мадэлі, а з другога боку — кіруючай ролі ВКП(б) у міжнародным камуністычным руху на аснове безумоўнай падтрымкі кампартыямі, у тым ліку і ПАРП, пазіцыі Камінформбюро па «югослаўскай справе», якая цяжка адбілася ў адносінах паміж СССР і астатнімі народна-дэмакратычнымі дзяржавамі, у тым ліку з Польшчай. Як вядома, першы сакратар ЦК ПАРП У. Гамулка быў не згодны з пазіцыяй Сталіна па Югаславіі [6, с. 418—420], што стала адной з прычын яго адстаўкі, пазбаўлення партыйных пасадаў і хатняга арышту.

Як адзначае расійскі гісторык А. Наскова, да сярэдзіны 1950-х гг. у Польшчы пры садзейнічання і кіраўніцтве СССР былі створаны фундаментальныя апоры савецкай мадэлі грамадства: манаполія ПАРП на ўладу, корпус партыйна-дзяржаўнай наменклатуры. Была пабудавана падобная савецкай сістэма ўпраўлення, заснаваная на прынцыпе выканання дырэктыў зверху, што забяспечвала палітычны дыктат партыйнага клану на чале з вузкім кіраўніцтвам. Гэтаму адпавядаў загадны механізм кіравання мабілізацыйнай эканомікай [6, с. 427].

Пераход ад аўтарытарных тэндэнцый да таталітарызму «па Сталіну» ў канцы 1940-х гг. быў геапалітычна абумоўлены, перш за ўсё пачаткам халоднай вайны. Разам з тым тып улады і ўпраўлення ў Польшчы меў асобныя, звязаныя з гісторыяй краіны «радавыя» рысы, што не дазваляе лічыць яго аналагам сталінскага рэжыму ў СССР. Пасля смерці Сталіна польскі рэжым сталінскага тыпу паступова эвалюцыяніраваў у польскі аўтарытарызм і пратрымаўся больш 30 гадоў, верагодна задавальняючы адну частку палякаў і будучы часова залагоднены дэсталінізацыяй, аднак, з другога боку, ён не ўстраніў незадавальнення другой часткі [6, с. 427, 428], што паказалі ўнутраныя крызісы 1956, 1970 і 1980—1981 гг.

Супадзенне геапалітычных інтарэсаў СССР і Польшчы пасля вайны вынікала з патрэбнасці збяспечыць сваю знешнепалітычную бяспеку. Аднак для Польшчы як больш слабага звяна ў гэтым саюзе гэта супадзенне трансфарміравалася ў доўгатэрміновую знешнепалітычную, унутрыпалітычную, ідэалагічную і эканамічную залежнасць ад «старшага» партнёра. Гэтая залежнасць усведамлялася і вельмі востра ўспрымалася палякамі, якія імкнуліся да захавання незалежнасці ад СССР [6, с. 428].

Формы і змест, кірункі, стыль і метады замежных сувязей БССР вызначаліся савецкім палітычным рэжымам і міжнародным асяроддзем, якое характарызавалася халоднай вайной паміж Савецкім Саюзам і заходнім светам. Савецкае кіраўніцтва, навязаўшы аўтарытарна-бюракратарычныя рэжымы краінам Усходняй Еўропы, стала на шлях абмежавання міжнароднага супрацоўніцтва, палітычных, эканамічных, культурных і грамадскіх сувязей паміж сацыялістычным лагерам і астатняй часткай свету. Скарачаліся кантакты і ўнутры сацыялістычнага лагера. У 1949—1952 гг. паміж кіраўнікамі сацыялістычных дзяржаў не было ніводнага шматбаковага спаткання, кантакты «сатэлітаў» з метраполіяй абмяжоўваліся дэкларацыямі аб сяброўстве [10, с. 50]. Больш таго, пры І. Сталіне фактычна не развіваліся і не пашыраліся сувязі паміж партыйнымі і дзяржаўнымі ўстановамі, грамадскімі арганізацыямі СССР і краін «маладой дэмакратыі» на мясцовым, рэгіянальным, міжасабовым ўзроўні. «Жалезная заслона», якая падзяліла Еўропу, была заклікана нейтралізаваць шкодныя для рэжыму заходнія, «буржуазныя» ўплывы, уздзеяння якіх Крэмль асабліва асцярагаўся на заходнія савецкія рэспублікі, у тым ліку Беларусь.

Першае пасляваеннае дзесяцігоддзе было перыядам асабліва шчыльнага закрыцця граніц і спынення ўсялякіх кантактаў СССР са знешнім светам. Сталінскае кіраўніцтва імкнулася цалкам ізаляваць насельніцтва ад заходніх уплываў, якія пачалі пранікаць у герметычна закрытую да таго часу краіну. Асабліва яно баялася ажыўлення культурнага жыцця, што вяло да паяўлення крытычнай думкі, якая не паддавалася кантролю. Узмацніўся і ідэалагічны палітычны тэрор, асабліва на Украіне

і Беларусі, украінская і беларуская інтэлігенцыя абвінавачвалася ў «нацыяналізме», спробах аддзялення ўкраінскай і беларускай культуры ад рускага народа і іншых грахах [10, с. 47—48].

Культурнае супрацоўніцтва СССР з замежжам было выключна прэрэгагатывай дзяржавы. Ва ўмовах падпарадкавання культуры партыйна-дзяржаўнай палітыцы і жорсткаму кантролю ўлад над міжнароднымі сувязямі былі немагчы асабістыя кантакты, супрацоўніцтва творчых груп і калектываў, якія б выходзілі за афіцыйна ўстанаўленыя формы. Як і слухна заўважае беларускі даследчык Ю.Вашкевіч, у другой палове 40 першай палове 50-х гадоў пераважалі хутчэй эпизадычныя, чым рэгулярныя культурныя кантакты паміж СССР і Польшчай. Пэўнага адпрацаванага механізму яшчэ не было і яны ажыццяўляліся паводле розных схем [10, с. 51].

Роля партыйнага фактару. На працягу ўсяго разглядаемага перыяду КП(б)Б, з 1952 г. КПБ, удзельнічала ў развіцці замежных сувязей ВКП(б)-КПСС, валодаючы, як і ўсе іншыя кампартыі саюзных рэспублік, статусам мясцовай партыйнай арганізацыі з усімі вынікаючымі з гэтага наступствамі. Статут ВКП(б), прыняты XVII з'ездам партыі (1934 г.), які дзейнічаў з невялікімі зменамі аж да XXII з'езда КПСС (1961 г.), замацаваў такі парадак падпарадкавання ў партыі, па якому абласныя ці краявыя партыйныя арганізацыі і яе кіруючыя органы стаялі вышэй кампартыі саюзнай рэспублікі, яе канферэнцыі, з'езда ці Цэнтральнага камітэта [4, с. 137—138]. Прыняты XXII з'ездам партыі новы Статут КПСС вылучыў на пярэдні план сярод мясцовых партыйных арганізацый рэспубліканскія арганізацыі [5, с. 196—197], адлюстроўваючы працэс пашырэння правоў саюзных рэспублік і іх кампартый, наступіўшы ў часы адлігі.

Вызначэнне лініі партыі па пытаннях унутранай і знешняй палітыкі, важнейшых пытаннях партыйнага і дзяржаўнага жыцця было выключнай прэрагатывай з'езда — вярхоўнага органа КПСС. Ва ўсіх статутах партыі, прынятых XVII і наступнымі з'ездамі аж да апошняга ў савецкія часы XXVIII з'езда (1990 г.), фігуравала палажэнне аб тым, што Цэнтральны камітэт прадстаўляе КПСС у зносінах з іншымі партыямі (мелася на ўвазе з палітычнымі партыямі замежных дзяржаў). Ва ўсіх гэтых статутах змяшчалася змяшчалася норма партыйнага цэнтралізму, паводле якой усе мясцовыя партыйныя арганізацыі, пачынаючы ад рэспубліканскіх і заканчваючы раённымі, аўтаномны ў вырашэнні мясцовых пытанняў, калі гэтыя рашэнні не супярэчаць рашэнням і палітыцы партыі (яе цэнтральных органаў). Замежныя сувязі не адносіліся да мясцовых пытанняў, таму КПСС у зносінах з палітычнымі партыямі замежных дзяржаў, як адзначалася, мог прадстаўляць толькі ЦК КПСС.

Замежныя сувязі Кампартыі Беларусі з кампартыямі сацыялістычных краін (з кампартыямі капіталістычных і развівальных краін яны ўвогуле не падтрымліваліся), у тым ліку і перш за ўсё з ПАРП як кіруючай партыі

яй адзінай суседняй з Беларуссю суверэннай дзяржавы, ажыццяўляліся паводле дырэктыў ЦК КПСС і планаў міжнароднага супрацоўніцтва КПСС і аж да канца 80-х гадоў строга кантраляваліся і рэгламентаваліся Міжнародным адззелам ЦК КПСС.

Галоўным зместам супрацоўніцтва паміж КПСС і кампартыямі іншых сацыялістычных краін быў абмен вопытам «сацыялістычнага будаўніцтва». Аднак гэты абмен быў далёкім ад узаемнасці, раўнапраўя і дабравольнасці. У другой палове 1940-х — 1960-я гг. ён напамінаў вуліцу з аднабаковым рухам, калі СССР праз партыйна-дзяржаўныя каналы перадаваў, а фактычна навязваў свой «ленінска-бальшавіцкі» вопыт будаўніцтва новага грамадства. Пры гэтым ігнарыравалася нацыянальная спецыфіка і канкрэтна-гістарычныя асаблівасці развіцця ўсходнееўрапейскіх дзяржаў.

Адносна Польшчы гэта праяўлялася ў ігнарыраванні моцнай цягі польскага селяніна да прыватнай уласнасці (сваёй зямлі), адданасці палякаў каталіцкай веры і ідэалам незалежнай дзяржавы. Партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва СССР, спрабуючы перарваць ланцуг няспынных крызісаў і народных хваляванняў, што ахапіў Польшчу, галоўным зместам абмену вопытам «сацыялістычнага будаўніцтва» з ПАРП лічыла навязванне сваіх узораў і стандартаў «масавая-палітычнай і ідэйна-выхаваўчай работы, барацьбы з буржуазнай і нацыяналістычнай ідэалогіяй, умацавання кіруючай ролі кампартыі ў развіцці грамадства». Перадтачным механізмам у гэтым абмене, а фактычна ў працэсе навязвання сваёй «савецка-бальшавіцкай» мадэлі кіравання грамадскімі працэсамі, выступала Кампартыя Беларусі. Пры гэтым трэба мець на ўвазе, што ў гэтым навязванні і засваенні савецкага вопыту былі зацікаўлены кансерватыўна-дагматычныя колы ў кіраўніцтве ПАРП.

Прааналізаваны перыяд у развіцці беларуска-польскіх адносін (1944—1953 гг.) ахоплівае апошняе сталінскае дзесяцігоддзе. Яго змест аказаўся даволі насычаным для беларуска-польскіх сувязей. Гэта рэпатрыяцыя беларускага і польскага насельніцтва, харчовая дапамога БССР насельніцтву Варшавы, першыя сустрэчы беларускіх і польскіх кіраўнікоў, пачатак культурнага супрацоўніцтва. Шэраг важных падзей савецка-польскіх адносін, якія мелі непасрэднае дачыненне да Беларусі, адбываліся па ініцыятыве Крамля без яе ўдзелу (падрыхтоўка, падпісанне і ратыфікацыя Дагавора аб савецка-польскай мяжы ад 16 жніўня 1945 г., дэмаркацыя савецка-польскай мяжы, польская ініцыятыва аб устанаўленні дыпламатычных ці кансульскіх адносін з БССР). Увогуле беларуска-польскія кантакты як на палітычным, так і на мясцовым узроўні мелі эпизадны характар.

Каб лепш зразумець сутнасць гэтага першага этапу ў развіцці беларуска-польскіх адносін, выдзелім найбольш істотныя рысы наступнага этапу, які пачаўся пасля смерці І. Сталіна і працягваўся да канца 1960-х гг. Для яго характэрны такія новыя формы беларуска-польскага

супрацоўніцтва, як інстытуцыяналізацыя культурнага супрацоўніцтва (месячнікі, дэкады і дні культуры, планы характар), прыгранічнае супрацоўніцтва дзвюх беларускіх абласцей і польскіх ваяводстваў, да якога потым далучыліся іншыя абласці і ваяводствы, новыя арганізацыі, створаныя на саюзным і рэспубліканскім узроўнях (ССТД, ТСПД і яго беларускае аддзяленне, БТДКС). Да пачатку 1960-х гг. у СССР і ПНР была створана сістэма партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва так званымі «мясцовымі дружалюбнымі сувязямі», якая ахоплівала ў СССР рэспубліканскі (у дадзеным выпадку БССР), краявы, абласны, гарадскі, раённы і найніжэйшы ўзровень, а ў Польшчы — ваяводскі, гарадскі, павятовы і таксама найніжэйшы ўзровень. Вядучую і кіруючую ролю ў «мясцовых дружалюбных сувязях» адыгрывалі парыйныя камітэты КПСС і ПАРП. Дэмакратызацыя савецка-польскіх адносін і іх перавод на больш раўнапраўны характар, што адбылося падчас хрушчоўскай адлігі, ніяк не паўплывалі аднак на пазыўнае вырашэнне пытання аб адкрыцці польскага консульства ў Мінску і на падключэнне БССР, як і УССР і Літоўскай ССР, да падпісання пагаднення аб рэпатрыяцыі паміж урадамі СССР і ПНР у 1957 г.

Я. Мірановіч, падсумоўваючы беларуска-пальскія адносіны сацыялістычных часоў, слухна сцвярджае: «Адносіны паміж БССР і ПНР існавалі на такім узроўні, які дазваляла Масква, і абмяжоўваліся моцна цензураваным культурным абменам. Кантакты кожнай з груп нацыянальнай меншасці з культурай суседняй рэспублікі былі строга рэгламентаваныя. Аб польска-беларускіх адносінах можна па сутнасці гаварыць толькі ў суадносінах нацыянальных меншасці — дзяржаўная ўлада ці дамінуючы народ» [9, s. 29].

Адносіны паміж БССР і ПНР мелі асіметрычны характар. Гэты былі адносіны паміж часткай унутранай (Беларусь) і часткай знешняй (Польшча) савецкай імперыі. Яны ажыццяўляліся пад кантролем аднаго і таго ж імперскага цэнтра (Масквы, Крамля): для БССР гэта быў саюзны цэнтр, для ПНР — цэнтр сацыялістычнага свету, сацыялістычнага лагэру. Іх асіметрычны характар праяўляўся ў тым, што гэты былі адносіны (па праўдзе, такавымі іх можна было называць з вялікай нацяжкай) паміж саюзнай рэспублікай, якая фактычна мела статус прыгранічнай нярускай правінцыі, і дзяржавай-сатэлітам СССР, якая фармальна захоўвала свой суверэнітэт.

Савецкае кіраўніцтва пільна сачыла за тым, каб беларуска-польскія сувязі не выходзілі за дакладна акрэсленыя межы — межы «мясцовых дружалюбных сувязей». Яно не давярала ні беларусам, ні палякам. Першым таму, што яны могуць заразіцца спрадвечнай польскай хваробай — свабодалюбствам і нацыянальным патрыятызмам. Другім таму, што рэаніміруючы традыцыі даўняй Рэчы Паспалітай і яшчэ не забытыя свежыя ўспаміны аб усходніх крэсах, яны маглі б навязаць беларусам, як і ўкраінцам і літоўцам, небяспечныя для СССР мадэлі

ўсходнееўрапейскіх федэрацый. Масква выкарыстоўвала Беларусь у адносінах з Польшчай як стратэгічны плацдарм, санітарны кардон і інструмент камуністычнай індэкстрыяцыі.

Літаратура

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы. Т. III. (1 янв. — 3 сент. 1945 гг.). — М., 1947.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII (янв. 1944 — дек. 1945 гг.). — М., 1974.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IX (янв. 1946 — дек. 1949 г.). — М., 1976.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986 гг.). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 6 (1933—1937 гг.). — М., 1985.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986 гг.). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 10 (1961—1965). — М., 1986.
6. Носкова, А. Ф. Послевоенное десятилетие. 1945—1955 // Белые пятна черные пятна. — М., 2010.
7. Советский Союз — Народная Польша: 1944—1974 гг.: документы и материалы. — М., 1974.
8. Сов. Белоруссия. — 1945.
9. Mironowicz, E. Stosunki polsko-białoruskie w XX wieku / E. Mironowicz // Polska—Białoruś: Problemy sąsiedztwa. — Lublin, 2005.
10. Waszkiewicz, J. Białorusko-polskie kontakty kulturalne w latach 1945—1989 / J. Waszkiewicz // Polska—Białoruś: Problemy sąsiedztwa. — Lublin, 2005.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИТОГИ ДВАДЦАТИ ЛЕТ

Александр Тихомиров, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет

После обретения в 1991 г. реальной независимости, Республика Беларусь приступила к поиску своего места в новой системе международных отношений, оптимальной формы сохранения геополитической идентичности в условиях развития процессов глобализации. С учетом социального, экономического и политического развития Белорусского государства за период с конца 1991 до начала 2012 гг. можно выделить следующие этапы в истории ее внешней политики:

1-й этап: 1991—1994 гг. — период международного признания независимости Республики Беларусь и расширения ее активности на международной арене с учетом нового государственно-политического статуса. Безусловным внешнеполитическим приоритетом данного периода являлась концентрация усилий на развитии отношений со странами СНГ, в первую очередь, с Россией, и с развитыми странами Запада. Республика Беларусь внесла значительный вклад в дело укрепления международной безопасности, добровольно отказавшись от ядерного статуса и присоединившись к другим международным соглашениям в области разоружения.

2-й этап: 1995—2000 гг. — период укрепления восточного вектора внешней политики Белорусского государства посредством создания более тесных интеграционных объединений с Российской Федерацией и другими государствами СНГ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) при одновременном свертывании политического диалога со странами Запада и расширении сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки. В рассматриваемый период Республика Беларусь окончательно обрела безъядерный статус, компенсировав отсутствие ядерного оружия расширением военных и военно-технических связей с Россией. Параллельно она расширила взаимодействие со странами, входящими в Движение неприсоединения, и в 1998 г. стала полноправным участником этого движения. Новые политические реалии потребовали определения новых внешнеполитических принципов. В 1997—1998 гг. в основу деятельности белорусской дипломатии был положен принцип многовекторности, который оптимально соответствовал специфике геополитического положения и национальным интересам независимой Беларуси.

3-й этап: 2001—2012 гг. — период укрепления суверенного статуса белорусского государства и осуществления многовекторной внешней политики. В это время Республика Беларусь обрела черты геополитического субъекта, способного самостоятельно определять и осуществ-

влять внешнеполитические мероприятия. Проявлениями самостоятельного внешнеполитического поведения стало балансирование Беларуси между европейским и евразийским политическим, экономическим и военным пространством, стремление создать «пояс добрососедства» в Европе, наращивание сотрудничества со странами «коллективного Юга» с выводом отношений с некоторыми из этих стран на уровень «стратегического партнерства».

За 20 лет, прошедших с момента подписания Беловежских соглашений, Республика Беларусь сохранила суверенный статус и значительно расширила круг международного общения. В частности, в 1999 г. она поддерживала дипломатические отношения со 124 государствами, в 2009 г. — со 166 государствами, в 2011 г. — со 170 государствами [1, с. 105; 2, с. 22].

В целом урегулированы вопросы начертания Государственной границы Беларуси с сопредельными государствами. Пограничных проблем с Польшей не было изначально, поскольку обе стороны согласились принять за основу линии Государственной границы линию Государственной границы между Польшей и СССР. С Литвой и Латвией процесс определения Государственной границы завершился в 2008—2009 гг. (уточнение отдельных параметров границы продолжалось до 2012 г.). За основу линии границы были приняты линии административных границ БССР с Литовской ССР и Латвийской ССР. С Россией в силу развития интеграционных процессов Государственная граница на местности не определялась. До конца нерешенным в 2012 г. оставался лишь вопрос о Государственной границе Республики Беларусь с Украиной, но и там спорные моменты порождали не расхождения сторон относительно начертания линии границы, а привходящие проблемы (спор относительно задоженности Украины перед Республикой Беларусь).

Расширилось дипломатическое присутствие Республики Беларусь в мире. В 1999 г. за рубежом действовали 34 посольства, 1 постоянное представительство и 5 генеральных консульств Беларуси, в 2009 г. — 45 посольств, 2 постоянных представительства, 7 генеральных консульств, 1 консульство, 12 отделений посольств, в 2011 г. — 63 дипломатических и консульских представительства в 51 стране мира [1, с. 105; 2, с. 22].

Зарубежные дипломатические представительства действуют и на территории Республики Беларусь. В 1999 г. в Минске и областных центрах Беларуси действовало 29 посольств, 2 генеральных консульства, 9 представительств международных организаций, в 2009 г. — 42 посольства, 1 отделение посольства (Швейцария), 1 торговое представительство (КНДР), 18 консульских учреждений (включая почетных консулов), 13 представительств международных организаций [1, с. 105; 2, с. 22].

Более углубленным стало взаимодействие Беларуси с международными организациями (в первую очередь, межгосударственными).

Важным направлением внешней политики Республики Беларусь являлась деятельность в структурах ООН и связанных с ней специализированных организациях (ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Всемирная организация интеллектуальной собственности, Международная организация труда и др.). В 1990-х гг. Беларусь стала членом Международного валютного фонда и группы Всемирного банка, Международной организации гражданской авиации, получила статус наблюдателя во Всемирной торговой организации, в 2003 г. присоединилась к Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), в 2005 г. — к Международной организации по миграции ООН.

Деятельность Республики Беларусь в ООН была направлена на обеспечение экономического и социального прогресса народов, охрану окружающей среды, укрепление международных механизмов разоружения. Принципиально новым направлением стала мобилизация международного сообщества по преодолению последствий чернобыльской катастрофы. В сентябре 2005 г. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН озвучил инициативу об активизации противодействия торговле людьми, которая получила поддержку со стороны структур ООН и зарубежных государств.

В 1996 г. Республика Беларусь подключилась к деятельности субрегиональной организации Центрально-Европейская инициатива, созданной в конце 1980-х гг. В настоящее время белорусская сторона выступает за сохранение этой организации как целостной структуры, способствующей поддержанию и развитию конструктивного взаимодействия всех стран центральноевропейского региона [3, с. 44]. Ценность этой международной структуры, с белорусской точки зрения, заключается в том, что она представляет собой своеобразное связующее звено между государствами — членами Европейского союза (Италия, Австрия, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Румыния, Болгария), государствами, имеющими перспективу членства в ЕС (Хорватия, Македония, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина) и государствами, которые в кратко- и среднесрочной перспективе не имеют возможности стать членами ЕС (Беларусь, Украина, Молдова).

В 2005 г. Республика Беларусь получила статус наблюдателя в ОЧЭС, в 2009 г. — статус наблюдателя в Совете государств Балтийского моря и партнера по диалогу ШОС.

Членство в международных организациях способствует расширению информации о возможностях Белорусского государства и повышает его авторитет на международной арене.

Республика Беларусь поддерживает меры по сохранению стабильности и безопасности в Европе и в мире. Основным гарантом ее безопасности является присутствие в системе коллективной безопасности СНГ.

В 2002—2003 гг. Беларусь приняла участие в преобразовании оборонительного союза государств СНГ в постоянно действующую Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и обязалась обеспечивать безопасность ОДКБ в Восточной Европе. В 2006 и 2011 гг. Республика Беларусь председательствовала в ОДКБ.

Членство Беларуси в ОДКБ уравнивается взаимодействием с другими военно-политическими структурами. В частности, Республика Беларусь является членом ОБСЕ и принимает активное участие в деятельности этой организации. Белорусские делегации принимали участие во всех саммитах СБСЕ/ОБСЕ (в 1992 г. в Хельсинки, в 1994 г. в Будапеште, в 1996 г. в Лиссабоне, в 1999 г. в Стамбуле, в 2010 г. в Астане), причем возглавляли эти делегации главы государств. В 2003 г. под председательством представителя Беларуси была разработана и принята на СМВД ОБСЕ в г. Маастрихте (Нидерланды) Стратегия ОБСЕ в области экономического и экологического измерения. В апреле—июле 2005 г. Республика Беларусь председательствовала на Форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности. Белорусские представители участвуют в заседаниях Минской группы в рамках переговорного процесса по вопросу мирного урегулирования в Нагорном Карабахе, работают в миссиях ОБСЕ в Боснии и Герцеговине, Македонии, Косово. В феврале 2003 г. Национальное собрание Республики Беларусь подключилось к работе Парламентской ассамблеи ОБСЕ.

Интерес к взаимодействию с НАТО белорусская сторона проявляла уже в начале 1990-х гг., хотя возможность обретения членства в Североатлантическом альянсе белорусским руководством и обществом принципиально отвергалась на протяжении всех 20 лет существования Беларуси в условиях независимости. В 1991 г. Республика Беларусь стала членом Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС), в 1997 г. — Совета Евроатлантического партнерства (СЕАП). В 1995 г. Беларусь присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира», в 1996 г. было положено начало разработке индивидуальных программ партнерства Беларуси и НАТО (ИПП). ИПП, принятая на 2010—2011 гг. предусматривала развитие сотрудничества Беларуси с НАТО в 24 областях (приоритетные — консультации, командование и управление; оборонная политика и стратегия; концепция, планирование и оперативные вопросы проведения миротворческих операций; военное образование, подготовка и доктрина; чрезвычайное гражданское планирование; языковая подготовка) [4].

Длительное время белорусская сторона воздерживалась от участия в миротворческих операциях ООН, однако в 2009 г. подход белорусского руководства к этой проблеме изменился. В 2010 г. первые белорусские миротворцы были введены в состав Временных сил ООН в Ливане.

Активность проявляет Республика Беларусь и в рамках Движения неприсоединения. В 2006 г. Президент Республики Беларусь на XIV саммите Движения в Гаване озвучил ряд предложений по укреплению по-

зиций неприсоединившихся государств на мировой арене. Белорусские делегации принимают регулярное участие в министерских встречах Движения.

В рамках курса на многовекторность Республика Беларусь делает основной акцент на расширение интеграционных связей с Россией. В 1999 г. Беларусь и Россия продекларировали намерение создать Союзное государство и сформировали ряд структур, организационно подкрепивших их союзные отношения (Высший государственный совет, Совет Министров, Постоянный комитет и прочие отраслевые и функциональные органы). Сотрудничество парламентариев осуществляется в Парламентском собрании Союза Беларуси и России. Нормой стало проведение заседаний совместных коллегий министерств и других органов государственного управления двух стран.

В 2000-х гг. в белорусско-российских отношениях возникли затруднения, обусловленные рядом факторов (различия во взглядах на перспективы интеграционных процессов, условия экономического взаимодействия, личностные трудности в общении руководителей). Главным образом возникновение конфликтных ситуаций предопределяли расхождения сторон по экономическим вопросам (условия поставок на российский рынок белорусских товаров, получения российских энергоносителей, транзита российских товаров по территории Беларуси), однако специфика социально-экономического и политического устройства Беларуси и России, в первую очередь, существенная роль государственных структур в регулировании экономических процессов, переводила споры хозяйствующих субъектов в полноценные межгосударственные конфликты («торговые войны»).

Впрочем, эти конфликты, как правило, завершались поиском компромиссных решений, удовлетворявших обе стороны. В конце 2010 г. отношения Беларуси с России были полностью нормализованы, в 2011—2012 гг. обе стороны приняли активное участие в формировании Таможенного союза и выразили намерение создать Единое экономическое пространство (ЕЭП) (помимо России и Беларуси в формировании указанных интеграционных объединений принимал активное участие Казахстан). С 1 июля 2011 г. на белорусско-российской границе был отменен таможенный контроль. В том же месяце приступила к работе объединенная Комиссия Таможенного союза, в состав которой вошли представители таможенных служб Беларуси, России и Казахстана. В ноябре 2011 г. три государства договорились завершить к 1 января 2015 г. кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и ЕЭП и создать на этой основе Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Россия стабильно сохраняла первую позицию среди внешнеторговых партнеров Беларуси. В 2010 г. на ее долю приходилось 46 % объема белорусской внешней торговли, 38,6 % белорусского экспорта и 51,6 %

белорусского импорта [5, с. 224—225]. Объем белорусско-российской торговли увеличился с 1,3 млрд дол. США в 2001 г. до 39,4 млрд дол. США в 2011 г. [5, с. 224—225; 6, с. 25; 7, с. 214]. В 2011 г. объем белорусско-российской торговли достиг рекордного показателя в 39,4 млрд дол. США [7, с. 214]. При этом объем экспорта белорусских товаров в Российскую Федерацию составлял 14,3 млрд дол. США, а импорта российских товаров в Республику Беларусь — 25,1 млрд дол. США [27, с. 214—215].

В 2000-х гг. на российский рынок поступала значительная часть белорусской продукции с высокой долей добавленной стоимости (оборудование, механические приспособления, транспортные средства). В 2008—2009 гг. в условиях мирового экономического кризиса белорусская сторона сократила поставки в Россию продукции машиностроения и черной металлургии, но при этом существенно увеличила поставки мясных и молочных продуктов, изделий химической промышленности (удобрений) и потребительских товаров [5, с. 25]. В 2010 г. в белорусском экспорте в Россию преобладали грузовые автомобили, холодильники и холодильное оборудование, части и оборудование для автомобилей и тракторов, телевизоров и других товаров с высокой степенью переработки, в 2011 г. — легковые и грузовые автомобили, тракторы и седельные тягачи, сыры и творог, молоко и сгущенные сливки, мясо крупного рогатого скота, шины и покрышки, прутки из железа или нелегированной стали, сливочное масло и молочные пасты, части и принадлежности к моторным транспортным средствам, машины для уборки и обмолота сельхозкультур [7, с. 214—215].

В свою очередь, Россия сохранила значимость в качестве ведущего (до 2010 г. — единственного) поставщика в Беларусь нефти и природного газа. В 2011 г. на долю топливно-энергетических товаров приходилось около 35 % объема белорусского импорта из России [7, с. 215]. Также в нашу страну в 2011 г. поступали российские отходы и лом черных металлов, двигатели внутреннего сгорания, железнодорожные и трамвайные вагоны, минеральные и химические удобрения. Поставки российской электроэнергии в 2011 г. достигли 176,5 млн дол. США, в то время как в 2010 г. их стоимостной объем составлял 9,5 млн дол. США [7, с. 215].

В декабре 2010 г. российская сторона обязалась устранить ограничения на поставки нефти в Беларусь при условии ратификации белорусской стороной пакета документов по созданию ЕЭП и согласия на перечисление в российский бюджет в стопроцентном объеме экспортных пошлин от нефтепродуктов, выработанных из российского сырья [8, с. 13; 9, с. 12]. В 2011 г. российская сторона довела поставки нефти в Республику Беларусь до 21,7 млн т. [10, с. 12]. В конце 2011 г. была достигнута договоренность о снижении стоимости российской нефти, необходимой для внутренних нужд Беларуси [10, с. 12; 11].

В ноябре 2011 г. российская сторона согласилась снизить цену на поставки природного газа для Беларуси с 279 до 165,6 дол. США за 1 кубометр и гарантировала осуществление транзита газа по белорусской территории в страны ЕС. В свою очередь, белорусское руководство полностью передало под российский контроль концерн «Белтрансгаз», получив в качестве отступного 2,5 млрд дол. США (50 % акций концерна россияне получили в 2007—2010 гг.) [10, с. 12]. В декабре 2011 г. президент Республики Беларусь А. Лукашенко оценил мультипликативный эффект от изменения условий поставок российской нефти и природного газа для белорусской экономики более чем в 4 млрд дол. США, а председатель Совета министров Республики Беларусь М. Мясникович — в 2,9 млрд дол. США [10, с. 12].

Осенью 2011 г. российская сторона согласилась предоставить кредит на строительство Белорусской АЭС в размере 10 млрд дол. США [12].

Отказ российской стороны от политики «коммерциализации» отношений с Беларусью, проводившейся с 2002 по 2010 гг., поспособствовал смягчению кризисных явлений в белорусской экономике в 2011 г. По словам А. Лукашенко, в новых условиях Россия стала «одной из опор суверенитета и экономического развития» Белорусского государства [13].

Россия и Беларусь развивают сотрудничество в военной и военно-технической сферах. На белорусской территории размещены российские военные объекты — компонент системы предупреждения о ракетном нападении в Ганцевичах (РЛС «Волга») и 43-й узел связи военно-морского флота в Вилейке, обеспечивающий связь Главного штаба ВМФ России с атомными подводными лодками в районах Атлантического, Индийского и частично Тихого океанов. Беларусь поставляет в Россию автоматизированные системы управления, колесные тягачи. 180 российских предприятий ВПК работают со 120 белорусскими партнерами [6, с. 27]. Проводятся совместные белорусско-российские учения, формируется единая система противовоздушной обороны. Россия неоднократно оказывала и продолжает оказывать поддержку Беларуси на международной арене.

Руководство Беларуси не стремится ограничивать внешнеполитическую активность исключительно отношениями с Россией и проводит линию, направленную на поиск и расширение сотрудничества с другими государствами мира. В первую очередь интерес проявляется к налаживанию связей с другими государствами, возникшими в результате ликвидации СССР. За прошедшие годы в качестве ведущих партнеров Беларуси по диалогу на постсоветском пространстве выступали Украина и Казахстан (Украина в силу географического соседа, Казахстан — в силу активного участия в интеграционных процессах в СНГ). В 2000-х гг. расширились политические контакты с Туркменистаном, Таджикистаном, Азербайджаном, Арменией. Несмотря на очевидную разновекторность политических устремлений Республика Беларусь

смогла выстроить на прагматичной основе отношения с Грузией, покинувшей в 2009 г. Содружество Независимых Государств. Наиболее проблемными в начале второго десятилетия 2000-х гг. являлись отношения Беларуси с Кыргызстаном в силу предоставления белорусской стороной политического убежища экс-президенту Кыргызстана К. Бакиеву и лицам из его ближайшего окружения. Тем не менее, развитие отношений с постсоветскими государствами затрудняет их нестабильное внутреннее положение и недостаточно высокий уровень развития. В целом государства СНГ занимают во внешней торговле Беларуси незначительное место, исключение составляют только Украина (7,1 % от общего объема внешней торговли Беларуси в 2011 г. [14]) и Казахстан (0,9 % от общего объема Беларуси в 2011 г. [14]). В 2011 г. объем белорусско-украинской торговли составил 6,2 млрд дол. США, объем белорусско-казахстанской торговли — 769 млн дол. США, с прочими же постсоветскими государствами (Азербайджан, Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) Беларусь наторговала на 2 млрд дол. США [14].

В качестве естественного партнера рассматривается Европейский союз, который представляет собой одно из наиболее успешных межгосударственных объединений и один из крупнейших мировых рынков современности. С мая 2004 г. Беларусь и ЕС имеют общую границу протяженностью в 1250,3 км [15].

Первоначально отношения между Республикой Беларусь и ЕС выстраивались в конструктивном духе. В первой половине 1990-х гг. руководители Белорусского государства поддерживали активные контакты с европейскими структурами (в особенности с Европарламентом) и отдельными государствами — членами ЕС. 6 марта 1995 г. Республика Беларусь и Европейский союз подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). В том же году СПС ратифицировал Верховный Совет Республики Беларусь и началась процедура его ратификации всеми государствами — членами ЕС. 25 марта 1996 г. между Беларусью и ЕС было заключено Временное соглашение о торговле, которое должно было действовать до момента ратификации СПС всеми странами — членами ЕС.

В середине 1990-х гг. отношения между Беларусью и ЕС стали приходить в состояние конфликта. В значительной мере трудности в развитии диалога были вызваны нежеланием европейских политиков учитывать особенности политического развития белорусского государства. Положив в основу подхода к Беларуси ценностный компонент, они увязывали расширение диалога с требованиями демократизации политической системы Республики Беларусь, отвергая предложения белорусской стороны о желательности налаживания сотрудничества на основе прагматизма, реализации взаимовыгодных проектов в сферах, не связанных с политикой. В 1997 г. страны ЕС приостановили ратификацию СПС, в

2004 г. отказались от разработки специальной программы соседства для Беларуси. В 2007 г. Беларусь была исключена из Общей системы преференций ЕС.

Надежды на возможность нормализации отношений появились в условиях одобрения структурами ЕС в 2008 г. совместной инициативы Польши и Швеции для европейских государств СНГ, получившей название «Восточное партнерство». В мае 2009 г. Республика Беларусь присоединилась к «Восточному партнерству». Присоединение к этой инициативе совпало с «оттепелью» в отношениях Беларуси с Евросоюзом, произошедшей в условиях активизации российской политики на Южном Кавказе. За период с сентября 2008 г. по ноябрь 2010 г. в Минске побывали представители руководящих структур ЕС (Верховный представитель по делам внешней политики и политики безопасности ЕС Х. Солана, Комиссар ЕС по внешним связям и Европейской политике соседства Б. Ферреро-Вальднер, Европейский комиссар по вопросам расширения ЕС и Европейской политике соседства Ш. Фюле), президент Литвы, премьер-министры Латвии и Италии, министры иностранных дел Литвы, Финляндии, Польши, Испании, Чехии, Словакии, Словении, Словакии, Италии, Латвии, Германии, парламентские делегации из Финляндии, Чехии, Германии, Литвы, Франции, Эстонии, Италии, Венгрии, Дании. В свою очередь, Президент Республики Беларусь А. Лукашенко в 2009—2010 гг. осуществил визиты в Италию и Литву, премьер-министр Беларуси С. Сидорский — в Польшу. Активно выезжал в страны ЕС министр иностранных дел Республики Беларусь С. Мартынов. В частности, он побывал с визитами в Германии, Италии, Финляндии, Испании, Австрии, Венгрии, Польше, Словении, Латвии.

В ходе пребывания на учредительном саммите «Восточного партнерства» в Праге в мае 2009 г. вице-премьер Республики Беларусь В. Семашко заметил, что подключение Республики Беларусь к «Восточному партнерству» ускорит снятие ограничений в торговле ЕС с Беларуссией, создаст новые возможности для наращивания белорусского экспорта в европейские страны, привлечения европейских инвестиций в белорусскую экономику, более активного использования транзитного потенциала Беларуси, упрощения ее визового режима со странами ЕС [16].

В 2009—2010 гг. белорусские дипломаты внесли на рассмотрение структур ЕС ряд конкретных предложений, сконцентрировав внимание на вопросах экономического и энергетического взаимодействия с государствами ЕС и участниками «Восточного партнерства». Белорусские предложения получили активную поддержку со стороны Литвы (члена ЕС) и Украины.

Однако структуры и наиболее влиятельные государства ЕС отнеслись к белорусским пожеланиям сдержанно. Как правило, разговор сводился к тому, что реальные экономические дивиденды от сотрудничества белорусская сторона может получить только при условии либера-

лизации своей политической и социально-экономической системы. Европейский союз отказался признать рыночный характер белорусской экономики, не отменил торговые ограничения, введенные в предшествующие годы, и не оказал белорусскому государству поддержки по присоединению к ВТО. Столь же разочаровывающими для белорусской стороны оказались результаты сотрудничества с ЕС в области энергетики. По существу, оно ограничилось реализацией «точечных» проектов (к примеру, с помощью Германии в Брестской области было установлено оборудование, позволяющее использовать ветряную энергию). Европейский союз не только отказался профинансировать проекты по альтернативным поставкам в Беларусь нефти и природного газа, но и не воспрепятствовал введению в действие газопровода «*Nord Stream*», который объективно ограничивал возможности Республики Беларусь выступать в роли транзитного звена между Россией и ЕС.

Не слишком преуспели стороны и в решении вопроса об облегчении визового режима. В 2010 г. европейские структуры согласились провести с Беларусью переговоры по смягчению визовых проблем (в этой связи нужно заметить, что в 2007 г. стоимость въездных виз в шенгенское пространство ЕС была доведена для граждан Беларуси до предельного уровня в 60 евро и значительно превышала стоимость аналогичных виз для граждан России и Украины), но существенных подвижек в этой сфере не произошло. За упрощение визового режима выступали лишь страны, которые присоединились к ЕС в 2000-х гг. Прочие же государства, мнение которых по данному вопросу было решающим (Германия, Франция, Нидерланды и т. п.), соглашались облегчить визовые процедуры лишь для отдельных категорий белорусских граждан.

В 2010 г. Республика Беларусь подписала с соседними государствами ЕС (Польшей, Литвой и Латвией) соглашения о «малом приграничном движении». Эти соглашения должны были облегчить возможность трансграничного перемещения для граждан Беларуси и соответствующих государств ЕС, однако на практике заработало только соглашение с Латвией (с февраля 2012 г.).

В декабре 2010 г. стало ясно, что полного взаимопонимания между Беларусью и ЕС достичь не удалось. Руководство Беларуси не смогло заставить ЕС принять свою повестку дня, но не приняло и повестку дня, предложенную европейцами. В результате Евросоюз в 2011 г. возобновил политику «имиджевых» санкций, которую он неоднократно применял в отношении Беларуси с конца 1990-х гг. (в 2008—2010 гг. действие санкций было приостановлено, но полностью не отменено).

Впрочем, дальше введения «имиджевых» санкций Евросоюз не пошел. Призывы отдельных белорусских оппозиционеров и некоторых европейских политиков ввести в отношении Беларуси полномасштабные экономические санкции были отвергнуты большинством европейских государств со ссылкой на то, что в результате подобных санкций постра-

дает не столько белорусское руководство, сколько белорусский народ. Еще одним аргументом стало утверждение, что экономические санкции усилият зависимость Беларуси от России.

Как следствие, Евросоюз продолжает входить в число важнейших внешнеторговых и инвестиционных партнеров Беларуси. В 2011 г. двусторонний товарооборот достиг 24,5 млрд дол. США [7, с. 212]. Немаловажным было и то, что в торговле со странами ЕС Беларусь сохраняла положительное сальдо, объем которого в 2011 г. достиг 7 млрд дол. США (исключением стал лишь 2010 г., когда сократился приток российской нефти в Беларусь) [7, с. 212]. Активнее всего из стран Евросоюза в 2011 г. с Беларусью торговали Нидерланды, Германия, Латвия, Польша, Италия, Литва. Объем торговли с этими государствами 19,4 млрд дол. США, их доля во внешней торговле Беларуси — 22,3 % [7, с. 213; 15]. Главным образом в страны ЕС вывозились белорусские нефтепродукты.

Гораздо хуже выглядят результаты развития отношений Беларуси с США. В начале 1990-х гг. взаимодействие двух стран приобрело достаточно высокую динамику. США в числе первых признали независимость Беларуси и открыли посольство в Минске. В июле 1993 г. состоялся официальный визит в США Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевича, в январе 1994 г. с ответным визитом в Минске побывал президент США У. Дж. Клинтон. В 1995 г. рабочий визит в США осуществил Президент Республики Беларусь А. Лукашенко. Руководство Соединенных Штатов приветствовало стремление белорусской стороны избавиться от ядерного оружия и оказывало ей финансовую помощь, необходимую для проведения мероприятий в области разоружения. К середине 1990-х гг. США прочно вошли в десятку ведущих партнеров Беларуси, как по объему торговых операций, так и по осуществлению прямых инвестиций в белорусскую экономику.

С конца 1990-х гг. отношения Беларуси и США стали ухудшаться. Решающую роль, как и в случае с Евросоюзом, сыграл ценностный компонент. Американские политики расценили политические преобразования в Республике Беларусь, осуществленные в 1996 г., как отступление от демократических стандартов и выразили намерение развивать с ней взаимодействие на принципах «избирательного партнерства».

В 2004 и 2006 гг. во время пребывания у власти республиканской администрации Дж. У. Буша США пытались оказать влияние на ситуацию в Беларуси посредством принятия «Актвов о демократии». В 2007 г. американская сторона ввела санкции в отношении концерна «Белнефтехим». Ответной реакцией белорусской стороны на ограничительные меры экономического характера стало сокращение персонала посольства в Вашингтоне и предложение Соединенным Штатам пойти по тому же пути в Минске. В марте 2008 г. соответствующее требование было

выполнено, но при этом белорусские граждане лишились возможности получать въездные визы в США непосредственно на территории Беларуси. Также США понизили статус главы своего диппредставительства в Минске до уровня Временного поверенного в делах.

Изменений к лучшему в белорусско-американских отношениях не произошло и после прихода к власти в США в 2009 г. демократической администрации Б. Обамы. Осторожные контакты (к примеру, встреча госсекретаря США Х. Клинтон с министром иностранных дел Республики Беларусь на саммите ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г.) были свернуты после президентских выборов 2010 г. в Беларуси, результаты которых американские политики восприняли отрицательно. В январе 2012 г. президент США утвердил очередной «Акт о демократии в Беларуси», предложенный Конгрессом США.

Отсутствие нормального политического диалога и сохранение со стороны США ограничительных мер в отношении белорусской экономики привели к свертыванию деловой активности американских компаний в Беларуси и сокращению объема двусторонней торговли. Доля США в общем объеме внешней торговли Республики Беларусь в 2006—2011 гг. сократилась с 1,5 % до 0,9 %, товарооборот Беларуси с США — с 730 до 635,2 млн дол. США [7 ; 17, с. 19]. Сокращение товарооборота было связано прежде всего с уменьшением объема белорусского экспорта в США: в 2006 г. он составлял 445 млн дол. США, в 2011 г. — 86 млн [7; 17, с. 19].

Трудности в общении Беларуси с ЕС и США затрудняют развитие ее отношений и с другими странами «коллективного Запада» — Японией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией.

Специфический характер приобрели белорусско-израильские отношения. До конца 2000-х гг. диалог двух стран сохранял неустойчивый характер, хотя Израиль, в отличие от ЕС и США, открыто не осуждал политику, проводимую руководством Республики Беларусь (за исключением отдельных моментов, связанных с реализацией политики в отношении арабских государств Ближнего Востока и Ирана). В 2003 г. израильское правительство даже закрыло посольство в Минске, сославшись на нехватку средств на его содержание. Однако вскоре это решение было пересмотрено и в 2004 г. деятельность израильской дипломатической миссии в Беларуси возобновилась.

В конце 2000-х гг. белорусско-израильский политический диалог стал более активным. В 2009—2011 гг. в Беларуси побывали министры иностранных дел, туризма, сельского хозяйства и развития Израиля. В 2011 г. состоялся рабочий визит в Израиль Премьер-министра Республики Беларусь М. Мясниковича. В том же году израильская сторона выразила готовность предоставить Беларуси финансовую помощь, необходимую для преодоления последствий финансового кризиса, отметив, что рассматривает ее как дружественную страну [18].

Вместе с тем, достичь значительных результатов в развитии сотрудничества в области экономики и инвестиций Беларусь и Израиль к началу второго десятилетия XXI в. не смогли. В 2011 г. доля Израиля в общем объеме белорусской внешней торговли не превышала 0,1 %, а объемом товарооборота составлял всего лишь 82 млн дол. США (объем белорусского экспорта в Израиль составлял 20 млн дол. США, объем израильского импорта в Беларусь — 62 млн) [7, с. 11].

Отсутствие нормальных отношений со странами «коллективного Запада» компенсируется расширением взаимодействия Беларуси со странами «коллективного Юга», расположенными в Азии, Африке и Латинской Америке. В 1990-х — 2000-х гг. Республика Беларусь открыла посольства во Вьетнаме, Китае, Республике Корея, Индии, Турции, ОАЭ, Сирии, Ираке (в 2003 г. было закрыто), Иране, Египте, Ливии, ЮАР, Нигерии, Аргентине, Бразилии, Венесуэле, на Кубе. С рядом стран контакты удалось установить благодаря участию в Движении неприсоединения. В отличие от стран Запада страны «коллективного Юга» с пониманием воспринимали специфику политического устройства Беларуси и выбор ее внешнеполитических приоритетов. Данное обстоятельство способствовало налаживанию конструктивного межгосударственного диалога. Наиболее активно он развивался с Вьетнамом, Республикой Корея, Турцией, Ираном, Индией, ОАЭ, Сирией, Катаром, Кубой.

В 2011 г. в число ведущих внешнеторговых партнеров Беларуси входили Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Индия, Индонезия, Иран, Малайзия, Турция. Объем товарооборота с этими странами составил 4 млрд дол. США, а их доля во внешней торговле Беларуси — 4 % [7, с. 10—13, 17].

Особый характер приобрели отношения Республики Беларусь с Бolivарианской Республикой Венесуэла. До середины 2000-х гг. межгосударственный диалог Беларуси с этим латиноамериканским государством практически не развивался, однако после визита в Минск в 2006 г. президента Венесуэлы У. Чавеса стал расширяться стремительными темпами. В 2007—2010 гг. У. Чавес посещал Беларусь ежегодно. Дважды — в 2007 и 2010 гг. — осуществлял визиты в Венесуэлу Президент Республики Беларусь А. Лукашенко.

В 2007 г. в Венесуэле началась реализация совместных проектов с участием Беларуси (строительство заводов по выпуску автомобилей МАЗ и тракторов МТЗ, технического центра по ремонту и обслуживанию дорожно-строительной, коммунальной и сельскохозяйственной техники, молокозавода, мясокомбината, кирпичного завода, жилых районов и т.п.). Большинство из этих объектов было введено в строй в 2012 г.

В 2007 г. было создано совместное белорусско-венесуэльское предприятие «Петролера БелоВенесолана». В 2008—2009 гг. оно осуществляло добычу нефти на месторождениях Блок X Лаго Медо и Гуа-

ра Эсте. В 2009 г. предприятие получило право на разработку нефти в месторождениях Лагунильяс Блок II, Оритупано Норте и Остра, в 2010 г. — на разработку природного газа в 6 месторождениях в восточной части Венесуэлы, в 2011 г. — на разработку нефти в месторождениях Сентро Блок VIII и Лагунилас Блок XII. Таким образом, к началу 2012 г. предприятие осуществляло разработку 7 нефтяных и 6 газовых месторождений. Фактическая добыча предприятия за 2008—2011 гг. составила более 3,1 млн т нефти, газа — 1,7 млрд куб. м, в т. ч. за 2011 г. — 1,1 млн т нефти и более 700 млн куб. м газа [19].

В 2010 г. Беларусь и Венесуэла создали еще одно совместное предприятие, сориентированное на поставки венесуэльской нефти непосредственно в Беларусь. В мае 2010 г. венесуэльская нефть поступила на Мозырьский НПЗ и поставлялась туда до конца года (содействие в доставке венесуэльской нефти в Беларусь осуществляла Украина). В 2011 г. венесуэльская нефть поступала в Беларусь на основе специальной своп-схемы с участием Азербайджана, однако в 2012 г. белорусская сторона отказалась от прямых поставок венесуэльской нефти, сочтя их нерентабельными [20].

Импорт нефти из Венесуэлы привел к возникновению отрицательно-го сальдо в белорусско-венесуэльской торговле. Если в 2008 г. Беларусь поставила в Венесуэлу товаров на 183,2 млн дол. США и ввезла оттуда товаров на 200 тыс. дол. США, то в 2010 г. объем белорусского экспорта в Венесуэлу составил 309,8 млн дол. США, а импорта из Венесуэлы в Беларусь — около 1,2 млрд дол. США [21, с.17; 22]. В 2011 г. объем белорусского экспорта в Венесуэлу сократился до 212,6 млн дол. США, в то время как объем венесуэльского импорта в Беларусь сохранился на уровне 1,2 млрд дол. США [14]. В 2012 г. сокращение затронуло как белорусский экспорт в Венесуэлу, так и венесуэльский импорт в Беларусь. Таким образом, белорусско-венесуэльские отношения в торгово-экономической сфере остаются неустойчивыми.

Более результативным выглядит взаимодействие Республики Беларусь с КНР. Его основы сформировались в 1990-х гг. В июле 2000 г. руководство КНР демонстративно высказалось «против вмешательства во внутренние дела Республики Беларусь, против оказания политического и экономического давления на нее любым государством под любым предлогом», выразило уважение к суверенитету и территориальной целостности Беларуси, поддержало ее усилия по защите независимости и территориальной целостности, укреплению социально-экономической стабильности [23, с. 33]. В свою очередь, руководство Республики Беларусь заявило о готовности придать отношениям с КНР характер стратегического партнерства.

Уже к концу 1990-х гг. Китай вошел в число крупнейших внешне-торговых партнеров Беларуси, заняв первое место среди стран Азии и обогнав азиатские государства СНГ (Казахстан, Узбекистан, Туркмени-

стан, Таджикистан и Кыргызстан). В 1992—2011 гг. товарооборот Республики Беларусь с КНР увеличился с 33,9 млн до 2,9 млрд дол. США [7, с. 12; 24, с. 234]. Доля Китая во внешней торговле Беларуси в 2011 г. достигла 3,3 % [14].

До 2006 г. Беларусь имела в торговле с Китаем положительное сальдо, хотя во многом этот торговый профицит обеспечивали поставки калийных удобрений, на которые приходилось более половины белорусского экспорта в КНР (в 2011 г. доля калийных удобрений в общем объеме белорусского экспорта в Китай составила 52,7 % [7, с. 217]). С 2006 г. Беларусь стала ввозить из Китая больше продукции, чем вывозить туда своих товаров. В 2011 г. объем отрицательного сальдо в белорусско-китайской торговле составил 1,5 млрд дол. США [7, с. 12]. В 2011 г. Беларусь закупала в КНР преимущественно телефонные и телеграфные аппараты для проводной связи; ЭВМ и их блоки; детали обуви; части и принадлежности к автомобилям; машины и устройства для подъема, перемещения, погрузки или разгрузки; оборудование для обработки грунта, камня, руд; мониторы, проекторы, аппаратуру приема для телевизионной связи [7, с. 215—216].

Во второй половине 1990-х гг. Беларусь и Китай стали переходить от чисто торговых операций к реализации совместных производственных проектов. В 2000-х гг. КНР начала предоставлять Беларуси кредиты под реализацию конкретных производственных проектов. В 2009—2011 гг. со стороны Китая таким образом было получено около 15 млрд дол. США [25]. В 2012 г. белорусская и китайская стороны договорились о реализации 20 крупных проектов на общую сумму более 5 млрд дол. США [26]. Наиболее значимым из них стал проект «Китайско-белорусский индустриальный парк», с помощью которого белорусское руководство рассчитывает осуществить модернизацию экономики Беларуси.

В целом же можно сказать, что за 20 лет существования в условиях независимости Белорусское государство обрело свою специфическую нишу на международной арене и существенно расширило диапазон международного общения. Внешняя политика Республики Беларусь стала более активной, деятельность белорусской дипломатии — более профессиональной. В то же время есть основания констатировать, что в настоящее время потенциал многовекторной внешней политики Беларуси реализуется не в полном объеме, отдельные внешнеполитические векторы выглядят несбалансированными, ограничивая свободу маневра для Белорусского государства на международной арене. Больше всего проблем Республика Беларусь имеет в части реализации внешней экономической политики, которая явно не выглядит экспансией на внешние рынки, хотя подобная задача ставилась руководством Республики Беларусь еще в 2004 г. Беларусь отстает от наиболее развитых стран мира в освоении передовых технологий. Существуют проблемы и в части реализации внешней культурной политики, присутствия Беларуси

на мировом информационном поле. Исходя из этого, можно предположить, что в ближайшей перспективе наиболее актуальными для белорусских дипломатов станут задачи создания благоприятных условий по продвижению белорусской продукции на мировой рынок, обеспечения технологического рывка Беларуси, расширения белорусского культурного и информационного присутствия в мире.

Литература

1. Беларусь. Факты: справочник / авт.-составитель С. П. Самуэль. — Минск, 2000.
2. Беларусь. Факты, 2009 / сост. А. А. Дылейко — Минск, 2009.
3. Садовская, А. Н. Республика Беларусь и европейские субрегиональные организации / А. Н. Садовская // Беларусь в современном мире: Материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Белорус. гос. ун-та. Минск, 28 октября 2011 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011. — С. 44—45.
4. Организация Североатлантического договора [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.mfa.gov.by/multilateral/organization/list/b129a4a7c02f7d7c.html>>. — Дата доступа: 20.08.2012.
5. Таможенная статистика внешней торговли Республики Беларусь: бюллетень. Январь—декабрь 2010 г. — Минск, 2011.
6. Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е годы / Ю. И. Малевич [и др.]; под ред. А. В. Шарапо. — Минск, 2010. — 84 с.
7. Таможенная статистика внешней торговли Республики Беларусь. Бюллетень. Январь — декабрь 2011 года. — Минск, 2012.
8. Маненок, Т. Кролик из интеграционной шляпы / Т. Маненок // Белорусы и рынок. — 2010. — № 49.
9. Маненок, Т. Нефтяники работают на старых запасах / Т. Маненок // Белорусы и рынок. — 2011. — № 1.
10. Маненок, Т. Пряники для Беларуси / Т. Маненок // Белорусы и рынок. — 2011. — № 49.
11. Кожемякин, А. Россия даст Беларуси дешевую нефть, Беларусь даст России дешевый бензин / А. Кожемякин [Электронный ресурс] // Белорусские новости. — 16.12.2011. — Режим доступа: <http://naviny.by/rubrics/economic/2011/12/16/ic_articles_113_176197/>. — Дата доступа: 19.01.2012.
12. РФ подписала соглашение о кредите Белоруссии на строительство АЭС [Электронный ресурс] // РИА «Новости». — 25.11.2011. — Режим доступа: <http://ria.ru/atomtec_news/20111125/497927449.html>. — Дата доступа: 19.01.2012.
13. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 21.04.2011. — Режим доступа: <<http://www.president.gov.by/press116504.html#doc>>. — Дата доступа: 19.01.2012.
14. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь — декабрь 2011 года [Электронный ресурс] // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_2011/jan_dek_2011>. — Дата доступа: 22.02.2012.
15. Граница Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Государственный пограничный комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://gpk.gov.by/border/>>. — Дата доступа: 25.08.2012.
16. Романова, Н. Партнерство предполагает взаимность [Электронный ресурс] // СБ-Беларусь сегодня. — Режим доступа: <<http://www.sb.by/print/post/84935/>>. — Дата доступа: 08.05.2009.

17. Таможенная статистика внешней торговли Республики Беларусь: бюллетень. Январь — декабрь 2006 года. — Минск, 2007.
18. Израиль поддержит экономику Беларуси в кризисный период [Электронный ресурс] // Белорусские новости. — 21.06.2011. — Режим доступа: <[/rubrics/economic/2011/06/21/ic_news_113_370522/](#)>. — Дата доступа: 25.08.2012.
19. Зарубежная деятельность. Венесуэла [Электронный ресурс] // Государственное производственное объединение «Белоруснефть». — Режим доступа: <[http://www.beloil.by/ru/foreign-affairs/venezuela/](#)>. — Дата доступа: 25.08.2012.
20. Беларусь может отказаться от венесуэльской нефти [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. Белорусское телеграфное агентство. — 07.06.2012. — Режим доступа: <[http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-mozhet-otkazatsja-ot-importa-venesuelskoj-nefti---Semashko_i_599672.html](#)>. — Дата доступа: 25.08.2012.
21. Таможенная статистика внешней торговли Республики Беларусь: бюллетень. Январь — декабрь 2008 года. — Минск, 2009.
22. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь—декабрь 2010 года [Электронный ресурс] // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <[http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi2010/itogi_12_2010](#)>. — Дата доступа: 21.03.2011.
23. Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — 2000. — № 3.
24. Шиманский, М. Здравствуй, Китай! / М. Шиманский. — Минск, 2001.
25. Карягин, В. Белорусская площадка готова для китайской экспансии / В. Карягин [Электронный ресурс] // Независимая газета — Независимое военное обозрение. — Режим доступа: <[http://nvo.ng.ru/concepts/2011-09-30/1_belorussia.html](#)>. — Дата доступа: 30.09.2011.
26. Развитие в перспективном русле [Электронный ресурс] // СБ-Беларусь сегодня. — 20.01.2012. — Режим доступа: <[http://www.sb.by/post/125750/](#)>. — Дата доступа: 20.08.2012.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Рафал Чахор, кандидат исторических наук, Вроцлавский университет

В 2011 г. Республика Беларусь отмечала двадцатилетие независимости. В исторической перспективе — это очень короткий период, но для молодого государства — целая эпоха, которую можно разделить на три отдельных периода [1; 2].

В последние годы существования Советского Союза Беларусь не проявляла эмансипационных стремлений. В данной ситуации дезинтеграция СССР была для Беларуси неожиданностью и серьезным вызовом. Это отразилось на внешней политике государства. В первые годы после приобретения независимости у белорусских политических элит не было четкой, долговременной внешнеполитической концепции [2]. Основные документы, определяющие характер внешнеполитической деятельности республики, содержали обобщенные декларации приверженности основным принципам, регулирующим международные отношения, в том числе соблюдение суверенных прав других государств, мирного решения любых конфликтов [3]. Изъявляя готовность к интеграции в мировое сообщество, Минск установил дипломатические отношения со многими странами, вступил в ряд международных организаций. Республиканские власти объявили желание превратить Беларусь в нейтральное и безъядерное государство [4].

Первоначально Беларусь международным сообществом рассматривалась в контексте находящегося на территории республики ядерного оружия. Декларацию вывода из страны стратегического ядерного оружия и образцовое выполнение взятых на себя обязанностей можно считать большим успехом белорусской дипломатии и доказательством ответственности государственных властей [5]. После вывода оружия интерес к Беларуси у западных стран значительно понизился. Несмотря на то что Минск намного добросовестнее, чем Украина и Казахстан, воплотил в жизнь статьи Договора о нераспространении ядерного оружия, Запад не уделял Беларуси больше внимания, считая ее зоной геополитического влияния России. Запад не вмешивался в проблемы стран СНГ ради отношений с Россией, выходящей из шока после распада СССР. Таким образом, белорусская дипломатия не могла добиться индивидуальной пользы от реализации настолько существенных для стран Запада обязательств в области международной безопасности. Первый, заверченный в 1994 г., сложный период создания основ внешней политики Республики Беларусь нужно оценить как успешный. Доказательством этого являются не только установление дипломатических отношений со всеми главными странами мира, но и способствование возникновению в Европе пространства сотрудничества и доверия.

Важной датой в жизни Беларуси и началом второго периода ее внешней политики было избрание Александра Григорьевича Лукашенко на пост Президента Республики Беларусь в 1994 г. Декларированным приоритетом, своеобразной идеей фикс правления А. Г. Лукашенко было возобновление близких связей с Россией, некая реставрация «прежнего союза» [6]. Убеждения белорусского лидера были глубоко укоренившимися в общественном сознании и соответствовали желаниям масс. В действительности избрание А. Г. Лукашенко на пост Президента не принес значительных изменений во внешней политике страны — все также развивалось сотрудничество со странами западной Европы и Россией. Тезис о том, что А. Г. Лукашенко совершил резкую переориентацию внешней политики на восточный вектор не находит подтверждения. С момента приобретения независимости в белорусско-российских отношениях можно было отметить две тенденции: дезинтеграционную, связанную с распадом Советского Союза и интеграционную, проявляющуюся в стремлении сохранить прежние связи. Такие шаги предпринимало в 1993—1994 гг. правительство В. Ф. Кебича, подписывая Договор о коллективной безопасности и Договор об объединении денежных систем двух государств.

Избрание А. Г. Лукашенко на пост главы государства не был положительно воспринят частью международного сообщества. Ограничение контактов со странами Запада белорусское руководство компенсировало за счет интенсивного сотрудничества с Россией. Приоритетный характер белорусско-российских отношений привел к возникновению правовых институтов интеграционного типа: Сообщество Беларуси и России, Союз Беларуси и России и Союзное государство, являющееся кульминационной точкой процесса объединения двух государств. В создаваемых структурах в процессе интеграции преобладали политические цели, что в долговременной перспективе привело к фиаско инициативы. Значительная часть решений, зафиксированных в принятых документах, не была выполнена. Однако в данной ситуации обе стороны получили определенные выгоды, в частности, власти Беларуси не теряя суверенитета, пользовались российской экономической поддержкой, покупая по льготным ценам энергоносители [7].

Стремления Запада к изменению геополитической карты Европы повлекли за собой значительное охлаждение отношений с Беларусью. Западные страны негативно относились к белорусскому руководству и стали применять политику изоляции. Беларусь последовательно декларировала желание возобновления диалога при соблюдении условий взаимоважения и невмешательства во внутренние дела. Во второй половине 1990-х гг. в высказываниях белорусского Президента стали появляться требования уравнивания внешней политики страны, все чаще звучало понятие многовекторности, под которым понималось более активное и полноценное вовлечение Республики Беларусь в международную жизнь,

поиск других, кроме России, стратегических партнеров [8]. Принятие доктрины многовекторности следует рассматривать как верное решение, и можно только сожалеть, что это решение было принято так поздно.

Переориентация внешней политики на многовекторность произошла в 2000 г., под влиянием политических событий в России. Белорусско-российские отношения стали терять характер «братского союза», в котором Республика Беларусь играла роль младшего брата, а стали приобретать черты нормальных отношений двух близких соседских стран. Новой целью белорусской дипломатии стало нейтрализовать зависимость от России, в частности путем активизации отношений с членами Движения неприсоединения, странами Африки и Южной Америки. Многовекторность непосредственно связана с акцентированием роли суверенитета Беларуси. В новых политических условиях приоритетом властей стало сохранение независимости страны при одновременном поддержании экономических и военных связей с Россией.

После 2000 г. целью Минска стал поиск партнеров, способных компенсировать неудачи в отношениях с Россией. Одним из результатов многовекторности стало заключение «стратегических партнерств» с Китаем и Венесуэлой. В поисках многовекторных решений белорусское руководство верно учло растущее значение азиатских и южноамериканских стран в мировой политике. Беларусь заключила «стратегические партнерства» со странами, являющимися постоянными членами Совета Безопасности ООН, важными экспортерами энергоносителей. Особенно стоит подчеркнуть не только политический, но и экономический характер партнерств [9]. Это вписывается в приоритеты внешнеполитической деятельности Беларуси, предусматривающие укрепление экономического потенциала страны, способствование развитию белорусского экспорта. Официально развитие стратегических отношений с Россией остается одним из приоритетных направлений внешней политики Беларуси, однако повторяющиеся трудности в двусторонних контактах требуют с большим вниманием и осторожностью прогнозировать развитие событий.

В 2008—2010 гг. можно было отметить изменения в отношении стран Запада к Беларуси. Такие факторы, как непосредственное соседство Республики Беларусь и Европейского союза, обострение отношений Минск—Москва, российско-грузинский конфликт, стали для Запада доказательствами политического значения Восточной Европы. Минск и Брюссель возлагали надежды на принятую Европейским союзом в мае 2009 г. программу сотрудничества с постсоветскими странами «Восточное партнерство». Успех этой инициативы мог бы способствовать нормализации отношений и тесному сотрудничеству Республики Беларусь и Европейского союза. В настоящий момент тяжело прогнозировать дальнейшее развитие отношений, хотя, несомненно, проводимая Европейским союзом политика изоляции и ограниченного диалога с Беларусью закончилась полным провалом.

Двадцатилетний период функционирования Республики Беларусь как полноправного субъекта международного сообщества следует оценить весьма положительно. В это непростое, даже для мировых держав, время белорусская дипломатия приняла много судьбоносных решений, проявила ответственность и способность динамично реагировать на изменения в политической среде.

Литература

1. Czachor, R. *Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991-2011. Studium politologiczne* / R. Czachor. — Polkowice 2011.
2. Улахович, В. Е. Концептуальные подходы во внешней политике Республики Беларусь (1991—2002 гг.) / В. Е. Улахович // Европа. — 2003. — Т. 3, № 1.
3. Выступление министра иностранных дел П. Кравченко на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Советская Белоруссия. — 1991. — 5 окт.
4. Декларация Верховного Совета Белорусской ССР «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» // Советская Белоруссия. — 1991. — 29 сент.
5. Czachor, R. *Białoruska polityka neutralności i bezatomowości* / R. Czachor; *Studia z nauk społecznych. Zeszyty Naukowe Dolnośląskiej Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Techniki w Polkowicach*. — Polkowice 2011.
6. Москва! Как много в этом звуке... Для нас // Сов. Белоруссия. — 1994. — 25 мая.
7. Eberhardt, A. *Gra pozorów. Stosunki białorusko-rosyjskie 1991—2008* / A. Eberhardt. — Warszawa 2008.
8. Шадурский, В. Г. Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике / В. Г. Шадурский // Труды факультета международных отношений: науч. сб. Вып. 1. — Минск, 2010. — С. 47—51.
9. Беларусь на внешних рынках: хорошие традиции и новые подходы // Вестник внешнеэкономических связей. — 2007 — № 1.

PERSPEKTYWY DLA NOWEGO MODELU RYNKU GAZU ZIEMNEGO W POLSCE

Marcin Sienkiewicz, Instytut Studiów Międzynarodowych, Uniwersytet Wrocławski

W najbliższych latach kształt polskiego rynku gazu ulegnie poważnym zmianom. Przede wszystkim będą one konsekwencją wdrażana polityki liberalizującej rynek do czego polskie władze zobowiązały się wobec Unii Europejskiej. Istotne impulsy płynąć będą także z międzynarodowych rynków gazu ziemnego. W ostatnich latach zachodzą bowiem na nich gruntowne przeobrażenia związane z pojawieniem się dużych ilości gazu ze złóż niekonwencjonalnych przy jednoczesnym szybkim rozwoju sektora gazu skroplonego (LNG)¹. Ważnym czynnikiem zmiany może być także uruchomienie w Polsce wydobywania gazu z łupków i uzyskanie przez nasz kraj (w pewnym horyzoncie czasowym) samowystarczalności. Powyższe czynniki doprowadzić powinny do uformowania w Polsce nowego modelu rynku gazu zbliżonego do rozwiniętych i otwartych rynków w Europie Zachodniej czy nawet w Stanach Zjednoczonych.

1. Aktualny model polskiego rynku gazu

Polska będąc członkiem UE w dalszym ciągu nie jest zintegrowana z zachodnioeuropejskimi, rozwiniętymi rynkami gazu ziemnego, pozostając we wschodnioeuropejskim regionie gazowym zdominowanym przez jednego dostawcę jakim jest GAZPROM. Towarzyszy temu monopol rurociągów gazowych w transporcie importowanego surowca. Jedyne połączenie infrastrukturalne z Zachodnią Europą to interkonektor w Lasowie o przepustowości 1,5 mld m³ gazu rocznie, który umożliwia odbiór również rosyjskiego surowca od niemieckich pośredników. Polska pomimo dostępu do Bałtyku pozostaje także poza zasięgiem morskiego transportu gazu skroplonego. Sytuacja ta ma ulec zmianie w połowie 2014 r. wraz z oddaniem do użytku terminala do odbioru LNG w Świnoujściu.

Zasady importu z Rosji zawarte zostały w podpisanym w 1996 r. kontrakcie między Polskim Górnictwem Naftowym i Gazownictwem i OOO «Gazprom eksport». Najważniejsze z nich to formuła cenowa oparta na cenie ropy naftowej i produktach ropopochodnych, długoterminowość obowiązywania kontaktu, reguła take-or-pay (bierz i płać) oraz zakaz reeksportu. Warunki te uległy pewnej korekcie w 2011 r. po zawarciu aneksu do wspomnianego wyżej kontraktu i interwencji Komisji Europejskiej, która zakwestionowała m.in. zakaz reeksportu przez PGNiG kupowanego od Gazpromu gazu. Zakaz taki godził bowiem w dyrektywę 2009/73 dotyczącą zasad liberalizacji rynku gazu, a w tym reguły niedyskryminacji krajowych dostawców oraz eliminacji barier w swobodnym przepływie towaru.

Uwarunkowania zewnętrzne w jakich funkcjonuje obecnie polski rynek gazu ziemnego uznać jednak należy za niekorzystne. Świadczy o tym przede wszystkim najwyższa cena gazu w Europie jaką musi płacić Polska za importowany surowiec. W 2011 r. sprowadzany przez PGNiG gaz z Rosji osiągnął cenę przekraczającą 500 USD za 1000 m³. W tym samym okresie ceny gazu w Europie Zachodniej były znacząco niższe osiągając np. w węźle wymiany handlowej w Zeebrugge poziom 340 USD za 1000 m³, w Wielkiej Brytanii w krajowym punkcie bilansującym — National Balancing Point poziom 346 USD za 1000 m³, a w holenderskim Title Transfer Facility 351 USD za 1000 m³. Wysokie ceny importowanego z Rosji gazu utrzymywały się natomiast w Niemczech przekraczając poziom 450 USD za 1000 m³². Problemy i dodatkowe koszty wynikają także ze sztywnie ustalanych ilości zakontraktowanego gazu rocznie. W 2002 r. pomimo, że zakontraktowane ilości gazu przekraczały zapotrzebowanie, strona polska musiała płacić za nieodebrane ilości gazu³. Natomiast w 2000 r. Polska znalazła się ponownie w trudnej sytuacji w związku z nierealizowanymi przez rosyjsko-ukraińską spółką RosUkrEnergO dostawami i koniecznością negocjowania kontraktu krótkoterminowego z Gazpromem⁴.

Od 1990 r. udział importu w zaopatrzeniu rynku polskiego oscyluje wokół 70%. Brak dywersyfikacji dostaw gazu przy utrzymywaniu się tak wysokiego udziału importu tworzy niekorzystne uwarunkowania dla funkcjonowania rynku gazu ziemnego w Polsce. Przede wszystkim nie są spełnione kryteria bezpieczeństwa energetycznego w zakresie dostaw gazu określone w ustawie prawo energetyczne z 1997 r., zarówno w zakresie fizycznej dostępności surowca jak i akceptowalnej ceny zakupu⁵. Przemysłowi odbiorcy gazu co roku w miesiącach zimowych narażeni są na przerwy w dostawach surowca z powodu konfliktów pomiędzy Rosją i Ukrainą, bądź w wyniku zwiększonego poboru gazu w Rosji w okresie wielkich mrozów. Taki właśnie przypadek miał miejsce w lutym 2012 roku, kiedy ograniczenia w dostawach dotknęły Zakłady Chemiczne Police, Zakłady Azotowe w Puławach i PKN Orlen⁶. Istotnym problemem dla uczestników polskiego rynku gazu są także wspomniane już wyżej ceny importowanego gazu z Rosji. Ze względu na utrzymanie w poprzednim roku niezmienionej taryfy na gaz PGNiG ponosiła straty finansowe sprzedając gaz poniżej kosztów zakupu. W styczniu 2012 r. Mirosław Szałuba, wiceprezes PGNiG przyznał, że: «Brak nowej taryfy fatalnie wpływa na sytuację spółki. Dzielne straty na całej działalności wynoszą kilka milionów złotych»⁷. W obliczu groźby utraty płynności zarząd spółki podjął decyzję o wstrzymaniu m.in. nowych projektów poszukiwawczych i inwestycyjnych⁸. Problem kosztów importu rosyjskiego surowca dostrzeżony został także przez polski rząd. W lutym 2012 r. Mikołaj Budzanowski, Minister Skarbu Państwa Wyraził następującą opinię: «Ta cena, która dzisiaj jest uzyskiwana przez polską stronę w ramach tego największego kontraktu jest absolutnie nie do zaakceptowania. Bo to nie jest cena rynkowa. Stąd absolutnie uzasadnione domaganie się obniżenia

ceny gazu w ramach głównego kontraktu w procedurze arbitrażowej. To jedno z najważniejszych zadań w tym momencie (...) przed polską spółką gazowniczą PGNiG»⁹. W kwietniu 2011 r. PGNiG formalnie podjęło negocjacje dotyczące zmiany ceny kupowanego od Gazpromu gazu, a w listopadzie rozpoczęło procedurę arbitrażu w sporze z rosyjskim dostawcą.

Wielkość polskiego rynku gazu ziemnego, biorąc pod uwagę potencjał demograficzny i gospodarczy Polski, jest dość skromny. Od 1990 r. konsumpcja gazu ziemnego z poziomu 11,4 mld m³ (w tym 0,9 mld m³ gazu koksowniczego) urosła do poziomu 14,38 mld m³ w 2011 r., czyli po 21 latach rynek urósł o ok. 26,2%. Porównując charakter rynku polskiego do rynków gazu wybranych państw zachodnioeuropejskich wskazać można kilka wyróżniających go względem nich cech: niewielką konsumpcję per capita, niski udział gazu w bilansie pierwotnych nośników energii oraz wysoki poziom koncentracji branży gazowej (monopolem jednego sprzedawcy w hurtowym segmencie rynku i niemal pełnym monopolem na rynku detalicznym)¹⁰. Poniższa tabela przedstawia porównanie kilku parametrów rynku polskiego i holenderskiego.

Tabela 1

Wybrane parametry rynku gazu w Holandii i Polsce

Państwo	Liczba ludności w mln	Powierzchnia w tys km ²	Pojemność magazynów gazu mld m ³	Długość sieci przesyłowej	Konsumpcja gazu w mld m ³	Konsumpcja per capita w m ³	Udział gazu w konsumpcji energii pierwotnej
Holandia	16,85	41,5	5,258	11 500 km	54,8	3252	47 %
Polska	38,5	312,6	1,828	9853 km	14,4	374	13 %

Ź r ó d ł o: Opracowanie własne na podstawie danych URE i Energy Delta Institute

Jednym z czynników hamujących rozwój polskiego rynku gazu jest brak konkurencji, a w konsekwencji cen kształtowanych na podstawie relacji między popytem a podażą. Proces zmian w tym zakresie ma swój początek w latach 90. i związany był m.in. dostosowywaniem polskiego ustawodawstwa do prawa UE. Jednym z pierwszych działań było utworzenie w 1997 r. Urzędu Regulacji Energetyki. Następnie dokonano zgodnie z wymogami unijnymi wyodrębnienia przesyłu gazu ziemnego i powołano niezależnego operatora systemu przesyłu gazu. W kolejnych latach, już po przystąpieniu do UE, oddzielono obrót gazem od jego dystrybucji wyodrębniając ze struktur PGNiG osobne spółki oraz wdrożono zasadę dostępu stron trzecich do sieci przesyłu gazu. Aktualnie trwają prace nad programem uwolnienia cen gazu. Projekty w tym zakresie przygotowało już PGNiG, a także Urząd Regulacji Energetyki.

2. Zachodnioeuropejski model rynku gazu — liberalizacja i dywersyfikacja

Celem unijnych regulacji jest uwolnienie rynków narodowych oraz ich integracja. Jednak europejskim prekursorem uwalniania rynku gazu ziemnego jest Wielka Brytania. Zliberalizowanie brytyjskiego rynku gazu związane było z realizacją przez konserwatywny rząd premier Margaret Thatcher polityki deregulacyjnej obejmującej wiele segmentów gospodarki narodowej. W ramach tej polityki doprowadzono m.in. do przekształcenia państwowych przedsiębiorstw użyteczności publicznej w podmioty gospodarcze zorientowane na konkurencję handlową, a następnie je sprywatyzowano. Działania te dotyczyły także sektora gazu ziemnego, w którym dominującą pozycję posiadała państwowa firma British Gas. Przedsiębiorstwo to zostało sprywatyzowane w 1986 r. Udziały w koncernie zostały sprzedane w ramach oferty publicznej przy zachowaniu kontrolnego pakietu akcji przez rząd. Po przekształceniach własnościowych British Gas utrzymywał nadal kontrolę nad rynkiem gazu. Sytuację tę zmieniło dopiero wprowadzenie w 1989 roku pakietu ustaw umożliwiających przystąpienie do kolejnego etapu zmian czyli do demonopolizacji rynku. Przede wszystkim umożliwiono korzystanie przez inne podmioty z należących do British Gas sieci przesyłowej i powierzchni magazynowej przy jednoczesnym wprowadzaniu zasady 90/10, według której wspomniany koncern mógł zakupić do 90% gazu z nowo odkrytych złóż¹¹. W kolejnych latach umożliwiono dostęp do sieci przesyłowej i magazynów nowych podmiotów oraz możliwość zmiany dostawcy przez klienta. Natomiast w 1997 r. z BG wydzielono niezależne spółki zajmujące się m.in. transportem i magazynowaniem oraz wydobywaniem. Od początku proces liberalizacji nadzorowany był przez utworzony w 1986 r. urząd regulacji rynku Ofgas.

W konsekwencji zrealizowanej polityki Wielka Brytania uznawana jest obecnie za najbardziej otwarty i zliberalizowany rynek gazu w Europie. Działa na nim ponad 50 dostawców konkurujących o 19,5 mln odbiorców końcowych. Wielka Brytania jest także liczącym się producentem gazu ziemnego oraz jego czołowym konsumentem w Europie. W 2010 r. konsumpcja gazu osiągnęła poziom 97,99 mld m³, którą pokryto wydobywaniem krajowym w wysokości o 59,7 mld m³ oraz importem w wysokości 53,04 mld m³. Bezpieczeństwo zaopatrzenia w gaz opiera się na zdywersyfikowanym systemie dostaw. W jego ramach działa m.in. 5 terminali odbierających gaz skroplony: w South Hook i dwa terminale w Milford Haven na wybrzeżu południowo-zachodniej Walii, Canvey LNG w hrabstwie Essex oraz w Middlesbrough na wybrzeżu Morza Północnego¹². Wielka Brytania zintegrowana jest z rynkami europejskimi także dzięki interkonektorom łączącym wyspy z Belgią, Holandią, Irlandią i Norwegią. Natomiast z Irlandią Północną łączy Brytanię m.in. 135 kilometrowy rurociąg, którym dostarczany jest gaz do elektrowni z blokiem gazowo-parowym w Ballylumford.

Pełną integracją z systemami transportowymi sąsiadów charakteryzuje się także Belgia. Państwo to w przeciwieństwie do Wielkiej Brytanii nie posiada własnych zasobów gazu ziemnego, importując w 2010 roku 20,82 mld m³ surowca. Import na belgijski rynek realizowany są z kilku kierunków i od wielu dostawców z Europy Zachodniej, Rosji, Afryki Północnej, Azji i Karaibów, zarówno przy wykorzystaniu transportu przesyłowego i morskiego. Belgię uznać więc można za modelowy przykład pełnej dywersyfikacji zaopatrzenia rynku w gaz ziemny.

Tabela 2

Dostawcy gazu ziemnego do Belgii

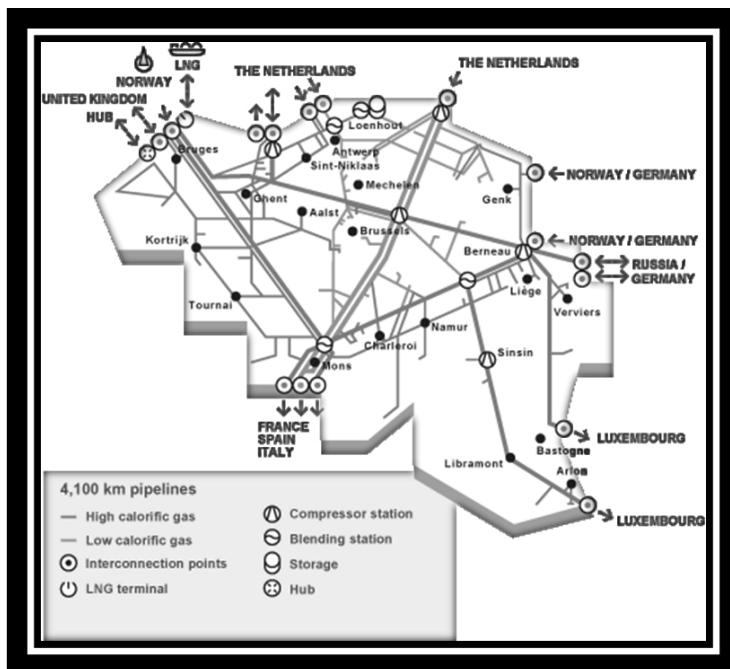
Dostawcy	2006	2007	2008	2009	2010	Udział proc.
Niemcy	—	—	—	168	395	1,89 %
Holandia	6405	6917	6835	6139	5395	25,90 %
Norwegia	5410	5800	6522	6310	6314	30,31 %
Wielka Brytania	566	927	—	—	—	5,13 %
Algieria	2989	387	—	—	—	—
Gwinea Równikowa	—	—	84	88	172	0,83 %
Malezja	76	—	—	—	—	—
Nigeria	161	—	—	86	166	0,80 %
Katar	427	2205	2775	6055	5898	28,32 %
Rosja	710	794	852	492	458	2,20 %
Trynidad i Tobago	155	77	79	158	—	—
Pozostali	719	357	469	872	960	4,61 %
Razem	17 618	17 464	18 175	21 098	20 826	100 %

Źródło: <www.energydelta.org>.

Z państwami ościennymi belgijski system przesyłu gazu (liczący 4100 km długości) łączy 18 interkonektorów, natomiast gaz skroplony drogą morską dociera do terminala w Zeebrugge¹³. W tej miejscowości zlokalizowany jest także powstały w 2000 r. hub gazowy łączący belgijski terminal LNG, infrastrukturę transportową Wielkiej Brytanii, rurociągi prowadzące z norweskich złóż na Morzu Północnym, oraz rurociągi z Niemiec, Francji i Holandii.

3. «Rewolucja» na światowych rynkach gazu ziemnego

Dynamicznie zachodzące procesy zachodzące w ostatnich kilku latach na rynkach gazu ziemnego określane są coraz częściej mianem «rewolucji». Jej źródłem jest rozwój eksploatacji gazu ze złóż niekonwencjonalnych, w tym ze skał łupkowych w Stanach Zjednoczonych oraz w Kanadzie. Dzięki

Rys. 1. System transportu gazu ziemnego w Belgii

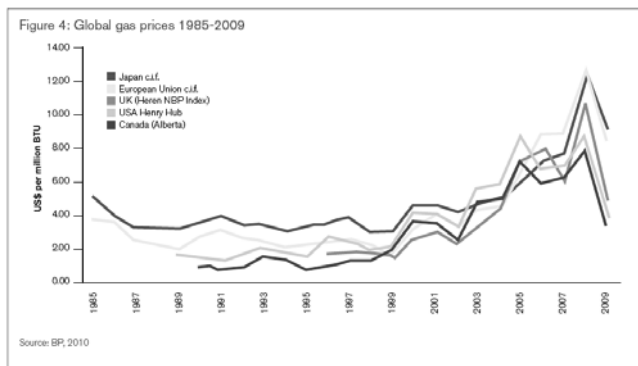
Źródło: <www.fluxys.com>.

zagospodarowaniu tych złóż USA stały się największym producentem gazu ziemnego i uzyskały samowystarczalność w tym zakresie. Zwieszająca się podaż spowodowała znaczący spadek cen gazu na rynku amerykańskim i podnosząc jednocześnie atrakcyjność tego paliwa. Przede wszystkim spadły koszty produkcji energii elektrycznej co przełożyło się na poprawę sytuacji wielu amerykańskich przedsiębiorstw przemysłowych oraz gospodarstw domowych¹⁴. W 2008 r. 1000 m³ gazu ziemnego na rynku amerykańskim warte było średnio 320 USD, w roku następnym jego cena obniżyła się do ok. 150 USD. Natomiast w kwietniu 2012 r. cena gazu ziemnego na giełdzie w Nowym Jorku spadła poniżej 70 USD za 1000 m³¹⁵.

Spadek cen na amerykańskim — największym na świecie rynku gazu, wywołuje ruch cen w dużej mierze także na innych regionalnych rynkach. Towarzyszy temu jeszcze jedno zjawisko — zanikanie związku zachodzącego pomiędzy ceną ropy naftowej a wysokością ceny gazu ziemnego. Procesy te uwidoczniły się w 2008 r., kiedy ograniczenie zapotrzebowania na gaz związane z początkiem kryzysu gospodarczego, wywołało spadek cen na europejskich giełdach gazu ziemnego. Zmiany te nie objęły natomiast

surowca dostarczanego w ramach kontraktów długoterminowych transportem przesyłowym¹⁶. Presję na obniżenie ceny odczuwa przed wszystkim Rosja, która broni modelu handlu opartego na kontraktach długoterminowych z ceną indeksowaną do ceny ropy naftowej i produktów ropopochodnych. W ocenie wiceprezesa Gazpromu Aleksandra Miedwiedewa pozycję Rosji na światowych rynkach gazu pogarsza «(...) rewolucja w wydobyciu gazu ze złóż niekonwencjonalnych w USA. Jeśli kilka lat temu żadna ze znanych nam instytucji nie prognozowała szybkiego wydobycia surowca w USA, to dzisiaj praktycznie wszystkie kompanie mówią o perspektywach wydobycia gazu łupkowego, które mogą radykalnie zmienić cały światowy rynek gazowy»¹⁷. Obawy Rosjan związane są m.in. z postępem technicznym w zakresie eksploatacji złóż gazu z łupków, który przyczynia się do zwiększenia wydajności i obniżenia kosztów. Wykorzystanie doświadczeń amerykańskich w krajach europejskich posiadających takie zasoby doprowadzi do zmniejszenia przewag konkurencyjnych rosyjskich złóż konwencjonalnych przy jednoczesnym zachowaniu wysokich kosztów transportu przesyłowego¹⁸.

Pojawienie się w przyszłości gazu z polskich złóż łupkowych powinno wywołać pozytywne zmiany także na rynku polskim. Odpowiednio duża własna produkcja umożliwi powstanie realnej konkurencji pomiędzy niezależnymi dostawcami bazującymi na swoim własnym wydobyciu. Dzięki konkurencji zaistnieją warunki do rozwoju rynku, zróżnicowania i dekoncentracji sektora gazowego oraz rozwoju infrastruktury rynkowej obsługującej wolny handel gazem. Wywołany dzięki temu ewentualny spadek cen gazu przyczynić się powinien do poprawy konkurencyjności całej polskiej gospodarki.

Rys. 2. Dynamika cen gazu ziemnego na świecie w latach 1985—2009

Źródło: <www.chathamhouse.org.uk>.

Zwiększaniu produkcji gazu ze złóż niekonwencjonalnych towarzyszy dynamiczny rozwój technologii skraplania gazu oraz jego transportu drogą morską. Sprzedaż gazu w formie skroplonej, dzięki mobilności transportu morskiego, daje nieograniczone możliwości rozwoju handlu na całym świecie. Rozbudowa infrastruktury portowej, służącej zarówno do wysyłania jak i odbioru LNG, w różnych rejonach świata może stopniowo doprowadzić do przekształcenia regionalnych rynków gazu ziemnego w rynek globalny¹⁹. Sprzyjać temu procesowi będzie także uruchomienie na szeroką skalę przez USA eksportu gazu ziemnego drogą morską. Według Międzynarodowej Agencji Energii światowy rynek LNG powiększył się w okresie 2002—2007 o ok. 50 %, a tendencja wzrostowa utrzymać się będzie także w kolejnych latach²⁰. Amerykańskie prognozy przewidują natomiast, że pomiędzy rokiem 2010 a 2040 udział gazu skroplonego w globalnej podaży gazu wzrośnie z 340 mld m³ do 1130 mld m³²¹.

4. Bezpieczeństwo rynku

Docelowy model polskiego rynku gazu powinien charakteryzować się przede wszystkim bezpieczeństwem jego wszystkich uczestników. Bezpieczeństwo należy w tym przypadku rozumieć przede wszystkim jako pewność fizycznego dostępu do towaru na rynku. Ważne jest także wprowadzenie przejrzystego i stabilnego systemu prawnego eliminującego praktyki monopolistyczne i dyskryminacyjne na rynku oraz precyzyjnego przydziału kompetencji organom administracji państwowej w zakresie polityki paliwowo-energetycznej. Gwarantem tak rozumianego bezpieczeństwa powinno być państwo. To ono powinno wziąć bezpośrednio na siebie obowiązek utrzymywania strategicznych rezerw paliw płynnych i gazowych. Dotychczasowy model, w którym obowiązek ten scedowany jest m.in. na dostawców gazu, którzy rozliczani są z niego przez Agencję Rezerw Materiałowych, jest skomplikowany i kosztowny. Jego zawilość stwarza także ryzyko nadużyć czy zwyczajnych pomyłek. Świadczy o tym m.in. sprawa kary wymierzonej przez Agencję Rezerw Materiałowych spółce J&S Energy zajmującej się pośrednictwem w handlu ropą naftową. Kara nałożona w październiku 2007 r. w wysokości 462 milionów złotych została dwa miesiące później cofnięta przez wicepremiera i ministra gospodarki Waldemara Pawlaka. ARM ponownie nałożyła karę w tej samej wysokości na spółkę w 2009 r. Tym razem minister gospodarki zmniejszył ją o 10 milionów złotych i spółka zapłaciła 452 miliony złotych. Po wyroku sądu administracyjnego uchylającego karę, pieniądze zostały J&S Energy zwrócone²². Dodatkowo sąd przyznał spółce odsetki od zwróconej kwoty w wysokości 80 mln złotych²³.

Należy więc wzorować się na sprawdzonych w praktyce rozwiązaniach jakim jest np. amerykańska rezerwa ropy naftowej Strategic Petroleum Reserve. Utrzymanie strategicznych zapasów powinno zostać powierzone

wyspecjalizowanej agencji rządowej — Państwowej Rezerwie Gazu i Ropy. PRGiR posiadałby własne magazyny, w których utrzymywałaby wyznaczone rozporządzeniem odpowiednie dla utrzymania bezpieczeństwa ilości gazu. Do tego celu można by wykorzystać m.in. odpowiednio zabezpieczone i połączone z siecią przesyłową złoża gazu ziemnego. W miejsce zniesionego obowiązku utrzymywania zapasów przez podmioty gospodarcze powinno się natomiast wprowadzić stosowną opłatę, z której PRGiR otrzymywałaby środki na prowadzenie swojej działalności.

Za całokształt polityki paliwowo-energetycznej powinno natomiast odpowiadać Ministerstwo Energii. Podstawowym zadaniem resortu będzie kreowanie (opracowywanie strategii) i wdrażanie polityki energetycznej państwa obejmującej oczywiście problematykę związaną z gazem ziemnym. W kompetencjach resortu powinien znaleźć się m.in.:

- nadzór nad prawidłowym funkcjonowaniem krajowego systemu przesyłu energii, ropy i gazu,

- przygotowanie planu działań (następnie ich nadzór i koordynacja) na rzecz rozwoju i infrastruktury transportowej i magazynowej gazu ziemnego (w tym współdziałanie z władzami samorządowymi w zakresie planowania inwestycji),

- gospodarka krajowymi zasobami surowców energetycznych

- uzgadniania projektów aktów prawnych dotyczących sektora i rynku paliwowo-energetycznego, formułowanie i realizowanie współpracy paliwowo-energetycznej z zagranicą,

- reprezentacja w Międzynarodowej Agencji Energii oraz współpraca z odpowiednimi organami Unii Europejskiej,

- nadzór właścicielski nad spółkami paliwowo-energetycznymi należącymi do państwa.

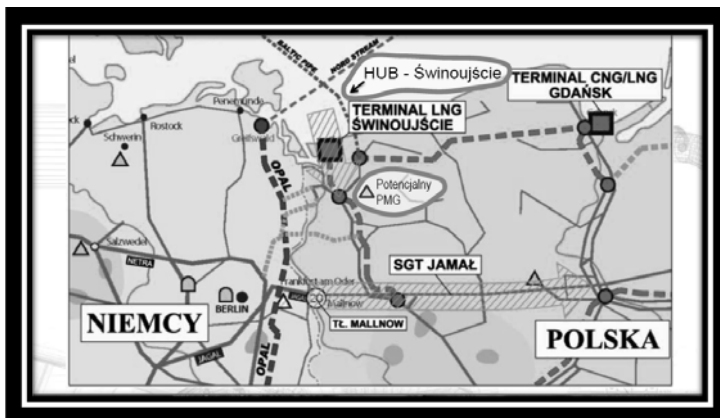
Ministrowi Energetyki i Paliw podlegać powinna wspomniana wyżej Państwowa Rezerwa Gazu i Ropy. Utworzenie Ministerstwa Energetyki pozwoli na efektywniejszą i spójniejszą realizację polityki energetycznej poprzez skupienie sił i środków oraz odpowiedzialności w jednym, wyspecjalizowanym resorcie.

5. Infrastruktura transportowa i rynkowa — klucz do pozytywnej zmiany

Niezbędnym elementem umożliwiającym zmianę dotychczasowego modelu rynku gazu ziemnego powinna być także odpowiednia infrastruktura transportowa umożliwiająca zakup i fizyczną dostawę gazu od różnych, niezależnych od siebie dostawców. Dotychczasowy system transportu gazu ziemnego zbudowany został natomiast wokół jednego kierunku dostaw ze wschodu na zachód. Ta logika transportu obowiązuje na terenie całej Europy Środkowo-Wschodniej. Pomiędzy znajdującymi się tu państwami nie istnieją łączniki międzysystemowe o odpowiedniej przepustowości, które umożliwiałyby przepływ znaczących ilości gazu. W konsekwencji tych

niedostatków infrastrukturalnych nie zawiązała się poważniejsza wymiana handlowa w zakresie dostaw gazu ziemnego na kierunku północ-południe. Mechanizmy rynkowe nie działają nie tylko na rynku polskim, ale w całej Europie Środkowej i Wschodniej.

Obecny stan rzeczy w zakresie transportu i handlu gazem można zmienić wykorzystując przede wszystkim podstawowy atut Polski jakim jest szeroki dostęp do Morza Bałtyckiego. W wymiarze wewnętrznym wspomniany już wcześniej terminal LNG w zintegrować z krajowym systemem przesyłowym. Temu celowi służyć ma plan inwestycyjny GAZ-SYSTEMU zmierzający do położenia 960 km rurociągów. Rozbudowa systemu przesyłowego umożliwić powinna m.in. bezpośrednie skorzystanie z usług terminala dużym, przemysłowym odbiorcą gazu ziemnego w Polsce. Zdaniem Aadam Matkowskiego region północno-zachodniego wybrzeża Polski nabiera obecnie, ze względu na lokalizowaną tu infrastrukturę, szczególnego znaczenia dla rozwoju rynku gazu. Powstają w tym miejscu dogodne warunki do lokalizacji pierwszego HUB-a gazowego (np. przy terminalu LNG). «Byłby to milowy krok w kierunku liberalizacji rynku gazu w Polsce i dla zwiększenia bezpieczeństwa energetycznego kraju. Istotnym krokiem do lokalizacji HUB-a w tym rejonie byłaby budowa PMG czy to w kawernach solnych czy też strukturach porowatych»²⁴. Biorąc pod uwagę możliwość pojawienia się w przyszłości nadwyżek gazu pochodzących z krajowego wydobycia należy także poważnie rozważyć budowę drugiego gazoportu w rejonie Gdańska, który umożliwiłaby jego eksport.

Rys 3. Przyszła infrastruktura transportowo-magazynowa gazu ziemnego na Pomorzu

Źródło: Matkowski, A. Rozwój infrastruktury gazowniczej czynnikiem bezpieczeństwa energetycznego i liberalizacji rynku gazu: prezentacja na konferencji GAZTERM 2012, Międzyzdroje, maj 2012 r.

W wymiarze międzynarodowym polską infrastrukturę portową i przesyłową należy w pełni połączyć z systemami państw ościennych poprzez budowę na granicach kolejnych interkonektorów. Ważne jest przy tym zachowanie odpowiedniej kolejności działań i wyznaczenie priorytetowego kierunku. Przykład ogromnego zainteresowania krajowych odbiorców gazu możliwościami transportowymi rozbudowanego interkonektora w Lassowie wskazuje istnienie potrzeby nowych, konkurencyjnych źródeł pozyskiwania surowca. Biorąc jednak pod uwagę w jakich warunkach międzynarodowych działa obecnie polski sektor gazowy (regionalny monopol Gazpromu i związanych z nim pośredników), szybka budowa kolejnych interkonektorów, przed uruchomieniem gazoportu, nie byłaby posunięciem właściwym. Doprowadziłaby bowiem do rychłego upadku krajowego dostawcy — PGNiG, przy jednoczesnym wzmocnieniu pozycji regionalnego monopolisty — Gazpromu.

Uwagę w pierwszej kolejności skoncentrować należy na kierunku południowym, na którym powinien powstać szlak transportu gazu integrujący region adriatycko-bałtycki. W ten scenariusz wpisuje się realizowana przez GAZO-PROJEKT koncepcja korytarza transportu gazu Północ-Południe, mająca doprowadzić do połączenia polskiego gazoportu z terminalem LNG na chorwackiej wyspie Kyrk.

Podsumowanie — Polska centrum transportu i handlu gazem w Środkowej Europie

Zmiany na polskim rynku gazu powinny prowadzić do zwiększenia jego bezpieczeństwa oraz jego rzeczywistego uwolnienia. Do tego celu prowadzić powinna nie tylko sama implementacja prawa unijnego, ale konkretne przedsięwzięcia infrastrukturalne umożliwiające rozwój polskiego rynku gazu. Sprawę tę należy także widzieć w szerszym, międzynarodowym kontekście. Modelowanie polskiego rynku gazu służyć powinno bowiem wzmocnieniu gospodarczej pozycji Polski w Europie. Celem wprowadzanych zmian powinno być także uczynienie z Polski regionalnego centrum transportu i handlu gazem regionie Międzymorza adriatycko-bałtyckiego, a w dalszej perspektywie czarnomorskiego. Polska, dzięki złożom łupkowym, powinna w przyszłości osiągnąć status liczącego się producenta gazu, który stworzy alternatywną wobec Rosji ofertę dla konsumentów tego surowca we wspomnianym regionie. Dzięki temu podwyższone zostanie przede wszystkim bezpieczeństwo handlu gazem. Jeśli spełnione zostaną powyższe warunki Polska ma szansę stać się atrakcyjnym gospodarczo, a w konsekwencji politycznie partnerem dla państw Międzymorza.

¹ Więcej na ten temat w: Instytut Jagielloński, Gazowa «rewolucja przemysłowa», LNG i powstanie globalnego rynku gazu ziemnego. — Kraków, 2011. — <www.jagiellonski.pl>.

² Pietrzak, R. Deloittece // Perspektywy polskiego rynku gazu, prezentacja przygotowana na konferencję Gazterm 2012, Międzyzdroje. — 14.05.2012.

³ Kossowski: zasada «bierz i plać» bez zmian // IAR. — 26.02.2002.

- ⁴ Dodatkowy gaz z Rosji już płynie // Polska Agencja Prasowa. — 02.06.2009. — <www.pap.pl>.
- ⁵ «Bezpieczeństwo energetyczne jest to stan gospodarki umożliwiający pokrycie bieżącego i perspektywicznego zapotrzebowania odbiorców na paliwa i energię w sposób technicznie i ekonomicznie uzasadniony, przy zachowaniu wymagań ochrony środowiska». Ustawa z dnia 10.04.1997 // Prawo Energetyczne (Dz. U. z 1997 r. Nr 153 poz. 1504 z późn. zm.).
- ⁶ PGNiG ogranicza dostawy gazu dla przemysłu. Po to by go nie zabrakło do ogrzania mieszkań // Gazeta Prawna. — 01.02.2012. — <www.gazetaprawna.pl>.
- ⁷ Malinowski, D. Milionowe straty PGNiG z powodu braku nowej taryfy // Wirtualny Nowy Przemysł. — 18.01.2012. — <www.wnp.pl>.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Budzanowski: cena gazu od Gazpromu jest nie do zaakceptowania. — 23.02.2012. — <www.forsal.pl>.
- ¹⁰ Urząd Regulacji Energetyki // Charakterystyka rynku paliw gazowych 2011. — <www.ure.gov.pl>.
- ¹¹ Osiadacz, A. J. Liberalizacja rynku gazu w Wielkiej Brytanii // «Energia XXVII»: dodatek reklamowy do Rzeczypospolitej. — N 141 (5914). — 2001. — 19 czerwca.
- ¹² Energy Delta Institute // Country Gas Profiles, United Kingdom. — <www.energydelta.org>.
- ¹³ <www.fluxys.com>.
- ¹⁴ Więcej na ten temat w: Stevens, P. A Chatham House Report // The «Shale Gas Revolution»: Hype and Reality. — 2010. — wrzesień. — <www.chathamhouse.org.uk>.
- ¹⁵ Gazowa rewolucja w USA // Polska Agencja Prasowa. — 26.05.2012.
- ¹⁶ Grudziński, Z., Szurlej, A. Węgiel, ropa, gaz ziemny — analiza cen w latach 2006—2011 // Przegląd Górniczy. — 2011. — N 7-8. — S. 311.
- ¹⁷ Kobryń, W. Gaz łupkowy zagraża Gazpromowi // Nasz Dziennik. — 27.01.2010. — N 22.
- ¹⁸ Иванов, Н. Как развитие добычи сланцевого газа может повлиять на глобальный энергетический рынок? // <www.gazprom.ru>.
- ¹⁹ Instytut Jagielloński // Gazowa ... — Op. cit. — S. 5.
- ²⁰ International Energy Agency. — Oil & gas markets, 2010. — S. 168.
- ²¹ Medlock, K. B., Jaffe, A. M. Hartley, P. R. Shale Gas and U.S. National Security. — 2011.
- ²² Sprawa kary dla J&S od nowa // Rzeczypospolita. — 05.01.2010.
- ²³ Rząd musi oddać J&S pół miliarda złotych // Money.pl. — 21.10.2009. — <www.money.pl>.
- ²⁴ Matkowski, A. Rozwój infrastruktury gazowniczej czynnikiem bezpieczeństwa energetycznego i liberalizacji rynku gazu: prezentacja na konferencji GAZTERM 2012, Międzyzdroje, maj 2012 r.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЛАРУСИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

*Леонид Гайдукевич, доктор исторических наук,
Андрей Скриба, магистрант,
Белорусский государственный университет*

1. Актуальность вопроса

Основными энергетическими ресурсами, импортируемыми Республикой Беларусь за последние двадцать лет, являются нефть и газ. Потребности Беларуси в природном газе обусловлены отсутствием его промышленных запасов в стране и необходимостью его использования в выработке электроэнергии и отоплении. Импорт нефти (около 21 млн т ежегодно) имеет несколько иную экономическую мотивацию, связанную с функционированием национального нефтеперерабатывающего комплекса и экспортностью экономики [8, с. 14].

Существенная зависимость Республики Беларусь от импорта энерго-ресурсов имеет не только важную экономическую, но и политическую мотивацию. Вопрос энергетического сотрудничества республики с Россией, Украиной, Польшей и другими постсоветскими странами во многом определяется геополитической ситуацией в регионе, что диктует необходимость поиска поставок энергоносителей в Беларусь из других стран. Последние события по созданию Россией, Казахстаном и Республикой Беларусь единого экономического пространства (ЕЭП) расширяют возможности сотрудничества республики в решении этого вопроса с Казахстаном, Азербайджаном, Туркменистаном и другими странами среднеазиатского региона. Вместе с тем не в полной мере задействован большой потенциал белорусско-украинского и белорусско-польского сотрудничества в энергетической сфере.

Научной проблематике данного вопроса уделяется достаточно большое внимание (А. Мальгин, А. Чечевишников, С. Хоффман, Р. Хилл и др.) [8—10]. Однако сделанные практические шаги белорусского руководства в интеграционном процессе за последние 2011—2012 гг. требуют научного осмысления складывающейся в регионе ситуации в энергетической сфере.

Как уже отмечалось выше, собственные ресурсы нефти в республике скромные (добыча составляет около 1,72 млн т ежегодно), что лишь составляет 8,6 % потребностей отечественной экономики [8, с. 14]. Остальные 90 % страна вынуждена импортировать (ежегодный импорт нефти в объеме 21 млн т и природного газа — около 17,6 млрд м³) [9, с. 83]. Наиболее приемлемым с ценовой точки зрения вариантом в 1990-х гг. являлся импорт нефти из России. Начиная с 1995 г. на основании двусторонних договоренностей в Беларусь беспощинно поступа-

ла российская нефть, которая после переработки продавалась в страны Европы. При этом предусматривалось, что белорусская экспортная пошлина на нефтепродукты должна была сравняться с российской, а доходы бюджетов Беларуси и России от этих пошлин должны были составлять 15 % и 85 % соответственно. Несмотря на то, что заключенные договоренности с Россией по вопросам импорта нефти и газа (около 90 % и 100 % внутреннего потребления соответственно) ставили Беларусь в прямую энергетическую зависимость от России, данное двустороннее сотрудничество для республики было крайне выгодным. В частности, покупка беспошлинной российской нефти с возможностью ее последующей переработки и продажи по мировым ценам приносила существенные доходы белорусскому бюджету (особенно с начала 2000-х гг., когда цена на нефть и нефтепродукты стала стремительно расти), а потому вопрос о необходимости диверсификации импорта энергоресурсов на тот момент даже не поднимался.

В 2001 г. белорусская сторона начала самостоятельно определять условия экспорта нефтепродуктов, из-за чего российский бюджет начал нести существенные потери. Результатом таких действий стало введение Россией в 2007 г. экспортной пошлины на нефть для Беларуси. Изначально пошлина рассчитывалась с понижающим коэффициентом, однако уже в 2010 г. поставляемая в Беларусь нефть стала облагаться 100 %-й пошлиной при сохранении распределения доходов от экспорта белорусских нефтепродуктов между двумя странами, что существенно снизило рентабельность отечественных нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) [4]. Одновременно вопрос условий поставок нефти в Беларусь из соседней России начал выходить за пределы экономической плоскости и стал катализатором ряда политических разногласий между двумя государствами.

Большинство белорусско-российских разногласий удалось снять после встречи глав двух государств в Москве в декабре 2010 г. Результатом переговоров стало некоторое смягчение российской позиции, которая согласилась поставлять в Беларусь беспошлинную нефть в обмен на перечисление в российский бюджет 100 % экспортной пошлины на нефтепродукты, полученные после переработки на белорусских НПЗ. С другой стороны, нефть, поставляемая на белорусские НПЗ из других стран, считается «временно ввезенной на территорию Таможенного союза», и экспортная пошлина на нефтепродукты после ее переработки остается в белорусском бюджете, что при определенных условиях поставок позволяет говорить о ее большей рентабельности.

Таким образом, существующая энергетическая зависимость республики от России и значительные потери белорусского бюджета после введения пошлин российской стороной как бы стимулировали поиск альтернативных источников поставок энергоносителей на отечественный рынок в рамках ЕЭП, Таможенного союза и в других регионах мира.

2. Причины и условия диверсификации импорта энергоресурсов

В условиях функционирования белорусской экономики по правилам Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, а также недостаточной конкурентоспособности отечественной продукции ввиду высокой ее энерго- и ресурсоемкости, вопрос обеспечения энергетической безопасности республики продолжает оставаться не только одной из ключевых составляющих национальной безопасности, но и является одним из факторов, определяющих векторность внешней политики страны.

В условиях снижения рентабельности отечественных НПЗ поиск альтернативных маршрутов и альтернативных поставщиков нефти активизировался. На фоне энергетических конфликтов и споров с Россией Беларусь в 2006—2007 гг. предприняла попытку выхода на нефтяные рынки других стран. В частности, были подписаны соглашения о предоставлении нашей стране для разработки месторождений в Венесуэле и Иране. Однако промышленные объемы добычи, позволяющие компенсацию бюджетных потерь от введения Россией пошлины на нефть, требуют значительного времени (лишь к концу 2013 г. объем добываемой Беларусью нефти в Венесуэле и Иране должен достигнуть 10 млн т) [4; 6]. Именно поэтому в сложившейся к началу 2010 г. ситуации нефтеперерабатывающая отрасль Республики Беларусь столкнулась с серьезными трудностями по загрузке имеющихся мощностей производства, поставила перед белорусским руководством вопрос о необходимости обеспечить отечественные предприятия стабильно и по возможности дешево.

Результатом проделанной в этом направлении работы стало заключение в марте 2010 г. соглашения о поставках в Беларусь венесуэльской нефти. В частности, на 2010 г. соглашениями была предусмотрена поставка на белорусские НПЗ 4 млн т нефти из Венесуэлы, а осенью этого же года была достигнута договоренность об импорте Беларусью в 2011—2013 гг. 10 млн т нефти ежегодно [1].

Необходимо также отметить, что российское руководство начиная с 2005 г. проводит новую энергетическую политику в отношении стран СНГ, постепенно повышая для них экспортные цены на нефть и природный газ. Из стран Содружества в наибольшей степени повышение цен затронуло экономики Беларуси и Украины как государств, не обладающих собственными значительными запасами топливно-энергетического сырья. Разногласия по вопросам поставок нефти и газа приводили к ограничению поставок в страны Европейского союза через территории Беларуси и Украины, а имевшие место конфликты между этими странами и Россией получили название «энергетических». В то же время, несмотря на обеспечение более двух третей транзита российских нефти и газа в страны Европы, белорусская и украинская стороны не сумели выработать единую позицию в вопросе

их поставок на свою территорию. Причиной этого, без сомнения, является сложившаяся на тот момент геополитическая ситуация в регионе Центральной и Восточной Европы.

На протяжении многих лет Республика Беларусь определяла восточный вектор интеграции как приоритетный, в то время как контакты с западными странами были существенно ограничены. Это проявилось в участии страны в различных интеграционных объединениях на постсоветском пространстве: Союзное государство России и Беларуси, ЕврАзЭС, Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана. В этих интеграционных проектах у Республики Беларусь была явная экономическая заинтересованность: доступ на рынки других стран отечественной продукции и возможность покупки сырья (в том числе и топливно-энергетического) по внутренним ценам экспортера. Однако в скором времени белорусская сторона столкнулась с определенными трудностями: Россия, обладая монопольным правом на транзит нефти и газа по своей территории (что не допускало возможности транзита по российской территории среднеазиатского сырья в Республику Беларусь), постоянно выносила договоренности в энергетической сфере за рамки экономических интеграционных соглашений. Некоторую надежду на изменение позиции российской стороны в этом вопросе дает состоявшийся визит Президента Российской Федерации В. Путина в Беларусь летом 2012 г.

Потенциальный интерес для Беларуси по вопросам импорта нефти представляют такие страны как Азербайджан и Казахстан, однако отсутствие самостоятельной транзитной инфраструктуры этих государств в западном направлении затрудняет в настоящее время реализацию этого проекта, делая нефть значительно дороже российской. По всей видимости, в ближайший период этот вопрос найдет свое разрешение в условиях функционирования ТС и создаваемого Единого экономического пространства.

Российско-украинские отношения, в том числе и по вопросам энергетического сотрудничества, в последнее десятилетие носили более напряженный характер. Начиная с 2004 г., после прихода к власти прозападно ориентированной национальной элиты, Украина заявила о выборе евроинтеграционного вектора внешней политики как приоритетного. Это не позволяло Украине принимать участие в ряде интеграционных объединений, где присутствовали и Россия, и Беларусь. В свою очередь белорусско-украинское сотрудничество было сведено к экономической составляющей, политические контакты на высшем уровне были крайне ограничены, в том числе и по причине политического кризиса в Украине в 2004—2009 гг. Однако уже в конце 2009 — начале 2010 гг., сотрудничество Беларуси и Украины в энергетической сфере (в частности, по вопросу транзита нефти) вышло на принципиально новый уровень, способствуя интенсификации диалога двух стран по вопросу обеспечения энергетической безопасности.

Прорабатывая логистические вопросы транзита венесуэльской нефти на отечественные НПЗ, стремясь избежать полной зависимости в энергетической сфере от одного партнера, Беларусь начала рассматривать варианты поставок нефти сухопутным железнодорожным транспортом через Украину, Литву и Эстонию. К концу 2010 г. стала также изучаться возможность транзита через трубопроводную сеть Литвы и Украины. Белорусская сторона заявила о намерении использования литовских нефтепроводов для поставок до 2,5 млн т нефти в год на Новополоцкий НПЗ [2].

Что касается белорусско-украинского энергетического диалога, то его перспективы с начала 2010 г. существенно расширились. Во-первых, изначально белорусская сторона использовала железнодорожные поставки нефти по украинской территории более активно, чем через территории других государств. Во-вторых, после переработки на отечественных НПЗ часть нефтепродуктов возвращается на украинский рынок для дальнейшей ее реализации. Таким образом, интерес Украины в поставляемой Беларусью из Венесуэлы нефти будет сохраняться даже в случае замены ее в необходимых объемах для нашей страны российской. Наконец, в третьих, сегодня Беларусь и Украина начали изучать совместные проекты строительства и использования транзитной трубопроводной инфраструктуры для поставок в Беларусь венесуэльской нефти (аверсная работа нефтепровода Одесса—Броды, строительство нефтепровода от Кременчугского НПЗ до Мозырского НПЗ) [7].

Однако возможности энергетического сотрудничества Беларуси и Украины не исчерпываются транзитом и переработкой венесуэльской нефти. Стремясь снизить себестоимость венесуэльской нефти (в которую включается стоимость морских перевозок и перевалки в Одесском порту), белорусская сторона прорабатывает возможности заключения сделки «своп» с другими нефтедобывающими странами, находящимися существенно ближе Венесуэлы. Суть подобной сделки заключается в том, что нефть страны, находящейся гораздо ближе к Республике Беларусь, идущая транзитом в государство, расположенное вблизи Венесуэлы, заменяется венесуэльской нефтью, а сама поступает на белорусские НПЗ. Вполне ожидаема активизация диалога по этому вопросу с Азербайджаном. Заинтересованность в диалоге высказали Президенты Беларуси и Азербайджана во время двусторонней встречи осенью 2012 г. в Минске. Уже сегодня объемы добычи нефти в Азербайджане превышают возможности ее экспорта. Заключение соглашения «своп» между Беларусью и Азербайджаном, использование нефтепровода «Одесса-Броды» и участка нефтепровода «Дружба» для транзита нефти позволит существенно снизить стоимость поставляемой на отечественные НПЗ нефти и повысит их рентабельность [7].

Кроме того, белорусско-украинское сотрудничество по вопросам транзита нефти создает принципиально новые нефтетранспортные маршруты в Центральной и Восточной Европе, позволяя ряду других

государств региона диверсифицировать ее импорт. В первую очередь, это касается возможности импорта нефти из Азербайджана, однако в перспективе к этим проектам может присоединиться и ряд Ближневосточных стран. Заинтересованность Европейского союза в обеспечении энергетической безопасности региона позволяет надеяться на внешнее финансирование для создания необходимой транзитной инфраструктуры.

Что касается белорусско-польского сотрудничества в энергетической сфере, то оно до настоящего времени остается незначительным. Польская сторона до последнего надеялась на международную поддержку (в том числе и Беларусь) инициированного ею проекта прокладки газопровода «Янтарь» вместо проекта «Северный поток». Однако последний был поддержан Германией, что и обеспечило его оперативную реализацию. Энергетическая составляющая присутствует и в инициированной Польшей и Швецией программе Восточного партнерства, подписанной в том числе и Беларусью весной 2009 года. Однако к полномасштабной его реализации оба государства так и не приступили [3; 10, с. 38].

Необходимо отметить, что вопросы энергетической безопасности Беларуси находятся не только в плоскости активизации ее внешнего сотрудничества, но и в более активном задействовании ее внутренних резервов (речь идет о более широком использовании торфа, древесины), сокращении энергоемкости производимой продукции (этот показатель в республике все еще в 1,7 раза выше среднемирового), активном внедрении энергосберегающих технологий и возобновляемых источников (например, планируется увеличить удельный вес альтернативных энергоисточников за счет сельскохозяйственных отходов с нынешних 3,7 % до 20 % к 2020 г., а энергии ветра с 0,02 % до 14 %) [9, с. 84—85].

Таким образом, основываясь на вышеизложенном анализе, можно сделать вывод, что в последние годы, несмотря на значительно усложнившуюся ситуацию в сфере энергетики, Беларусь предприняла ряд шагов по диверсификации поставок нефти, включая и нефтедобычу за рубежом. И хотя энергетическая безопасность государства в полном объеме не решена, авторы полагают, что предпринятые в последнее время руководством страны меры могут стать важным фундаментом для дальнейшего укрепления энергетической безопасности, что позволит прогнозировать рентабельное развитие отечественной нефтеперерабатывающей промышленности. В то же время политика диверсификации поставок энергоресурсов в Республику Беларусь должна быть продолжена. Особенно это касается активизации сотрудничества с Украиной, Казахстаном, Азербайджаном (по вопросам транзита, переработки нефти и реализации нефтепродуктов), привлечения к многосторонним энергетическим проектам потенциальных экспортеров нефти из стран Средней Азии и Ближнего Востока, а также заинтересованных потребителей

из Центральной и Восточной Европы. Все эти меры позволят не только укрепить энергетическую безопасность страны, но и расширить и наполнить конкретным содержанием многовекторную внешнюю политику Республики Беларусь.

Литература

1. Беларусь и Венесуэла договорились о поставках нефти на 2011—2013 годы [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. — 16.10.2010. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/president/Belarus-i-Venesuela-dogovorilis-o-postavkax-nefti-na-2011-2013-gody_i_528054.html>. — Дата доступа: 10.02.2011.
2. Беларусь и Литва подписали контракт на перевалку венесуэльской нефти [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. — 08.10.2010. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/economics?id=527230>. — Дата доступа: 10.02.2011.
3. Восточное партнерство: проблемы и перспективы. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. — 279 с.
4. Ермак, Д. Белорусские НПЗ ударно поработали в убыток / Д. Ермак [Электронный ресурс] // Белорусские новости. — 16.03.2010. — Режим доступа: <http://naviny.by/rubrics/economic/2010/03/16/ic_articles_113_167071/>. — Дата доступа: 10.02.2011.
5. К визиту Президента Венесуэлы в Беларусь [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство БЕЛТА. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/articles/dossier/K-vizitu-Prezidenta-Venesuely-v-Belarus_i_364.html>. — Дата доступа: 10.02.2011.
6. Крапивина, Л. Беларусь планирует в октябре 2010 года начать добычу нефти в Иране / Л. Крапивина [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. — 30.06.2010. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-planiruet-v-oktjabre-2010-goda-nachat-dobychu-nefti-v-Irane_i_516464.html>. — Дата доступа: 10.02.2011.
7. Украинские нефтепроводы намерены соединить с «Дружбой» [Электронный ресурс] // ДЕЛЮ. — 18.06.2010. — Режим доступа: <<http://delo.ua/business/ukrainskie-nefteprovody-namere-141724/>>. — Дата доступа: 10.02.2011.
8. Унукович, А. Геолого-экономическая оценка месторождений полезных ископаемых Беларуси / А. Унукович, Я. Аношко. — Минск: Беларус. навука, 2012. — 454 с.
9. Хоффман, С. Энергетическая безопасность Беларуси: анализ основных подходов / С. Хоффман // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2012. — № 1. — С. 80—89.
10. Южный фланг СНГ. «Общие соседи» и «восточные партнеры» сквозь призму Каспия / под ред. А. В. Мальгина. — М., 2009. — 74 с.

PRAWOSŁAWNI W WIERZE, KATOLICYCY W MIŁOŚCI. WSPÓŁCZESNA KONDYCJA I PERSPEKTYWY ROZWOJU GREKOKATOLICYZMU NA BIAŁORUSI I W POLSCE

*Tomasz Szyszlak, doktor nauk, Instytut Studiów Międzynarodowych
Uniwersytet Wrocławski*

Kojarzeni przede wszystkim z Ukrainą grekokatolicy, a więc chrześcijanie rytu bizantyjskiego, którzy uznają prymat papieża, są tak naprawdę o wiele bardziej rozprzestrzenieni geograficznie. Można ich spotkać w całej Europie Środkowej — na pograniczu pomiędzy tradycyjnie katolicką (i protestancką) zachodnią częścią kontynentu, a także wschodnią, związaną z chrześcijańską ortodoksją. Jednak biorąc pod uwagę całość życia religijnego w regionie, to trzeba zauważyć, że w każdym państwie poza wspomnianą Ukrainą, *prawosławni w wierze i katolicycy w miłości*, jak sami często o sobie mówią, mają marginalne znaczenie. Celem niniejszego rozdziału jest próba charakterystyki współczesnej kondycji grekokatolicyzmu i omówienie perspektyw jego rozwoju w dwóch krajach — na Białorusi i w Polsce.

Bez zbędnego zagłębiania się w dzieje grekokatolicyzmu trzeba wspomnieć o kilku faktach historycznych, mających wpływ na dzisiejszą sytuację Kościoła. Otóż grekokatolicy na Białorusi i w Polsce, podobnie jak wierni Ukraińskiego Kościoła Grekokatolickiego, są spadkobiercami unii brzeskiej z 1596 r., kiedy to znaczna część hierarchów prawosławnych z terenów Rzeczypospolitej Obojga Narodów uznała zwierzchnictwo biskupa rzymskiego. W wyniku rozbiorów Polski wspólnoty katolickie rytu wschodniego znalazły się w granicach dwóch państw prowadzących odmienną politykę wobec grekokatolików: W 1839 r. zlikwidowano unię kościelną w całym Cesarstwie Rosyjskim za wyjątkiem Chełmszczyzny, gdzie uczyniono to w 1875 r. Tymczasem w Austrii Kościół grekokatolicki rozwijał się praktycznie bez przeszkód ze strony oficjalnych organów władzy.

Po raz pierwszy grekokatolicyzm na ziemiach białoruskich zaczął się odradzać w okresie międzywojennym, po blisko stuleciu od likwidacji. W tym czasie starły się dwie koncepcje złączenia prawosławnych z polskich kresów wschodnich z Kościołem katolickim: grekokatolickiego metropolity Andrzeja Szeptyckiego ze Lwowa oraz rzymskokatolickiego ordynariusza podlaskiego, bp. Henryka Przeździeckiego. Pierwsza z nich mówiła o prowadzeniu działalności misyjnej wśród mieszkańców Wołynia i Polesia w obrządku bizantyjsko-ukraińskim, tożsamym z tym, który istniał w Galicji. Podjęto nawet próby reaktywowania dawnych diecezji unickich w Chełmie i Łucku oraz rozciągnięcia jurysdykcji nad grekokatolikami poza obszar metropolii lwowskiej, które zakończyły się niepowodzeniem.

Zwolennicy drugiej koncepcji opowiadali się za konstruowaniem nowego obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, który praktycznie niczym nie miał się różnić od rytu prawosławnego, za wyjątkiem wspomnienia Ojca Świętego w

czasie liturgii oraz *filioque* w wyznaniu wiary. Za przyjęciem czystego obrządku wschodniego przemawiała chęć odsunięcia od pracy misyjnej grekokatolików z Galicji, a także to, że w odróżnieniu od rytu bizantyjsko-ukraińskiego, był on pozbawiony naleciałości łacińskich, co też mogłoby utrudniać pozyskiwanie nowych wiernych. Z tych samych względów językiem liturgicznym miał być język cerkiewnosłowiański, co miało zapobiec ewentualnym waśniom na tle narodowościowym, a przede wszystkim ukrainizacji. Nie przewidywano tworzenia hierarchii duchownej dla nowego rytu, a jedynie inkardynowanie księży neounickich do diecezji rzymskokatolickich i powierzanie im obowiązków duszpasterskich w parafiach mieszanych przy boku proboszczów łacińskich¹. Wkrótce Stolica Apostolska powierzyła hierarchom rzymskokatolickim jurysdykcję nad wiernymi obrządku wschodniego w diecezjach, na terenie których nie było biskupów unickich, nakładając na nich tym samym obowiązek zaspokojenia potrzeb neounitów.

Pierwsza parafia neounicka powstała w 1924 r. we wsi Hola w powiecie włodawskim. W 1931 r. Watykan wyznaczył wizytatora apostolskiego dla wiernych obrządku bizantyjsko-słowiańskiego w osobie bp. Mikołaja Czarneckiego, grekokatolika z Galicji, który od 1926 r. uczestniczył w akcji misyjnej na Wołyniu. W 1932 r. parafii neounickich w ówczesnych granicach Polski było 32, a dwa lata później — w szczytowym okresie odrodzenia grekokatolicyzmu — było ich 45 z 59 duchownymi. Liczba wiernych jest trudna do ustalenia, gdyż w tym czasie panowała pewna płynność między wspólnotami prawosławnymi i neounickimi, jednak nigdy nie przekroczyła wartości od kilkunastu do kilkudziesięciu tysięcy osób. Na obszarze dzisiejszej Białorusi skupili się oni w zaledwie 18 parafiach, w tym 11 zlokalizowanych w diecezji pińskiej i 7 w granicach archidiecezji wileńskiej².

Ważną cezurą w rozwoju grekokatolicyzmu na Białorusi był wrzesień 1939 r., kiedy to Szeptycki utworzył białoruski egzarchat z bp. Czarneckim w charakterze tymczasowego egzarchy, do czasu powołania na ten urząd ks. Antoniego Niemancewicza we wrześniu 1940 r. Rok później, w listopadzie 1941 r. papież Pius XII zatwierdził Niemancewicza jako administratora apostolskiego dla wiernych obrządku wschodniego na ziemiach białoruskich. Do tego czasu na podległym mu obszarze dotrwały jedynie trzy parafie neounickie. Rok później Niemancewicz został aresztowany przez Niemców i zginął w mińskim więzieniu³.

Po włączeniu ziem Zachodniej Białorusi do ZSRR Kościół grekokatolicki uległ likwidacji, jego wierni w większości przypadków wrócili na łono Patriarchatu Moskiewskiego, ale związki Białorusinów z Rzymem przetrwały na emigracji. Namiestnikiem grekokatolików został ks. Lew Garoszka, który stał również na czele białoruskiej misji katolickiej początkowo we Francji, a potem w Londynie, dokąd przeniesiono siedzibę wizytatury apostolskiej.

Drugie odrodzenie grekokatolicyzmu na Białorusi związane jest z restytucją Ukraińskiego Kościoła Grekokatolickiego na sąsiedniej Ukrainie. Pod koniec lat 80. XX w. część Białorusinów, głównie inteligencji, zaczęła

dostrzegać doniosłą rolę katolicyzmu rytu bizantyjsko-ukraińskiego w przebudzeniu narodowym u południowych sąsiadów, współcześnie, jak i w przeszłości. Środowiska te nie do końca zdawały sobie sprawę z zależności tego Kościoła od Stolicy Apostolskiej. Chcieli jednak, aby dzięki swojemu wschodniemu charakterowi i białoruskiemu językowi w liturgii, wspólnota grekokatolicka stała się bastionem dla odrodzenie narodowego w republice, która chyba najbardziej spośród podmiotów Związku Radzieckiego została poddana procesom rusyfikacji i sowietyzacji.

Opiekę nad utworzoną we wrześniu 1990 r. pierwszą parafią grekokatolicką w Mińsku oraz jej duszpasterzem ks. Janem Matusiewiczem objął abp Wołodmyr Sterniuk ze Lwowa oraz biskupi z Iwanofrankowska: Sofron Dmyterko i Sofron Mudryj. W czerwcu 1991 r. Matusiewicz został inkardynowany z rzymskokatolickiej diecezji grodzieńskiej do grekokatolickiej diecezji iwanofrankowskiej, czasowo, do momentu uregulowania statusu wspólnot grekokatolickich na Białorusi przez Stolicę Apostolską. Rok później Dmyterko wyznaczył ks. Jana Matusiewicza na urząd dziekana Kościoła grekokatolickiego na Białorusi, również do chwili uregulowania statusu tejże jurysdykcji⁴. Matusiewicz sprawował funkcję dziekana do swojej śmierci w 1998 r. Obecnie wspólnoty grekokatolickie na Białorusi podzielone są na dwa dekanaty (protoprezbiteraty): wschodni pw. św. Jozafata Kuncewicza z siedzibą w Witebsku (dziekan: ks. Zmicier Gryszan) oraz centralno-zachodni pw. bł. Mikołaja Czarneckiego z siedzibą w Mińsku (dziekan: ks. Jauhien Usoszyn)⁵.

Jesienią 1993 Kongregacja Kościołów Wschodnich wyznaczyła na swojego delegata ds. grekokatolików na Białorusi ks. dr. Jana Sergiusza Gajka MIC, wykładowcę na Katolickim Uniwersytecie Lubelskim. Już kilka miesięcy później Jan Paweł II wyznaczył Gajka na wizytatora apostolskiego *ad nutum Sanctae Sedis* dla grekokatolików Białorusi. W 1996 r. otrzymał on godność archimandryty z rąk grekokatolickiego metropolity przemysko-warszawskiego abp. Jana Martyniaka. Zimą 2003 r. podczas audyencji papieskiej hierarchów katolickich z Białorusi *ad limina Apostolorum* Jan Paweł II podarował ks. Gajkowi krzyż biskupi, zaś w 2004 r. zwierzchnik Ukraińskiego Kościoła Grekokatolickiego kard. Lubomyr Huzar zezwolił archimandrycie na noszenie panagii oraz nadał liturgiczny przywilej na błogosławienie wiernych dwoma i trzema krzyżami. Jan Sergiusz Gajek jest na chwilę obecną jedynym w Kościele katolickim archimandrytą omofornym, a więc upoważnionym do noszenia szat liturgicznym zarezerwowanych dla biskupów.

Pytanie o przyszłość grekokatolików na prawosławnej Białorusi wydaje się złożone. Dla mnie osobiście najbardziej prawdopodobne w najbliższej przyszłości wydaje się zastosowanie na Białorusi «modelu rosyjskiego» organizacji Kościoła grekokatolickiego. Jak wiadomo w styczniu 2005 r. nowosybirski biskup rzymskokatolicki Joseph Werth został przez Stolicę Apostolską mianowany ordynariuszem dla wszystkich grekokatolików na

terenie Rosji, zarówno rytu bizantyjsko-rosyjskiego⁶, jak i bizantyjsko-ukraińskiego. Dlaczego wybór Kurii Rzymskiej padł na Wertha, a nie abp. Tadeusza Kondrusiewicza z Moskwy, obecnego metropolite mińsko-mohylewskiego na Białorusi? Otóż właśnie na Syberii żyje znaczna część grekokatolików, prawie wyłącznie Ukraińców. Ze względu na fakt, że w warunkach białoruskich wspólnoty grekokatolickie rozmieszczone są dość równomiernie na terenie całego kraju trudno wskazać tego hierarchę rzymskokatolickiego, który mógłby pełnić funkcję ordynariusza dla grekokatolików. Zatem najprawdopodobniej byłby to metropolita Kondrusiewicz.

Czy takie rozwiązanie zadowoliliby białoruskich grekokatolików? Obawiam się, że na pewno nie. Otóż Stolica Apostolska nie potwierdza w «Annuario Pontificio» istnienia egzarchatu dla Białorusinów w unii z Rzymem, który we wrześniu 1939 r. utworzył metropolita Andrzej Szeptycki ze Lwowa. Trzeba jednak pamiętać, że w świetle obecnie obowiązujących przepisów prawa kanonicznego: *Terytorium Kościoła, którym rządzi Patriarcha, rozciąga się na te regiony, w których zachowywany jest ryt właściwy dla tego Kościoła, a Patriarcha ma zgodnie z prawem nabyte uprawnienie do erygowania prowincji, eparchii i egzarchatów* (kan. 146, § 1 Kodeksu Kanonów Kościołów Wschodnich). W związku z powyższym uznanie egzarchatu oznaczałoby potwierdzenie przynależności białoruskich wspólnot katolickich rytu wschodniego do Ukraińskiego Kościoła Grekokatolickiego, natomiast sam egzarchat miałby rangę egzarchatu arcybiskupiego, nie zaś egzarchatu apostolskiego, jak ma to miejsce choćby we Francji, w Niemczech i Skandynawii, czy też w Wielkiej Brytanii. Rytem liturgicznym obowiązującym w Kościele byłby zatem obrządek bizantyjsko-ukraiński.

W tym kontekście należy zadać również pytanie o Ukraińców w parafiach grekokatolickich na Białorusi. Zgodnie z opracowanymi danymi pochodzącymi ze spisu powszechnego z 2009 r. Ukraińcy byli na Białorusi trzecią mniejszością narodową, po Rosjanach i Polakach, licząc 158,7 tys. osób. Nie posiadamy takich informacji, ale z powodzeniem na nich tylko mogłaby opierać się struktura wiernych 14 zarejestrowanych na Białorusi grekokatolickich organizacji religijnych.

Ponadto przyjęcie «modelu rosyjskiego» nie byłoby niczym nowym w dziejach Kościoła katolickiego i zjednoczonych z nim wspólnot wschodniochrześcijańskich. Mogłoby przywoływać na myśl próby powołania obrządku bizantyjsko-słowiańskiego (neounickiego), z czym mieliśmy do czynienia w okresie międzywojennym. Wówczas to nie zdecydowano się na powierzenie opieki nad neounitami Ukraińcom, co też było zrozumiałe biorąc po uwagę politykę etniczną II Rzeczypospolitej, i niebezpieczne dla białoruskiego etnosu.

W przypadku zastosowania «modelu rosyjskiego» można byłoby się spodziewać artykulacji obaw przed prozelityzmem i polonizacją. Wszak najwyższe stanowiska w białoruskim Kościele katolickim zajmują etniczni

Polacy, choć Kościół jako instytucja w przeciągu dwóch dekad niezależnej państwowości i odrodzenia religijności, stracił swój polski czy też polskojęzyczny charakter, stając się wspólnotą narodową.

Jeżeli chodzi o Polskę to do 1945 r. losy miejscowych grekokatolików były nierozzerwalnie związane z dziejami Kościoła unickiego w przedrozbiorowej Rzeczypospolitej, a następnie z losami Kościoła grekokatolickiego w zaborze austriackim. Wystarczy wspomnieć, że Przemysł jest współcześnie siedzibą najstarszej diecezji grekokatolickiej, nie licząc Kijowa, uznającej zwierzchność w kwestiach rytu arcybiskupa większego kijowsko-halickiego.

Po zakończeniu II wojny światowej należąca do metropolii lwowskiej diecezja przemyska została przedzielona polsko-radziecką granicą państwową. Jeszcze w grudniu 1946 r. Stolica Apostolska mianowała specjalnego delegata dla katolików obrządków wschodnich w osobie prymasa Polski kard. Augusta Hlonda, a po jego śmierci w 1948 r. został nim kard. Stefan Wyszyński. Na mocy otrzymanych od papieża Piusa XII uprawnień wiosną 1947 r. Hlond wyznaczył wikariuszy generalnych dla diecezji przemyskiej (ks. Bazyle Hrynyk) i Administracji Apostolskiej Łemkowszczyzny (ks. Andrzej Złupko). W wyniku akcji Wisła duchownych tych przesiedlono, a tytułów wikariuszy generalnych nie odnowiono. Hrynyk z czasem został wyznaczony przez prymasa Wyszyńskiego na stanowisko referenta ds. obrządku bizantyjskiego. Duchowni grekokatolicy pracowali w tym czasie w parafiach łacińskich, w większości jako birytualści, choć oficjalnie obowiązywał wówczas zakaz odprawiania nabożeństw w obrządkach innych, aniżeli rzymski⁷.

Jednym z efektów odwilży popaździernikowej było uznanie legalnej działalności rytu bizantyjsko-ukraińskiego wewnątrz struktur Kościoła rzymskokatolickiego w Polsce, bez prawa posiadania własnej hierarchii duchownej. Z tego prawa miały zostać wyłączone ziemie Polski południowo-wschodniej, a więc tereny, skąd pochodzili grekokatolicy. Na wniosek ks. Hrynyka Wyszyński erygował kilkadziesiąt placówek i ośrodków duszpasterskich, przede wszystkim przy parafiach łacińskich. W 1964 r. Stolica Apostolska mianowała kard. Stefana Wyszyńskiego ordynariuszem dla wiernych obrządków wschodnich, a więc bizantyjsko-ukraińskiego, bizantyjsko-słowiańskiego (tzw. neounickiego) i ormiańskiego, którzy byli pozbawieni własnej struktury kościelnej. Wyszyński wyznaczył wówczas na swojego wikariusza generalnego dla wiernych tego pierwszego obrządku ks. Bazylego Hrynyka. Pięć lat później, w 1969 r. Hrynyk objął ponadto obowiązki proboszcza parafii katedralnej w Przemysłu, które wykonywał przed akcją Wisła. Po śmierci ks. Hrynyka w 1977 r. nowym wikariuszem generalnym został ks. Stefan Dziubina, który wypełniał urząd aż do czasu śmierci kard. Wyszyńskiego w 1981 r.⁸

Następca Wyszyńskiego kard. Józefa Glempa, który od sierpnia 1981 r. pełnił również urząd ordynariusza dla wiernych obrządków wschodnich, zdecydował wkrótce o powołaniu dwóch wikariuszy generalnych, dla Polski

północnej (o. Jozafat Romanyk OSBM) i dla Polski południowej (ks. Jan Martyniak)⁹.

W połowie maja 1989 r. Sejm przyjął ustawę o stosunku Państwa do Kościoła Katolickiego w PRL, która już w pierwszym artykule gwarantowała równość wszystkich jego obrządków. Dokument ten umożliwił stopniową odbudowę struktur hierarchicznych Kościoła grekokatolickiego w Polsce. Kilka miesięcy później, w połowie lipca 1989 r. papież Jan Paweł II wyznaczył ks. Jana Martyniaka na ordynariusza tytularnego Vardimissa z przeznaczeniem na biskupa pomocniczego dla grekokatolików kard. Józefa Glempa jako ordynariusza dla wiernych obrządków wschodnich w Polsce.

Na początku 1991 r. Stolica Apostolska oficjalnie odtworzyła struktury Kościoła grekokatolickiego w Polsce i na Ukrainie, dostosowując granice diecezji do przebiegu granicy polsko-radzieckiej. Cały obszar Polski objęła diecezja przemyska, podporządkowana bezpośrednio władzy zwierzchniej Rzymu, zaś jej ordynariuszem został bp Jan Martyniak¹⁰. Bullą *Totus tuus Poloniae Populus* z 25.03.1992 r. Jan Paweł II zdecydował o podporządkowaniu grekokatolickiej diecezji przemyskiej łacińskiej metropolii warszawskiej i jej metropolicie kard. Józefowi Głempowi. Taka sytuacja spotkała się z krytyką społeczności grekokatolickiej w Polsce i poza jej granicami, dlatego też z dniem 19 VI 1993 r. powrócono do *status quo ante*.

W czerwcu 1996 r. papież Jan Paweł II zdecydował o reorganizacji diecezji przemyskiej obrządku bizantyjsko-ukraińskiego, poprzez podniesienie jej do rangi archidiecezji przemysko-warszawskiej, a także wydzielenie z jej granic nowej diecezji wrocławsko-gdańskiej. Obie jednostki administracji kościelnej weszły w skład metropolii przemysko-warszawskiej obrządku bizantyjsko-ukraińskiego, a do godności metropolity wyniesiony został dotychczasowy ordynariusz przemyski, bp Jan Martyniak. Otrzymał on od papieża paliusz — widzialny znak łączności ze Stolicą Apostolską, który zgodnie z kan. 156 § 1 Kodeksu Kanonów Kościołów Wschodnich przysługuje wyłącznie metropolitom Kościołów metropolitalnych *sui iuris*, a za taki nie jest uznawana metropolia przemysko-warszawska¹¹. Na ordynariusza wrocławsko-gdańskiego Stolica Apostolska wyznaczyła ks. Teodora Majkowicza, dotychczasowego wikariusza generalnego grekokatolickiej diecezji przemyskiej.

Z powyższej tabeli wynika, że władze kościelne oceniają liczbę grekokatolików w Polsce na 55 tys. wiernych. Tymczasem podczas spisu powszechnego z 2011 r. narodowość ukraińską zadeklarowało 49 tys. polskich obywateli, z czego 27 tys. podało ją jako jedyną, a 20 tys. jako występującą wspólnie z narodowością polską. W tym kontekście chciałbym przywołać starsze dane liczbowe: spis powszechny z 2002 r. wykazał 31 tys. obywateli polskich narodowości ukraińskiej w naszym kraju, zaś «*Annuario Pontificio*» z 2003 r. podawał, że rok wcześniej w archidiecezji przemysko-warszawskiej było 32 tys. wiernych, zaś w diecezji wrocławsko-gdańskiej — 53 tys.,

Podstawowe informacje o Kościele grekokatolickim w Polsce

		Archidiecezja przemysko-warszawska	Diecezja wrocławsko-gdańska
Ordynariusz		Jan (Iwan) Martyniak	Włodzimierz Roman Juszczak, O.S.B.M.
Liczba wiernych (grekokatolików)		30 000	25 000
Liczba parafii		85	57
Liczba księży		51	32
w tym:	diecezjalnych	38	30
	zakonnych	13	2
Liczba diakonów stałych		3	0
Liczba zakonników		17	2
Liczba zakonnice		76	16

Źródło: «Annuario Pontificio», 2010.

łącznie zatem miało być w Polsce 85 tys. grekokatolików. Porównując dane sprzed dekady należy zatem zauważyć, że katolików obrządku bizantyjsko-ukraińskiej miało być blisko trzy razy więcej, aniżeli Ukraińców. Wydaje się zatem, że dane współczesne, i kościelne, i Głównego Urzędu Statystycznego są bardziej zgodne ze stanem faktycznym.

Grekokatolicy w Polsce zadają sobie pytanie o przyszłość własnej konfesji, a przykładem na to jest sonda, która została zainicjowana w styczniu 2009 r. na stronie internetowej grekokatolickiej diecezji wrocławsko-gdańskiej. Wówczas to internautom zadano pytanie: Czy Kościół grekokatolicki w Polsce powinien zacząć używać języka polskiego? Redaktorzy portalu zamieścili następujące opcje odpowiedzi: 1) absolutnie nie; 2) częściowo w kazaniach, w czasie ślubów, pogrzebów czy innych obrzędów «mieszanych», gdy są obecni Polacy; 3) pewne części Liturgii powinny być w języku polskim; 4) kazanie, przynajmniej częściowo, powinno być w języku polskim; 5) katecheza dla dzieci i młodzieży, tam gdzie młode pokolenie nie rozmawia po ukraińsku, powinna być w języku polskim; 6) wydawnictwa (Błahowist), przynajmniej częściowo, powinny być wydawane w języku polskim; 7) oprócz Liturgii w języku ukraińskim powinna być sprawowana druga Liturgia po polsku; 8) cerkiewne strony internetowe powinny być prowadzone tylko w języku ukraińskim; 9) cerkiewne strony internetowe powinny być prowadzone tylko w języku polskim; 10) cerkiewne strony internetowe powinny być prowadzone w obu językach — polskim i ukraińskim. Wyniki były niezwykle interesujące, gdyż blisko co piąty ankietowany opowiedział się za obecnością języka polskiego w życiu kościelnym, w tym w liturgii.

W styczniu 2011 r. problem przypomniał ks. Ireneusz Kondrów podczas liturgii w cerkwi w mazurskich Bartoszycach. Duchowny zwrócił uwagę na postępującą asymilację mieszkających w Polsce Ukraińców, przechodzenie na język polski w życiu codziennym, a także otwarcie Kościoła grekokatolickiego

na Polaków, którzy chcieliby oddawać cześć Bogu w rycie wschodnim. Po burzliwej dyskusji na ten temat na łamach «Naszego Słowa» — tygodnika mniejszości ukraińskiej w Polsce, głos zabrał bp Włodzimierz Juszczak. Hierarcha w duchu II Soboru Watykańskiego przypomniał, że wiernymi Kościoła grekokatolickiego w Polsce są nie tylko Ukraińcy, ale również Łemkowie, a także Polacy. W samej diecezji wrocławsko-gdańskiej w jednym 2010 r. 30 małżeństw, a więc 2/3 wszystkich zawartych w tym roku, miało charakter mieszany, pomiędzy grekokatolikami i rzymskokatolikami. Oznacza to, że jakieś związki z Kościołem grekokatolickim będzie miało przynajmniej 150 osób, małżonków i ich dzieci, i to są dane tylko za jeden rok.

Co prawda Ukraińcy są w większości i Kościół musi brać to pod uwagę. Wszak zadaniem Kościoła jest troska o życie w zgodzie z Bogiem i o zbawienie, zaś kwestie natury językowej są kwestiami drugorzędnymi. Juszczak podkreślił, że pojawiają się również zarzuty niewystarczającej ochrony języka ukraińskiego przez duchownych i hierarchów grekokatolickich, przy czym stawiają je świeccy działacze organizacji ukraińskich, a więc organizacji powołanych do ochrony spuścizny kulturalnej, w tym również językowej.

Wspólnoty etno-religijne w diasporze często w następnych pokoleniach po przybyciu swoich założycieli odchodzą od języka ojczystego w liturgii. Wystarczy zwrócić uwagę na losy lwowskiej archidiecezji ormiańskokatolickiej, u progu II wojny światowej w pełni spolonizowanej. Inny przykład, również bliski Polakom, to losy Polskiego Narodowego Kościoła Katolickiego w Stanach Zjednoczonych i w Kanadzie, który z kolei mniej więcej od lat 60. XX w. przeszedł w całości na język angielski. Zresztą sam Juszczak zauważył, że od dawna starosłowiański czy nawet ukraiński nie jest w użyciu we wspólnotach bizantyjsko-ukraińskich w Stanach Zjednoczonych czy Kanadzie, w Brazylii czy w Argentynie, a nawet w Rosji i w Kazachstanie, a więc w sytuacji zbliżonej do tej, w której znajdują się polscy grekokatolicy.

Przyszłość wspólnot grekokatolickich na Białorusi i w Polsce będzie zależała nie tylko od samych wiernych i polityki państw funkcjonowania, ale również od Kurii Rzymskiej. Tymczasem co najmniej niejednoznaczny można nazwać stosunek obecnego papieża do katolicyzmu w rytach wschodnich. Jeszcze jako prefekt Kongregacji Nauki Wiary kard. Joseph Ratzinger wraz z przewodniczącym Papieskiej Rady ds. Popierania Jedności Chrześcijan kard. Walterem Kasperem oraz prefektem Kongregacji ds. Kościołów Wschodnich patriarchą Ignacym Moussa Daoudem, podczas konsystorza Kolegium Kardynalskiego w lutym 2003 r. sprzeciwił się podniesieniu Ukraińskiego Kościoła Grekokatolickiego do rangi patriarchatu¹². Z drugiej strony pontyfikat Benedykta XVI jawi nam się jako dynamiczny okres rozwoju wspólnoty katolickich Kościołów wschodnich: w grudniu 2005 r. rumuńską metropolię Fagaras-Alba Julia podniesiono do rangi arcybiskupstwa większego, w styczniu 2008 r. grekokatolicką diecezję w Preszowie na

Słowacji podniesiono do rangi metropolii, w marcu 2010 r. administrator apostolski grekokatolickiej diecezji w Mukaczewie z siedzibą w Užhorodzie na ukraińskim Zakarpaciu, bp Milan Szaszik został zatwierdzony na stanowisku ordynariusza wspomnianej katedry, w listopadzie 2011 r. ukraińskie diecezje grekokatolickie w Iwanofrankowsku, Lwowie oraz Tarnopolu i Zborowie zostały podniesione do miana archidiecezji metropolitarnych. W marcu 2011 r. Synod Ukraińskiego Kościoła Grekokatolickiego wybrał a papież Benedykt XVI zatwierdził na archikatedrze większej kijowsko-halickiej obrządku bizantyjsko-ukraińskiego bp. Światosława Szewczuka — jednego z najmłodszych obecnie hierarchów katolickich na świecie (rocznik 1970). W czasach najnowszych jedynie Sługa Boży Andrzej Szeptycki stanął na czele Kościoła grekokatolickiego wcześniej, bo w wieku 35 lat.

¹ Mróz, M. *Katolicyzm na pograniczu. Kościół katolicki wobec kwestii ukraińskiej i białoruskiej w Polsce w latach 1918—1925.* — Toruń 2003. — S. 226—232. Papież Pius XI entuzjastycznie odniósł się do planów misyjnych wśród zamieszkującej Polskę ludności prawosławnej. W styczniu 1924 r. bp Przeździecki otrzymał dekret i specjalne pełnomocnictwa papieskie do prowadzenia działalności unijnej w obrządku bizantyjsko-słowiańskim na terenie diecezji podlaskiej. Nieco później plenipotencje neounijne rozszerzono na łacińskich ordynariuszy diecezji lubelskiej, łuckiej, pińskiej i wileńskiej, a więc również na tereny wchodzące obecnie w skład Białorusi. W celu prowadzenia spraw wschodnich przy poszczególnych kuriach powstały specjalne wikariaty generalne lub też urzędy koordynujące prace obu obrządków. Rzemieniuk, F. *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego (neounia).* — Lublin, 1999. — S. 57—58.

² Dzwonkowski, R. *Kościół Katolicki na Białorusi — przemiany i problemy // Sprawy Narodowościowe. Seria nowa.* — T. II. — 1993. — Z. 1 (2). — S. 174; Hryhoriewa, W., Nawicki, U., Filatawa, A. *Unijactwa u Belarusi. Ad Połackaha Sabora 1839 h. i da naszych dzion // Z historyi unijactwa u Belarusi. Da 400-hoddzja Bresckaj unii / pod red. M. W. Bicza, P. A. Łojki.* — Minsk, 1996. — S. 127—129.

³ Gajek, J. S., Moskałyk, J. *Kościół grekokatolickie na świecie // Unia brzeska z perspektywy czterech stuleci / pod red. J. S. Gajka i S. Nabywańca.* — Lublin, 1998. — S. 248.

⁴ W maju 1994 r. Kongregacja Kościołów Wschodnich oficjalnie uznała Matuszewicz jako proboszcza grekokatolickiej parafii w Mińsku i dziekana białoruskiego dekanatu grekokatolickiego.

⁵ W 2009 r. funkcjonowało na Białorusi 20 parafii grekokatolickich, w tym 15 zarejestrowanych. Aż 4 wspólnoty działały w Mińsku, 2 w Witebsku. Własnością grekokatolików były jedynie dwa budynki kultowe: cerkiew w Połocku oraz niewielka kaplica cmentarna w Mohylewie. W innych miastach działały grekokatolickie centra duszpasterskie wraz z kaplicami: od 1999 r. w Brześciu, zaś od 2008 r. w Mińsku. Posługę duszpasterską w Kościele sprawowało 16 księży i 2 dziekanów. Liczbę wiernych oceniano zazwyczaj na 3—10 tys., choć zdarzały się również szacunki mówiące o 30 tys. Regularnie w nabożeństwach uczestniczyło tymczasem ok. 500 osób.

⁶ Nie wdając się w genezę Rosyjskiego Kościoła Grekokatolickiego trzeba wspomnieć, że pierwsza wspólnota parafialna po upadku Związku Radzieckiego powstała w 1991 r. w Moskwie i aż do 1999 r. znajdowała się w jurysdykcji kard. Lubaczewskiego ze Lwowa. Następnie były duchowny prawosławny Andriej Udowienko wraz ze swoją parafią został inkardynowany do kierowanej przez abp. Tadeusza Kondrusiewicza moskiewskiej administracji apostolskiej. W tym czasie wspólnota liczyła około setki członków. W rosyjskiej stolicy i w obwodzie moskiewskim działa obecnie jeszcze kilka wspólnot bizantyjsko-rosyjskich. Niewielkie grupy rosyjskich grekokatolików funkcjonują ponadto

w Petersburgu, Niżnym Nowogrodzie, Kałudze, Woroneżu, Czycie i Murmańsku. Szerzej na temat historii i współczesności Rosyjskiego Kościoła Grekokatolickiego zob.: Mróz, M. Z dziejów rosyjskiego katolicyzmu. Kościół grekokatolicki w Rosji w latach 1907—2007. — Toruń, 2008. — S. 437.

⁷ Wojewoda, Z. Zarys historii Kościoła grekokatolickiego w Polsce w latach 1944—1989. — Kraków, 1994. — S. 33—34.

⁸ Majkowicz, T. Kościół grekokatolicki w PRL // Polska—Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. — T. 1: Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym / pod red. S. Stępnia. — Przemysł, 1990. — S. 253.

⁹ W jurysdykcji o. Romanyka znajdowały się dekanaty koszaliński i olsztyński, zaś pod zwierzchnictwem ks. Martyniaka były dekanaty przemyski i wrocławski. Kandydaci do stanu kapłańskiego kształcili się we własnym seminarium duchownym w Lublinie, związanym dydaktycznie z tamtejszym archidiecezjalnym seminarium Kościoła rzymskokatolickiego. Jego pierwszym rektorem w 1982 r. prymas Glemp mianował ks. Teodora Majkowicza. W latach 80. XX w. funkcjonowały również w Polsce zakony bazylianów (założona w 1983 r. wiceprovincia Opieki Matki Bożej), bazylianek, służebnic Najświętszej Maryi Panny i józefitek, łącznie 19 zakonników i 140 zakonnice. Ibidem. — S. 254—255.

¹⁰ W tym miejscu warto przypomnieć, że od 2 IV 1977 r. do 16 I 1991 r. pod względem prawno-kanonicznym ordynariuszem grekokatolickiej diecezji przemyskiej był rezydujący w Rzymie bp Iwan Choma, który, aby zrobić miejsce dla faktycznego zwierzchnika Kościoła grekokatolickiego w Polsce, złożył rezygnację z oficjalnie zajmowanego urzędu.

¹¹ Popwycz, J. Własna identyczność UHKC w Pol'szczy // Dokumenty jeparchijalnych soborów Ukrajins'koji Hreko-Katolyc'koji Cerkwy 2001—2002. — T. 2. — L'wiv, 2004. — S. 64.

¹² Rudnic'kyj, L. Za wyznannja Patriarchatu UHKC Apostol's'koju Stolyceju // Mychajłyszyn, M. M. Błażenniszj Josyf Slipyj ta ideja patrijarchatu UHKC. — L'wiv, 2007. — S. 319—321.

БЕЛАРУСЬ — ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАРТНЕРСТВА

Андрей Русакович, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет

Важным направлением в системе внешнеполитических ориентиров Республики Беларусь в начале XXI в. является взаимодействие с Европейским союзом. Общий формат отношений между Беларусью и ЕС сложился в начале 1990-х гг., содержание партнерства было существенно изменено после ноябрьского референдума 1996 г. в Беларуси. В итоге в период 1997—2007 гг. сформировался «комплекс недостаточности» в отношениях между Беларусью и ЕС: был ограничен политический диалог; не получила развитие договорно-правовая база; Беларусь принимала ограниченное участие в программах ЕС, в частности, в Европейской политике добрососедства; в июне 2007 г. вследствие невыполнения рекомендаций Международной организации труда республика была исключена из системы Генеральных преференций ЕС. В течение 2007—2008 гг. постепенно начали изменяться рамочные условия восстановления политического диалога между Беларусью и ЕС. Важным шагом явилось подписание в марте 2008 г. Соглашения между Беларусью и Еврокомиссией об открытии представительства Европейской комиссии. С учетом взвешенной внутри- и внешнеполитической позиции белорусского руководства, а также оценок по итогам парламентских выборов Совет ЕС в октябре 2008 г. принял решение о приостановке визового запрета в отношении представителей руководства Беларуси, отмене запрета на контакты на высшем уровне с официальными лицами Беларуси и восстановлении политического диалога между ЕС и Беларусью. В конце 2008—2010 г. состоялись встречи высокопоставленных представителей Европейского союза с руководством Беларуси, в ходе которых обсуждались актуальные проблемы двусторонних отношений. Важным событием был визит верховного представителя Совета ЕС Х.Соланы в Минск в феврале 2009 г.

В марте 2009 г. на саммите ЕС Беларусь была официально приглашена для участия в программе «Восточное партнерство». В мае 2009 г. в Праге государства ЕС и страны — участницы программы «Восточное партнерство» приняли итоговую Декларацию, которая определила сферы и направления сотрудничества. В ходе пребывания в Праге белорусская делегация подписала также Декларацию о сотрудничестве между Правительством Республики Беларусь и Комиссией Европейских сообществ в области энергетики. Нормализация отношений Беларуси с Европейским союзом осуществлялась в общем русле активизации отношений с другими европейскими и международными организациями: ОБСЕ, Советом Европы, МВФ, МОТ и др.

Участие в программе «Восточное партнерство» в период 2009—2010 гг. становится одним из важных направлений сотрудничества Беларуси и ЕС. Белорусской стороной были представлены приоритетные инвестиционные проекты в областях развития транзитной инфраструктуры, энергоснабжения, оптимизации таможенного и пограничного контроля с ЕС. «Восточное партнерство» реализуется в форматах: двустороннем (ЕС+1), в зависимости от уровня демократического развития и заинтересованности каждой из стран-участниц в сближении с ЕС, этот формат был исключен для Беларуси вследствие отсутствия политико-правовых оснований; и многостороннем (ЕС+6), направленном на укрепление сотрудничества между самими странами-соседями (более приемлем для Беларуси). Были образованы тематические платформы «Восточного партнерства»: по демократии, эффективному государственному управлению и стабильности; по развитию контактов между людьми; по энергетической безопасности; по экономической интеграции и сближению с отраслевой политикой ЕС. Потенциальными прагматическими преимуществами «Восточного партнерства» для Беларуси были определены: расширенный доступ белорусских товаров на рынок ЕС, перспектива формирования зоны свободной торговли с ЕС вплоть до подписания соглашения об ассоциации; целевое софинансирование ЕС национальных программ развития; либерализация визового режима с ЕС; активизация сотрудничества с ЕС по борьбе с нелегальной миграцией, модернизации пограничной инфраструктуры, развитию взаимодействия правоохранительных и судебных органов; совместное с ЕС решение вопросов диверсифицированного и долгосрочного энергообеспечения и энерготранзита, совместимости и взаимной интеграции электроэнергетических сетей, а в среднесрочной перспективе — создание общего энергетического рынка; расширенное кредитно-инвестиционное сотрудничество с финансовыми институтами ЕС и его государств-членов [см.: 10].

Вместе с тем уже на этапе формирования и реализации «Восточного партнерства» Беларусь выявились определенные ограничения: проблема соответствия внутривнутриполитического развития Беларуси стандартам и ценностям ЕС, различие в понимании политических целей «Восточного партнерства»; обязательства Беларуси на постсоветском пространстве (союз с Россией, Таможенный союз, ОДКБ и др.); недостаточный уровень заинтересованности стран ЕС в развитии отношений с Беларусью; внутренние проблемы развития в ЕС и приоритетность Средиземноморского направления в Европейской политике соседства; «разочарование» как со стороны ЕС, так и с белорусской стороны итогами взаимодействия в период 2009—2010 гг.; нерешенность «багажа» проблем периода 1997—2008 гг., проблемы в формировании Евронеста; настороженное отношение России к программе «Восточное партнерство».

Накануне президентских выборов 2010 г. руководство Беларуси приняло ряд важных шагов во внешнеполитической сфере. В октябре 2010 г. была принята новая редакция Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, которая уточнила систему национальных интересов. На четвертом Всебелорусском народном собрании Президент республики выдвинул важный тезис о том, что «наиболее оптимальной для нас является стратегия «равной приближенности» к Востоку и Западу. Именно она дает шанс максимально эффективно использовать выгодное географическое положение, транзитный и промышленный потенциал нашей страны» [6, с. 8]. Активизация отношений с ЕС осуществлялась в комплексе с усилением участия Беларуси в интеграционных объединениях на пространстве СНГ: Беларусь, Россия и Казахстан в конце 2010 г. договорились завершить работу по созданию Единого экономического пространства; новый импульс был дан взаимодействию в рамках ОДКБ.

Очередным рубежом в отношениях Беларуси и ЕС были события декабря 2010 г., связанные с проведением президентских выборов в Беларуси. Западные страны подвергли жесткой критике действия белорусских властей, связанные с силовым подавлением антиправительственного митинга, задержанием экс-кандидатов в президенты, осуществлением следственных действий и судебными процессами в отношении представителей оппозиции. Основным лейтмотивом в политике западных стран становится требование освобождения задержанных после 19 декабря 2010 г. представителей оппозиции. В конце декабря 2010 г. белорусское правительство объявило также о непродлении мандата офиса ОБСЕ в Минске, что создало дополнительные сложности в отношениях с западными странами.

Ситуация в Беларуси была обсуждена в Европарламенте, 31 января 2011 г. Совет ЕС принял заключение по Беларуси, в котором отмечалось, что «президентские выборы показали, что Беларуси еще необходимо пройти долгий путь для соответствия обязательствам в рамках ОБСЕ». В решении осуждался арест нескольких кандидатов в президенты, активистов, журналистов и представителей гражданского общества, последующее задержание и преследование по политическим мотивам представителей оппозиции, выдвигалось требование немедленно освободить и реабилитировать всех арестованных по политическим причинам после выборов 19 декабря, содержался призыв к официальным властям Беларуси прекратить преследование оппозиции. ЕС также призвал белорусские власти отменить решение о непродлении мандата офиса ОБСЕ в Минске. Решение возобновляло режим санкций против ряда официальных лиц Беларуси. Европейский совет заявил также о своей решимости укреплять отношения с белорусским народом и гражданским обществом, подтвердил намерение провести переговоры с Беларусью по заключению соглашений об упрощении визового режима и реадмиссии. Принципиальной основой для позиции ЕС в отношении

Беларуси, как отмечалось в решении, являлась «политика критического взаимодействия», в том числе путем диалога и в рамках «Восточного партнерства». Совет ЕС также отметил, что дальнейшее расширение отношений зависит от прогресса белорусских властей в соблюдении принципов демократии, верховенства права и прав человека [см.: 13].

Белорусское руководство в новых условиях отношений с ЕС заявило, что реализация экономической модели, сформированной в последние полтора десятилетия, будет продолжена. Официальные власти негативно оценили санкции, введенные ЕС и призвали европейских партнеров вернуться к нормальному конструктивному диалогу на условиях взаимного уважения и беспристрастности.

В течение 2011 г. состояние отношений Беларусь — ЕС носило «замороженный» характер и дрейфовало в сторону ухудшения. Европейский союз регулярно «дополнял» визовый список, была обозначена и возможность экономических санкций: было принято решение о замораживании ресурсов трех компаний, зарегистрированных в Беларуси, запрещен экспорт в Беларусь оружия и материалов, которые «могут быть использованы для репрессий внутри страны» [см. 9]. Белорусское руководство не намеревалось освобождать лиц, признанных Европейским союзом политическими заключенными.

Вместе с тем стороны на самом высоком уровне неоднократно заявляли о намерении улучшить отношения. В сентябре 2011 г. Президент Беларуси, принимая верительные грамоты Главы представительства Европейского союза в Беларуси М. Моры, высказал мнение, что это назначение и активная работа посла ЕС в Беларуси будут способствовать развитию отношений между Беларусью и ЕС и обеспечить их «перезагрузку» на принципах равноправия и взаимоуважения [2].

В сентябре 2011 г. белорусская сторона не согласилась с форматом участия в саммите «Восточное партнерство» в Варшаве и не приняла участия в этом мероприятии. Работа парламентской ассамблеи «Восточного партнерства» в конце 2011 г. также началась без участия представителей Беларуси. 27 февраля 2012 г. Совет министров иностранных дел стран ЕС принял решение в очередной раз расширить список невъездных в страны ЕС представителей белорусского государства; активно обсуждались вопросы возможного введения визовых санкций против представителей бизнес-сообщества Беларуси. Ответные действия белорусских властей были достаточно резкими: МИД страны заявил, что «в ответном порядке белорусская сторона закроет въезд в Беларусь тем лицам из стран Евросоюза, которые содействовали введению ограничительных мер», постоянный представитель Беларуси при ЕС и посол Беларуси в Польше были отозваны в Минск для консультаций, одновременно главе Представительства ЕС в Минске и послу Польши в Беларуси также предложено «выехать в свои столицы для консультаций, чтобы довести своему руководству твердую позицию белорусской стороны

о неприемлемости давления и санкций» [3]. Страны ЕС отозвали своих послов из Минска. Относительное разрешение этого «второго дипломатического конфликта» произошло в конце марта — начале апреля 2012 г., в целом статус-кво был восстановлен, однако общий уровень политических отношений не улучшился. Государства ЕС заняли достаточно консолидированную позицию в «белорусском вопросе» и согласованно действовали на международном уровне. В начале июля 2012 г. по инициативе стран ЕС Парламентская ассамблея ОБСЕ, Европарламент, Совет ООН по правам человека приняли резолюции по Беларуси, в которых в том числе содержалось требование к официальному Минску освободить и реабилитировать политических заключенных. МИД Республики Беларусь отверг эти решения, отметив, что «европейские страны продолжают использовать правозащитную тематику в качестве инструмента политического манипулирования и давления» [4].

Составной частью политики ЕС в отношении Беларуси является Европейский диалог по модернизации, объявленный весной 2012 г., который предусматривает многосторонний обмен мнениями между ЕС и представителями белорусского гражданского общества и политической оппозиции по вопросам реформ, необходимых для Беларуси и поддержки в этом со стороны ЕС. Важным аспектом повестки дня двусторонних отношений является разрешение вопросов либерализации визового режима и реадмиссии. В феврале 2011 г. Совет ЕС подтвердил мандаты Комиссии по соглашению с Беларусью об упрощении визового режима и реадмиссии, но прогресса в этом отношении пока нет. Беларусь в настоящее время подписала соглашения о малом приграничном движении с Латвией, Литвой, Польшей.

В середине 2012 г. белорусская сторона активизировала свое участие в программе ЕС «Восточное партнерство». В июле белорусская делегация во главе с Министром иностранных дел С. Мартыновым приняла участие в 3-й встрече министров иностранных дел стран-партнеров Восточного партнерства в Брюсселе. В ходе встречи была обсуждена предложенная ЕС «дорожная карта» Восточного партнерства и перспективы программы [см.: 7].

Европейский союз является важным торгово-экономическим партнером Беларуси. В Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию в мае 2012 г. было отмечено, что «Европейский союз — один из важнейших векторов для Беларуси в окружающем мире. Экономически, да и политически Беларусь и Евросоюз являются важными друг для друга партнерами. По экспорту Евросоюз выступает для нас партнером номер один, по общему товарообороту — номер два после России». С учетом значимости и эффективности ЕЭП и ЕС руководством Беларуси и России была выдвинута идея «интеграции интеграций», целью которой является создание общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока [1, с. 7].

По информации Министерства экономики Республики Беларусь, в 2011 г. иностранными инвесторами вложено в реальный сектор экономики 18,9 млрд дол. США валовых иностранных инвестиций, в том числе 13,2 млрд дол. прямых иностранных инвестиций. Основными странами-инвесторами в 2011 г. являлись: Россия (54 %), Великобритания (30,4 %), Украина (4,2 %), Кипр (2,6 %), Италия (1,5 %), Германия (1,1 %), США (0,8 %), Литва (0,7 %), Нидерланды (0,6 %), Польша (0,6 %) [8].

Внешняя торговля между Беларусью и Европейским союзом в 2008—2011 гг., млн дол. США

	2008	2009	2010	2011
Объем внешней торговли, всего	72 462	49 800	60 200	87 100
Товарооборот со странами ЕС	22 975	15 900	15 200	24 500
Экспорт	14 427	9300	7600	15 800
Импорт	8547	6600	7600	8800
Сальдо	5880	2700	-19,4	7000
Доля стран ЕС в общем товарообороте, %	31,7	31,9	25,3	28,2

Источники: [5; 11; 12].

Европейский союз реализует в Беларуси программы помощи в различных сферах, осуществляет поддержку развития гражданского общества, СМИ, поддержку борьбы с незаконным оборотом наркотиков, программы поддержки международных стандартов в области прав человека, оказывает помощь в минимизации последствий аварии в Чернобыле. Устойчивое развитие получило сотрудничество в сфере охраны границ, противодействия незаконной миграции. Беларусь участвует в программах трансграничного сотрудничества ЕС «Беларусь — Литва — Латвия», «Польша — Украина — Беларусь», «Регион Балтийского моря». Евросоюз является основным поставщиком промышленного оборудования, передовых технологий и иностранных инвестиций в Беларусь.

В целом партнерские отношения Беларуси и Европейского союза в настоящее время имеют сложную и противоречивую природу, и являются составной частью непростых отношений Республики Беларусь и Запада. Значимость отношений Беларуси и ЕС обусловлена наличием большой сферы общих интересов, вызовов и проблем, сформировавшихся вследствие непосредственного соседства.

Литература

1. Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию // Сов. Белоруссия. — 2012. — 10 мая. — С. 3—8.

2. 20 сентября Александр Лукашенко принял верительные грамоты послов иностранных государств [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.president.gov.by/press129375.html#doc>>. — Дата доступа: 15.07.2012.
3. Заявление начальника управления информации — пресс-секретаря МИД Андрея Савиных в связи с решением Совета ЕС [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/a61ec799fc09f2a3.html>. — Дата доступа: 17.06.2012.
4. Комментарий пресс-службы Министерства иностранных дел Республики Беларусь в отношении принятой Советом ООН по правам человека резолюции, касающейся ситуации с правами человека в Беларуси [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/ea6b4dbd01cf8a77.html>. — Дата доступа: 30.07.2012.
5. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь—декабрь 2011 года [Электронный ресурс] // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_2011/jan_dek_2011>. — Дата доступа: 15.09.2012.
6. Наш исторический выбор — независимая, сильная и процветающая Беларусь: доклад Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании // Сов. Белоруссия. — 2010. — 7 дек.
7. Об участии Сергея Мартынова во встрече министров иностранных дел стран-партнеров Восточного партнерства [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/a9056baa27f319b0.html>. — Дата доступа: 30.07.2012.
8. Результаты инвестиционной политики [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.economy.gov.by/ru/invpolicy/invest-klimat/pezultat>>. — Дата доступа: 07.09.2012.
9. Совет ЕС узмацняе абмежавальныя меры ў дачыненні да беларускага рэжыму [Электронны рэсурс] // Прадстаўніцтва Еўрапейскага саюза ў Беларусі. — Рэжым доступу: <http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/press_corner/all_news/news/2012/28_02_2012_be.htm>. — Дата доступу: 17.05.2012.
10. Скрипко, А. А. Актуальные вопросы развития отношений Республики Беларусь с Европейским союзом, в том числе в рамках «Восточного партнерства»: проблемы и перспективы / А. А. Скрипко // Беларусь в современном мире: материалы VIII Международн. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2009 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2009. — С. 13—20.
11. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2010: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь / редкол.: В. И. Зиновский (предс. редкол.). — Минск, 2010. — 582 с.
12. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2011: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь / редкол.: В. И. Зиновский (предс. редкол.). — Минск, 2011. — 634 с.
13. Council conclusions on Belarus, 3065 Foreign Affairs Council meeting, Brussels, 31 January 2011 [Electronic resource] // Council of the European Union. — Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/119038.pdf>. — Date of access: 15.03.2011.

ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1950-Х — 1980-Х гг.

Виктор Острога, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет

История Польши еще с 1920-х гг. привлекала внимание ученых БССР. В значительной степени на это повлиял фактор непосредственного соседства с этой страной и ее чрезвычайно связанное с Беларусью прошлое. В результате белорусские историки оказались в первых рядах советской полонистики.

В послевоенный период историко-славяноведческие исследования вновь стали преобладающими в научных исследованиях специалистов Советской Беларуси в области Новой и Новейшей истории. По подсчетам автора, за период с 1945 по 1991 гг. вышло в свет свыше 200 различного рода публикаций. Но безусловный приоритет отдавался истории Польши (140 публикаций), затем Болгарии (около 60), Чехословакии (15) и Югославии (3). Если рассматривать исторические периоды, то интерес преимущественно проявлялся к Новейшей истории — практически 60 % всех публикаций. Тематически наибольшее внимание исследователей вызывали ход и итоги социалистического строительства, деятельность местных коммунистических партий, сотрудничество этих стран с СССР и БССР. Изучение каждой из славянских стран имело свою тематическую специфику. Так, ученые-полонисты относительно большое внимание обращали на межвоенный период польской истории, социалистическое строительство в Польской Народной Республике, деятельность ПОРП, советско-польские отношения и Западную Беларусь в составе Польши. Хронологически публикация свыше половины всех работ приходилась на 1970-е — 1980-е гг. Доля различного рода монографий в их общей массе составляла в среднем 25 %.

Как отмечалось выше, историческая полонистика, являлась самым изучаемым в Советской Беларуси научным направлением в области зарубежной истории. Хронологически около 75 % их посвящено Новейшей истории. Половина исследований тематически приходилась на изучение положения Западной Беларуси в составе Польши и различных аспектов польской истории 1918—1945 гг. Однако существующий на сегодняшний день историографический анализ исторической полонистики БССР не достаточен, поэтому актуален и требует своего продолжения.

Первой статьей по самой исследуемой теме — истории Западной Беларуси стала популярная обобщающая работа академика В. Н. Перцева, опубликованная в 1947 г. [1]. Наиболее разработанной была тема роли и деятельности компартии и комсомола Западной Беларуси в революционном и национально-освободительном движении [2—10]. В последствии наиболее активно в этой области работали Н. С. Орехов, В. Ф. Ладысев, П. И. Зелинский.

В публикациях широко была представлена и более общая тема — революционное и национально-освободительное движение в Западной Беларуси. Помимо упомянутых, среди известных авторов: С. Г. Анисов, А. В. Царюк, В. А. Полуян, И. В. Полуян, Н. А. Ракевич, А. Н. Мацко, Б. С. Клейн [11—15]. Несколько работ раскрывали совместную борьбу поляков и белорусов за права трудящихся, против фашизма, популяризацию ленинских идей [16—19]. Некоторые публикации были посвящены экономическому положению «Восточных крэсов» [20; 21]. Однако в этих исследованиях преобладал односторонний подход к освещению событий, преувеличение степени «революционности масс» в Западной Беларуси.

1989 г. был юбилейным и к 50-летию воссоединения Западной Беларуси и БССР было опубликовано значительное число работ. Но в конце 1980-х гг. часть авторов уже была далека от эйфории и стереотипов прежних лет и пытались объективно осмыслить процессы, происходившие в межвоенный период на восточных землях Польши, используя ранее недоступные архивные источники и публикации [22—24].

Говоря о западнобелорусской проблематике, также нельзя не отметить две фундаментальные аналитические статьи, посвященные историографии революционного движения в Западной Беларуси, в первую очередь работу Г.В. Вахтомова и В.Н. Михнюка [25; 26].

Довоенный период собственно польской истории также являлся объектом научных исследований. Наиболее детально изученной темой стало международное положение Польши и ее внешняя политика [27—33]. Наиболее крупным исследователем в этой области был Г. Г. Лазько.

В работах ученых БССР большое внимание уделялось истории политической жизни соседней страны, в первую очередь деятельности марксистских партий, отдельных политических деятелей, истории распространения марксизма в Польше [34—38].

Так, в трудах В. А. Беньковского и Т. А. Бадюковой характеризуется антифашистское и антивоенное движение в Польше в 1930 — 1940-е гг. [39—41]. Военную проблематику затронули Е. Семашко и В. И. Прибылов. В своих работах, опубликованных в 1990 г. они приоткрыли болезненную и ранее «закрытую» тему Армии Краевой и Армии Андерса [42; 43].

В области Новейшей истории Польши приоритетной исследовательской темой сразу стала история социалистического строительства. Свыше двух десятков публикаций с 1945 г. освещали общую картину развития польского варианта социалистического общества [44—51]. Наиболее известным популяризатором польской современной истории стал О. А. Ясинский [52—57]. Помимо его современную Польшу изучали А. Луковец, Н. Пашенцев, В. С. Толстой, Н. П. Деев, Л. В. Лойко, О. Э. Проценко, М. И. Шлык. Исследовались самые различные аспекты развития Польши: экономика, образование, наука, религия [58—64].

Деятельность Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) также вызывала естественный интерес у историков Советской Беларуси [65—67]. Однако эти публикации датируются 1960—1970 гг., позднее восприятие стратегии и тактики ПОРП стало в СССР неоднозначным и в последующие десятилетия до 1991 г. вышла в свет лишь две работы критического характера [68; 69]. Как наиболее интересную тут можно отметить монографию Л. В. Лойко.

Помимо указанных, одной из популярных тем стала история советско-польских отношений, тесно касавшихся связей Польской Народной Республики с БССР [70—74].

Относительно белорусских исследований по Новой истории Польши, необходимо подчеркнуть, что в своем большинстве они также были политически «заостренными» и касались преимущественно истории революционного движения [75—82]. К примеру, М.И. Шлык исследовал деятельность марксиста-теоретика Ю. Бруна [83; 84]. В изучаемый период выходили публикации, посвященные Анджэю Фрыч Моджевскому, Мацею Стрыйковскому, Янушу Корчаку, Тадеушу Косцюшко, другим польским общественным и научным деятелям [85—90].

Несколько диссонировала в тематическом плане историко-экономическая статья З. Ю. Копыского, раскрывавшая белорусско-польские торговые связи XVII в. [91]. Эта работа начала 1960-х гг. продемонстрировала насколько все же были тематически узки исследования белорусских историков-полонистов, изучавших в значительной мере только проблемы политической истории Польши.

Демократические процессы, начавшиеся в советской исторической науке с конца 1980-х гг., позволили впервые после 1933 г. увидеть свет трудам, в которых излагалась вся польская история [92; 93].

Таким образом, полонистика была приоритетной в белорусской советской исторической науке. Однако, несмотря на многочисленные связи двух стран, польская проблематика в БССР развивалась практически в общетематическом русле советского славяноведения.

Литература

1. Перцаў, В. Барацьба працоўных Заходняй Беларусі за сваё вызваленне ў перыяд польскай акупацыі (1921—1939 гг.) / В. Перцаў // Бальшавік Беларусі. — 1947. — № 12. — С. 30—38.
2. Наливайко, Г. Как действовала КПЗБ / Г. Наливайко // Коммунист Белоруссии. — 1969. — № 5. — С. 53—57.
3. Воткович, Г. Б. КПЗБ в борьбе за интернациональное единство трудящихся (1929—1933 г.) / Г. Б. Воткович. — Минск: Изд-во БГУ, 1975. — 128 с.
4. Ладзьсеў, У. Ф. КПЗБ — арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934—1938 гг.) / У. Ф. Ладзьсеў. — Мінск: Выд-ва БДУ, 1976. — 168 с.
5. Зелинский, П. И. Печать КПЗБ в борьбе за свободу / П. И. Зелинский, Н. А. Ракевич. — Минск: Изд-во БГУ, 1977. — 144 с.

6. Гойдзь, Т. А. Руководство КПЗБ деятельностью МОПРа Западной Белоруссии по оказанию материальной помощи политзаключенным и их семьям / Т. А. Гойдзь // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 3. — 1981. — № 2. — С. 13—15.
7. Клейн, Б. С. Барацьба Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі супраць буржуазнага тэрору (1926—1929 гг.) / Б. С. Клейн // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1983. — № 4. — С. 67—73.
8. Орехво, Н. С. Дела и люди КПЗБ: воспоминания / Н. С. Орехво. — Минск: Беларусь, 1983. — 287 с.
9. Клейн, Б. С. За дело правое: Борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920 — 1938 гг.) / Б. С. Клейн. — Минск: Беларусь, 1986. — 175 с.
10. Анісаў, С. Г. 3 гісторыі камсамольскага падполля Заходняй Беларусі / С. Г. Анісаў. — Минск: Дзяржвыд Беларусі, 1958. — 66 с.
11. Царюк, А. В. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за свое освобождение (1921—1927 гг.) / А. В. Царюк // Сборник научных работ БГУ. — 1958. — Вып. 1. — С. 113—138.
12. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920—1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. — Минск: Госиздат БССР, 1962. — 222 с.
13. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927—1937 гг.) / В. А. Полуян. — Минск: Наука и техника, 1978. — 359 с.
14. Мацко, А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков. 1918 — 1939 гг. / А. Н. Мацко. — Минск: Беларусь, 1972. — 335 с.
15. Ладысев, В. Ф. В борьбе за демократические права и свободы / В. Ф. Ладысев. — Минск: Беларусь, 1988. — 189 с.
16. Клейн, Б. С. Слаўныя старонкі сумеснай барацьбы працоўных Заходняй Беларусі і Польшчы (1920—1939 гг.) / Б. С. Клейн. — Минск: 1962. — 32 с.
17. Мацко, А. Н. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против фашизма (1933—1939 гг.) / А. Н. Мацко. — Минск: Изд-во АН БССР, 1963. — 206 с.
18. Хацкевич, А. Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии / А. Ф. Хацкевич. — Минск: Наука и техника, 1967. — 150 с.
19. Мараш, И. Я. Ленинские идеи — в массы трудящихся. Издание и распространение трудов В. И. Ленина в Польше и Западной Белоруссии в 1918—1939 гг. / И. Я. Мараш. — Минск: Беларусь, 1980. — 78 с.
20. Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919—1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. — Минск: Вышэйшая школа, 1975. — 111 с.
21. Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929—1933 гг. / И. В. Полуян. — Минск: Наука и техника, 1991. — 205 с.
22. Мацко, А. М. Уз’яднанне Заходняй Беларусі з БССР — акт гістарычнай справядлівасці / А. М. Мацко, С. У. Кабяк. — Минск: Веды, 1989. — 24 с.
23. Шумейка, М. 1939 год, верасень / М. Шумейка // Спадчына. — 1989. — № 1. — С. 28—30.
24. Клейн, Б. Западная Белоруссия: от иллюзий к реальности / Б. Клейн. // Неман. — 1989. — № 9. — С. 125—139.
25. Леанавец, В. Ц. Гістарыяграфія рэвалюцыйнай і нацыянальна-вызваленчай барацьбы працоўных Заходняй Беларусі / В. Ц. Леанавец // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1986. — № 4. — С. 65—72.
26. Вахтомаў, Г. В. Станаўленне гістарыяграфіі рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі / Г. В. Вахтомаў, У. М. Міхнюк // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1988. — № 5. — С. 118—125.
27. Ковкель, И. И. Польско-литовский конфликт и белорусские буржуазные националисты (октябрь 1920 — март 1923 гг.) / И. И. Ковкель // Вопросы истории. — 1974. — Вып. 1. — С. 158—164.

28. Лазько, Г. Г. Антисоветская направленность внешней политики буржуазно-помещичьей Польши в 1934—1935 гг. / Г. Г. Лазько // Вопросы истории. — 1976. — Вып. 3. — С. 150—157.
29. Лазько, Г. Г. Польша и франко-советский договор о взаимопомощи (май 1935 — март 1936 гг.) // Вопросы истории 1979. — Вып. 6. — С. 139—148.
30. Лазько, Г. Г. Польско-французское соглашение о займе 1936 г. // Вопросы истории. — 1983. — Вып. 10. — С. 144—152.
31. Бровка, Е. А. Пакт Келлога и Польша // Вопросы истории. — 1983. — Вып. 10. — С. 131—137.
32. Харитонович, И. М. Буржуазная Польша в антисоветских планах Англии // Вопросы истории. — 1983. — Вып. 10. — С. 138—143.
33. Сафонаў, М. В. Польская інтэрвенцыя у Беларусі у 1919 г. і яе сувязь з міжнародным імперыялізмам / М. В. Сафонаў // Весці АН БССР. — 1990. — № 4. — С. 70 — 78.
34. Клевченя, А. С. Юлиан мархлевский и ленинизм / А. С. Клевченя // Весн. БДУ імя У. І. Леніна. Сер. 3. — 1970. — № 1. — С. 17 — 23.
35. Мараш, И. Я. Из истории изучения работ В. И. Ленина политзаключенными в буржуазно-помещичьей Польше / И. Я. Мараш // Сов. славяноведение. — 1975. — № 31. — С. 61—64.
36. Беньковский, В. В. Из истории борьбы за единство движения в Польше / В. В. Беньковский // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. — 1979. — № 2. — С. 52—56.
37. Титова, А. А. Вопрос об аграрной реформе в польском сейме в первой половине 1925 г. / А. А. Титова // Вопросы истории. — 1983. — Вып. 10. — С. 30—36.
38. Кулажанка, Л. Я. Стварэнне польскага камасмола, яго арганізацыйнае і ідэйнае станаўленне ў 1922—1933 гг. / Л. Я. Кулажанка // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1988. — № 1. — С. 67—75.
39. Беньковский, В. В. Идеино-политические позиции руководства людовского движения в Польше в годы войны и гитлеровской оккупации / В. В. Беньковский // Философия и научный коммунизм. — 1977. — Вып. 4. — С. 96 — 107.
40. Бадюкова, Т. А. Антивоенное движение польской молодежи в первой половине 30-х годов / Т. А. Бадюкова // Вопросы истории. — 1979. — Вып. 6. — С. 72—79.
41. Бадюкова, Т. А. Декларация прав молодого поколения Польши (из истории антифашистской борьбы молодежи Польши в 30-е гг. / Т. А. Бадюкова // Вопросы истории. — 1983. — Вып. 10. — С. 63—67.
42. Семашко, Е. Под знаком ложной идеи: Правда о формировании АК округа Новогрудок / Е. Семашко // Полит. собеседник. — 1990. — № 8. — С. 40—42.
43. Прибылов, В. И. Почему ушла Армия Андерса / В. И. Прибылов // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 3. — С. 29—37.
44. Гарбуноў, Т. Новая Польшча — наш друг. (Дарожныя нататкі) Т. Гарбуноў // Польшча. — 1945. — № 7 — 8. — С. 55 — 64.
45. Пашанцаў, Н. Польскі народ у барацьбе за новую дэмакратычную Польшчу / Н. Пашанцаў. — Мінск: Выд-ва АН БССР, 1948. — 28 с.
46. Гарцаў, В. Народна-дэмакратычная Польшча на шляху да сацыялізма / В. Гарцаў // Бальшавік Беларусі. — 1952. — № 3. — С. 61—67.
47. Каспяровіч, Е. Польшча на шляху да сацыялізма / Е. Каспяровіч // Блэкнот агітатара. — 1952. — № 3. — С. 61—67.
48. Лукавец, А. На шляху да сацыялізма / А. Лукавец. — Мінск: Дзяржвыд БССР, 1955. — 244 с.
49. Гарбуноў, Б. Дваццаць гадоў Польскай Народнай Рэспубліцы / Б. Гарбуноў, В. С. Талстой // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1964. — № 3. — С. 5—15.
50. Деев, Н. П. Народной Польше 35 лет / Н. П. Деев. — Минск: Веды, 1979. — 20 с.
51. Габелко, В. Т. Народной Польше — 40 лет / В. Т. Габелко. — Минск: Веды, 1984. — 24 с.
52. Ясинский, О. А. Возрожденная Польша / О. А. Ясинский. — Минск. 1959. — 32 с.

53. Ясінскі, О. Польшча на шляху да сацыялізма // Каммуніст Беларусі. — 1959. — № 6. — С. 46—53.
54. Ясинский, О. А. Польша социалистическая / О. А. Ясинский. — Минск: Беларусь, 1964. — 128 с.
55. Ясінскі, А. А. Народная Польшча / А. А. Ясінскі. — Мінск: Беларусь, 1969. — 103 с.
56. Ясинский, О. А. 30 лет Народной Польше / О. А. Ясинский. — Минск: Веды, 1974. — 23 с.
57. Ясинский, О. А. ПНР на путях строительства развитого социалистического общества (К 30-летию социалистической Польши) / О. А. Ясинский // Весн. БДУ ім. У. І. Леніна. Сер. 3. — 1974. — № 3. — С. 3—8.
58. Ясинский, О. Могучая поступь индустрии ПНР / О. Ясинский // Промышленность Белоруссии. — 1968. — № 2. — С. 64.
59. Беньковский, В. В. Характер и место аграрной программы ПНР в системе революционно-демократических преобразований в народной Польше / В. В. Беньковский // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. — 1973. — № 2. — С. 48—54.
60. Проценко, О. Э. Союз социалистической молодежи — организатор трудовой активности польской рабочей молодежи в годы второй пятилетки (1961 — 1965 гг.) / О. Э. Проценко // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. — 1977. — № 1. — С. 12—15.
61. Лойко, Л. В. Движение бригад социалистического труда в ПНР (К 20-летию возникновения) / Л. В. Лойко // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. — 1979. — № 2. — С. 13—18.
62. Царук, Н. Развіццё народнай асветы у ПНР / Н. Царук // Народная асвета. — 1979. — № 11. — С. 74—77.
63. Смірноў, А. Гісторыкі народнай Польшчы пра Каліноўскага / А. Смірноў // Польшча. — 1958. — № 1. — С. 170—178.
64. Шлык, М. И. О некоторых особенностях взаимоотношений католицизма и общества в Польше / М. И. Шлык // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 3. — 1989. — № 2. — С. 42—45.
65. Лойко, Л. В. Деятельность ПОРП по привлечению рабочего класса / Л. В. Лойко // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. — 1973. — № 1. — С. 24—29.
66. Клевченя, А. С. Пропаганда идей ленинизма на страницах журнала «Новы Пшеглэнд» / А. С. Клевченя // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. — 1973. — № 2. — С. 32—38.
67. Шман, Т. Г. Развитие внутрипартийной демократии в ПОРП на современном этапе / Т. Г. Шман // Философия и научный коммунизм. — 1976. — Вып. 3. — С. 80—86.
68. Беньковский, В. В. Контрреволюционная сущность оппозиционных группировок в Польше / В. В. Беньковский, С. Береза // Философия и научный коммунизм. — 1982. — Вып. 9. — С. 134—143.
69. Лойко, Л. В. Испытание властью. Уроки и выводы из деятельности ПОРП / Л. В. Лойко. — Минск, 1991. — 63 с.
70. Карнейчык, Е. І. Аб зборніку гістарычных работ Польшка-Савецкага інстытута / Е. І. Карнейчык // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамад. навук. — 1957. — № 3. — С. 143—145.
71. Селіванаў, П. А. 3 гісторыі фарміравання часцей польскай Чырвонай Арміі / П. А. Селіванаў // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1971. — № 2. — С. 52—61.
72. Ясинский, О. А. Нерушимая дружба. (К тридцатилетию договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенного сотрудничестве между СССР и ПНР) / О. А. Ясинский, И. Е. Некрасов. — Минск: Веды, 1975. — 20 с.
73. Мачульскі, А. Я. Савецка-польская садружнасць — яскравае сведчанне пралетарскага інтернацыяналізму / А. Я. Мачульскі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1975. — № 3. — С. 10—12.
74. Сокол, С. Ф. Творческое сотрудничество советских и польских ученых в разработке методологии истории / С. Ф. Сокол, М. Н. Терешко // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 3. — 1980. — № 3. — С. 87—90.

75. Смирноў, А. Старонкі братняй дружбы. Аб барацьбе беларускіх, рускіх і польскіх рэвалюцыйных дзеячоў супраць царызма / А. Смірноў // Беларусь. — 1958. — № 4. — С. 142—156.
76. Васькоў, Б. Яраслаў Дамброўскі / Б. Васькоў // Беларусь. — 1961. — № 11. — С. 31.
77. Смірноў А. Ф. Франц Савіч. З гісторыі беларуска-польскіх рэвалюцыйных сувязей 30—40-х гадоў XIX стагоддзя / А. Ф. Смірноў. — Мінск: ДВБ, 1961. — 171 с.
78. Петровіч, И. Л. В. И. Ленин о задачах революционной борьбы пролетариата Польши / И. Л. Петровіч. — Мінск: Изд-во БГУ, 1974. — 238 с.
79. Третьякова, Н. Л. ППР в борьбе за тактику единого фронта в польском национально-освободительном движении / Н. Л. Третьякова // Вопросы истории. — 1976. — Вып. 3. — С. 157—164.
80. Клевченя, А. С. У истоков марксизма в Польше: К 100-летию партии «Пролетариат» / А. С. Клевченя // Вестн. Беларус. гос. ун-та. Сер. 3. — 1982. — № 3. — С. 41—44.
81. Шлык, М. І. Дзейнасць Кона / М. І. Шлык // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1983. — № 1. — С. 42—43.
82. Сакалова, М. А. Роля С. Трусевіча ў развіцці сувязей сацыял-дэмакратаў Беларусі, Польшчы і Літвы / М. А. Сакалова // Вестні АН БССР. Сер. грам. навук. — 1989. — № 5. — С. 56—63.
83. Шлык, М. И. Разработка Юлианом Бруном проблем патриотизма и интернационализма / М. И. Шлык // Философия и научный коммунизм. — 1976. — Вып. 3. — С. 127—132.
84. Шлык, М. И. Юлиан Брун — революционер, марксист-теоретик / М. И. Шлык. — Мінск: Университетское., 1987. — 143 с.
85. Сушкевич, Л. П. Воззрения Анджэя Фрыча Моджевского по вопросам войны и мира / Л. П. Сушкевич // Вестн. Беларус. ун-та. Сер. 3. — 1973. — № 1. — С. 20—24.
86. Михайловская, Л. Л. Жизнь и творчество Мацея Стрыйковского / Л. Л. Михайловская // Вопросы истории. — 1978. — Вып. 5. — С. 140—150.
87. Саватеева, Л. А. Януш Корчак — выдающийся педагог гуманист / Л. А. Саватеева // Вестн. Беларус. ун-та. Сер. 4. — 1979. — № 2. — С. 71—74.
88. Юхо, Я. А. За вольнасць нашу і вашу: Тадэвуш Касцюшка / Я. А. Юхо. — Мінск: Навука і тэхніка, 1990. — 52 с.
89. Науменко, Я. П. Польские ученые Белоруссии (первая половина XIX в. / Я. П. Науменко // Вопросы истории. — 1974. — Вып. 1. — С. 117—123.
90. Клевченя, А. С. Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше / А. С. Клевченя. — Мінск: Изд-во БГУ, 1978. — 198 с.
91. Капыскі, З. Ю. Гандлёвыя сувязі гарадоў Беларусі з гарадамі Польшчы ў канцы XVI — першай палове XVII стагоддзяў / З. Ю. Капыскі // Вестні АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1961. — № 2. — С. 80—91.
92. Звесткі з гісторыі Польшчы / Пед. тав-ва БССР; укл. А. Захарэвіч. — Мінск: 1991. — 129 с.
93. Хрестоматия по истории южных и западных славян. 1917 — 1988 г. / отв. ред. Д. Б. Мельдер, Г. И. Чернявский. — Мінск: Университетское, 1991. — 412 с.

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОРОДОВ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ДОБРОСОСЕДСТВА

Ольга Лазоркина, кандидат исторических наук, Белорусский государственный университет

Город всегда был и остается носителем самых передовых тенденций экономического, социального, культурного и политического развития страны. Хотя большинство городов в современном мире не являются независимыми и суверенными субъектами международного права, они поддерживают между собой активные связи и сотрудничество, которые получили название «дипломатии городов». Эта дипломатия рассчитана на прямое развитие культурных, образовательных, технических, торгово-экономических и других связей между городами мира. Современные формы международного сотрудничества городов разнообразны и многоаспектны. Существуют также международные организации, координирующие контакты городов по разным направлениям.

Международное сотрудничество на муниципальном уровне стало развиваться до начала Первой мировой войны. В 1913 г. в бельгийском городе Генте состоялся первый Международный конгресс городов. Его участники приняли решение создать Международный союз местных властей. Основные задачи союза были:

- способствовать улучшению благосостояния граждан;
- повышать эффективность местного самоуправления;
- выработать общие стандарты в деятельности местного самоуправления и местных служб;
- обеспечить международный обмен опытом и информацией;
- способствовать налаживанию личных контактов между главами муниципальных образований [7, p. 499].

В дальнейшем Международный союз местных властей (местного самоуправления) объединил ассоциации местного самоуправления свыше 70 стран. Особыми членами являлись центральные и региональные министерства, образовательные и научные учреждения, а также частные лица, связанные с местным самоуправлением, образованием и наукой.

Во время Второй мировой войны было подписано соглашение о сотрудничестве между городами стран-союзников по Антигитлеровской коалиции — Сталинградом и Ковентри, что положило начало движению породненных городов [5].

В 1957 г. была создана Всемирная федерация породненных городов. К 1970 г. она объединяла уже до тысячи городов в более чем 50 странах Европы, Азии, Африки и Америки [9].

Кроме того, на конференции в Белом Доме, состоявшейся в 1956 г. Президент Д. Эйзенхауэр предложил реализовать программу «*People-to-People*», которая должна была способствовать международному взаи-

мопониманию и дружбе посредством образования, культуры и гуманитарной деятельности. Сейчас в рамках этой инициативы функционирует Международная организация городов-побратимов, которая объединяет 2100 городов из 121 государства мира [8].

В 2004 г. на Конгрессе в Париже произошло важное событие, которое заметно усилило потенциал сотрудничества городов — состоялось объединение двух крупнейших мировых организаций, объединяющих местные власти. Всемирная федерация породненных городов и Международный союз местных властей, а также ассоциация крупных городов «Метрополис», образовали единственную в мире структуру, представляющую интересы местных властей перед международным сообществом — Всемирная организация Объединенные города и местные власти [9].

Новая организация имеет своей целью «быть единым голосом и всемирным защитником демократического местного самоуправления, продвигая его ценности, цели и интересы на международной арене путем сотрудничества между местными властями».

Задачами новой организации являются:

- обеспечение эффективного политического представительства местных властей в международных сообществах, особенно в ООН;
- представление единой политической линии местных властей в международных отношениях;
- обеспечение обмена информацией, опытом, знаниями между различными организациями и структурами.

Особое место и собственные традиции участия в международных связях имеют столичные города. Минск как экономический и культурный центр играет важную роль в развитии международных связей Беларуси. В настоящее время Минск связан торгово-экономическими, научно-техническими, гуманитарными и партнерскими отношениями с рядом городов и областей самых разных стран мира [1]. Контакты с некоторыми из них оформлены на самом высоком официальном уровне и делятся уже не одно десятилетие. Другие поддерживают связи неофициально, через деловые круги и инициативу граждан.

Кроме того, Минск имеет членство в таких организациях как: Всемирная федерация породненных городов (ВФПГ), Международная ассоциация «Породненные города» (МАПГ), Белорусская ассоциация породненных городов (БАПГ), Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Федерации «Центральная Россия», Международная организация «Города — посланцы мира» [3].

Полномочия административно-территориальных образований в сфере международного сотрудничества были законодательно закреплены в Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (февраль 1991 г.) [4]. В новой редакции Закона от 10 января 2000 г. зафиксировано право местных органов власти уча-

ствовать в создании совместных с зарубежными партнерами научных, культурных, туристических, физкультурно-оздоровительных, реабилитационных центров, а также других организаций.

Учитывая географическую близость, исторически обусловленные традиции культурного взаимодействия народов Беларуси и Польши, данному аспекту двусторонних отношений придается важное значение. Связи между городами Беларуси и Польши стали развиваться с начала 1990-х гг. В 1992 г. Минск и Лодзь впервые подписали соглашение о сотрудничестве, в котором были отражены основные принципы двустороннего взаимодействия:

— проведение на основе взаимности работы по ознакомлению с жизнью, культурой, традициями и обычаями города-побратима и народа его страны с привлечением к работе общественности, населения, учреждений и организаций;

— содействие деловому, экономическому и торговому сотрудничеству;

— обмен делегациями;

— обмен информацией [2].

С самого начала контакты Лодзи и Минска были оживленными. Оба города планировали открыть Бюро экономического продвижения, действующие при органах городских муниципалитетов. Вскоре после подписания партнерского соглашения состоялись визиты председателя Мингорисполкома в Польшу и мэра г. Лодзи в Минск [6].

В 2002 г. в Бресте проходила первая встреча породненных городов Беларуси и Польши. В ней принимали участие делегации 44 белорусских и 37 польских городов. Обсуждались проблемы и перспективы двустороннего экономического, делового и культурного сотрудничества. Участники встречи приняли обращение к правительствам двух стран, призвав власти Беларуси и Польши к слаженному взаимодействию, направленному на длительное взаимовыгодное сотрудничество, созданию благоприятных условий для движения породненных городов.

В настоящее время направления деятельности Минска и Лодзи в целом определились. Среди них важную роль играет сотрудничество в сфере туризма, культурные связи, обмен опытом между представителями СМИ, молодежные обмены. Мингорисполком и мэрия г. Лодзи выступают в роли координаторов этого процесса.

Среди совместных мероприятий, которые стали уже традиционными во взаимоотношениях городов можно назвать Дни города. Традиция празднования Дней города Минска начинается с 2001 г. (12 сентября). Ежегодно в Минск приглашаются делегации из городов-побратимов. В 2007 г. состоялся визит вице-мэра Лодзи Халины Росяк в Минск на празднования 940-летия основания города [1].

В 2009 г. на праздновании 942-й годовщины основания города, Минск посетили спортсмены из Лодзи: Я. Дубецки и К. Кубяк, которые приняли участие в Международном марафоне Минска. Длина маршрута составляла 45 км и проходила по главным улицам города.

В 2010 г. депутаты городского Совета Лодзи Мацей Раковски и Збигнев Кацпшак приняли участие в Международном марафоне на дистанцию 42,2 км улицами белорусской столицы. Депутат М. Раковский, участник многочисленных марафонов во всем мире, занял 28 место, а в своей возрастной категории — третье место [6].

Наиболее активно в последние годы стороны реализовывались молодежные проекты. В 2009 г. состоялся визит студентов училища им. А. Суворова в г. Лодзь. Они встретились с мэром Ежи Кропивницким, который рассказывал им об истории города. Белорусы также навестили православного митрополита Семена и встретились со сверстниками из гимназии № 22.

В 2009 г. группа белорусских школьников приняла участие в работе летнего лагеря стипендиатов «Дело третьего тысячелетия». Летом этого же года в Лодзи прошел I Фестиваль молодежи городов-побратимов. В мероприятии участвовала молодежь из разных стран мира. Главной целью фестиваля было совместное создание альтернативных форм работы в области образования, ознакомление с культурными традициями и современными достижениями городов-побратимов, объединение молодых людей для ликвидации барьеров в отношениях между странами [6].

В 2010 г. состоялась II Встреча молодежи городов-побратимов при сотрудничестве с Независимой ассоциацией студентов. Ее темой стал поиск путей углубления межкультурного диалога двух стран посредством искусства. Молодежь из Польши, Беларуси, Грузии, Израиля, Франции и Литвы приняла участие в художественных, цирковых и хореографических мероприятиях. Состоялась также презентация культур городов-партнеров и произведений искусства, созданных самими участниками проекта.

Не менее активно развивается экономическое сотрудничество белорусских и польских городов. Оно представлено в формах участия в Международных выставках, визитами делегаций с целью обмена опытом и установления торговых связей. Так, в 2003 г. представители мэрии г. Лодзь приняли участие в Международной выставке «Белагра — 2003». Стороны обсудили возможности реализации экономической миссии лодзинских и белорусских фирм и провели семинар на тему расширения путей сотрудничества в этой сфере [1].

Немаловажное значение стороны придают развитию связей между представителями средств массовой информации. В 2003 г. в Лодзи прошла встреча журналистов городов-побратимов. С 2006 г. сотрудничество в данном направлении вышло на более высокий уровень, состоялся Международный съезд журналистов городов-побратимов [6].

Культурные связи двух городов представлены в формах выставок, музыкальных и танцевальных фестивалей. В значительной степени активность данного направления сотрудничества поддерживается деятельностью культурных центров — Польского института и Культурного центра Беларуси в Польше. Ежегодно в Музее кинематографии в Лодзи

проходят выставки работ белорусских художников. В 2009 г. Рита и Сергей Цимохавы представили свои произведения на выставке «Живопись, графика». В 2011 г. состоялся вернисаж выставки известного художника, графика, дизайнера и иллюстратора из Минска Сергея Стельмашонка «Необычные коты».

Среди музыкальных событий следует упомянуть Международный просмотр музыкальных театров для людей с ограниченными возможностями. В 2009 г. состоялся уже III Международный просмотр «Лодзь — 2009», организованный Товариществом музыкально-театральной активизации инвалидов при сотрудничестве с городским управлением Лодзи, в котором принимал участие также коллектив из Минска.

Танцевальные коллективы из Минска принимают постоянное участие в проводимых в Лодзи конкурсах и фестивалях. В 2010 г. прошел III Международный фестиваль танца в Лодзи, организованный Агентством Импрессарио *IGO-ART* и Управлением города Лодзь, в котором участвовала группа танцоров из танцевального коллектива «Чабарок» [6].

Таким образом, на современном этапе города являются полноценными участниками межгосударственного сотрудничества. Активная деятельность международных организаций в этой сфере свидетельствует о необходимости и значимости развития такого рода связей в международном масштабе. По сути города выполняют важную функцию в формировании позитивного имиджа страны за рубежом. Особая нагрузка ложится на столицы государств.

Одной из форм сотрудничества городов является установление побратимских связей. Именно эти отношения наиболее эффективно развиваются между городами Беларуси и Польши. Анализ сотрудничества Минска и Лодзи свидетельствует, прежде всего, о заинтересованности сторон в его углублении.

Представленные направления далеко не исчерпывают весь потенциал возможных связей. Как показывает опыт, сотрудничество на уровне местных властей является мобильным и как следствие более эффективным. К мероприятиям привлекаются широкие слои населения, общественные организации, частные структуры. Побратимские связи городов Беларуси и Польши являются фундаментом для разрушения существующих барьеров между двумя странами, платформой для развития прочного добрососедского сотрудничества в различных областях.

Литература

1. Города, породненные с г. Минском [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Минского горисполкома. — Режим доступа: <<http://minsk.gov.by/ru/org/8710/attach/ddec021/>>. — Дата доступа: 05.06.2012.

2. Договор о сотрудничестве между г. Лодзь (Республика Польша) и г. Минск (Республика Беларусь) от 18 января 1992 г. [Электронный ресурс] // Urząd Miasta Łodzi. — Режим доступа: <http://bip.uml.lodz.pl/_plik.php?id=16532>. — Дата доступа: 25.05.2012.

3. Международная ассоциация «Породненные города» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://goroda-pobratimyu.ru/>>. — Дата доступа: 20.05.2012.
4. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 20 февр. 1991 г. № 617-ХП [Электронный ресурс] // Белорусский правовой портал. — Режим доступа: <<http://pravoby.info/docum09/part36/akt36270/page3.htm>>. — Дата доступа: 25.05.2012.
5. Coventry—Волгоград 1941—2005 [Электронный ресурс] // Институт филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета. — Режим доступа: <<http://lingva.volsu.ru/partner/coventry/pobratim.htm>>. — Дата доступа: 10.06.2012.
6. Mińsk [Electronic resource]. Urząd Miasta Łodzi. — Mode of access: <http://www.uml.lodz.pl/samorzad/miasta_partnerskie_lodzi/minsk/>. — Date of access: 12.06.2012.
7. Moran, C. M. Era of cooperation for cities / C. M. Moran. — New York, 1945.
8. Sister Cities International [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://www.sister-cities.org>>. — Date of access: 02.06.2012.
9. United Cities and Local Governments (UCLG) [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://www.cities-localgovernments.org>>. — Date of access: 05.06.2012.

СТАНОВІШЧА ПАЛЯКАЎ У БССР У 1944—1990 гг. У КАНТЭКСЦЕ АЖЫЦЦЯЎЛЕННЯ ДЗЯРЖАЎНАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ПАЛІТЫКІ

Валянцін Мазец, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Дзяржаўная нацыянальная палітыка, якая ажыццяўлялася ў БССР у пасляваенныя дзесяцігоддзі і мела на мэце «інтэрнацыяналізацыю» грамадска-палітычнага жыцця, зрабіла істотны ўплыў на становішча літаральна ўсіх этнічных супольнасцяў, якія спрадвеку пражывалі на беларускіх землях.

Яшчэ не паспела закончыцца вайна, як «польскае пытанне» апынулася ў полі зроку партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР. Адным напрамкам нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі на працягу 1944—1953 гг. была барацьба супраць польскага нацыяналізму на тэрыторыі БССР, перш за ўсё ў заходніх абласцях. Барацьба гэтая прымала ў залежнасці ад абставін розныя формы, але галоўнай мэтай яе павінна было стаць канчатковае вырашэнне «польскага пытання». Менавіта наяўнасць адносна вялікай колькасці палякаў у заходніх абласцях БССР уяўлялася адной з галоўных перашкодаў для партыйна-савецкіх органаў на шляху ўніфікацыі нацыянальнага жыцця на гэтай тэрыторыі. У параўнанні з перадаеным перыядам колькасць палякаў у Заходняй Беларусі ў 1944 г. амаль не змянілася. Так, напрыклад, на тэрыторыі Беластоцкай вобласці, паводле ўліку насельніцтва, праведзенага ў 1944 г., пражывалі 821 892 палякі, 127 361 беларус, 2738 літоўцаў 421 яўрэй, 281 украінец і 783 асобы іншых нацыянальнасцей [3, с. 26]. Акрамя таго, калі ў пачатку 1944 г. на тэрыторыі Беларусі дзейнічала 10 партызанскіх атрадаў Арміі Краёвай з агульнай колькасцю 1266 чалавек, то вясной 1944г. на тэрыторыі толькі Навагрудскае акругі ў 5 вайсковых злучэннях Арміі Краёвай налічвалася каля 7 тыс. чалавек. Летам 1944 года асобныя атрады АК разам з Чырвонай Арміяй прымалі ўдзел у вызваленні ад фашыстаў Вільні і Львова. Пасля вызвалення ад фашыстаў тэрыторыі Заходняй Беларусі частка атрадаў Арміі Краёвай была абяззброена органамі НКУС, а салдаты і афіцэры — інтэрніраваны [1, с. 150—156].

Адным са спосабаў вырашэння «польскага пытання», на нашу думку, была перадача Польшчы часткі тэрыторыі Заходняй Беларусі, населенай пераважна палякамі. Выступаючы на 6-й сесіі Вярхоўнага Савета БССР, старшыня прэзідыума Н. Наталевіч у сакавіку 1944 г. упершыню афіцыйна заявіў пра магчымасць перадачы Польшчы часткі Беластоцкай вобласці [20, с. 11]. У другой палове 1944 г. пачалося перасяленне з Беларусі ў Польшчу палякаў, «паколькі лічылася, што яны з'яўляюцца небяспечнай сацыяльнай базай для ўзнікнення антысавецкіх выступленняў» [8, с. 237]. Паводле міжнароднай дамоўленасці ад 16 жніўня 1945 г. паміж Польшчай і СССР, ПНР былі перададзены

7 раёнаў Беларускай вобласці разам з Беларускай і 3 раёны Брэсцкай вобласці. Праводзіўся абмен насельніцтвам паміж СССР і Польшчай. Згодна з падлікамі, праведзенымі Анатолям Вялікім на аснове архіўных дадзеных, на момант фактычнага заканчэння перасялення (чэрвень 1946 г.) зарэгістравалася на выезд у польскіх райпрадстаўніцтвах 545 284, а выехала 241 152 палякі ці тыя, хто назваў сябе палякам.

У пастанове ЦК ВКП(б) «Аб палітычнай працы партыйных арганізацый сярод насельніцтва заходніх абласцей БССР» ад 20 студзеня 1945 г., у якасці адной з галоўных задач падкрэслівалася неабходнасць пераўтварыць тых, хто выязджаў ў Польшчу, у прыхільнікаў «палітыкі сяброўскіх адносін паміж Польшчай і Савецкім Саюзам» [8, с. 261]. Дадзеная пастанова, паводле меркавання даследчыка Анатоля Вялікага, «вызначыла стратэгію паводзін КП(б)Б адносна палякаў амаль да канца 1940-х гг» і ставіла задачу «выцяснення ўсяго польскага з духоўнага, культурнага, рэлігійнага жыцця палякаў» [2, с. 293].

На пленуме ЦК КП(б)Б, які адбыўся ў лютым 1945 г., значнае месца адводзілася пытанню працы партыйных арганізацый заходніх абласцей Беларусі сярод польскага насельніцтва. У пастанове пленума адзначалася, што ў «заходніх абласцях арудуюць агенты лонданскага эмігранцкага ўраду, якія распальваюць антысавецкія і нацыяналістычныя настроі сярод польскага насельніцтва, арганізуюць банды з палякаў», аднак нягледзячы на гэта «недастаткова выкрываюцца сродкамі вуснай і друкаванай прапаганды польска-фашысцкія нацыяналісты як здраднікі інтарэсаў польскага народа» [5, с. 500, 511].

Разам з тым, нягледзячы на праведзеныя перасяленні насельніцтва, колькасць палякаў, або тых, хто лічыў сябе палякам, не змяншалася, а наадварот, павялічвалася. Гэтая тэндэнцыя была характэрная для Астравецкага, Ашмянскага, Свірскага і іншых раёнаў Маладзечанскай вобласці, Васішкаўскага, Сапоцкінскага, Радуньскага, Лідскага і інш. раёнаў Гродзенскай вобласці, у якіх, паводле дадзеных мясцовага ўліку, колькасць людзей, якія называлі сябе палякамі, за 1945—1947 гг. істотна вырасла, нягледзячы на тое што фактычная колькасць польскага насельніцтва ў выніку рэпатрыяцыі яго ў Польшчу ў адпаведнасці з заключаным паміж СССР і Польскай рэспублікай, значна паменшылася.

Так, напрыклад, у Вярбілавіцкім сельсавеце Шчучынскага раёна Гродзенскай вобласці ў 1941 г. налічвалася 2263 беларусы і 95 палякаў. У 1945 г. у Вярбілавіцкім сельсавеце было 1603 беларусы і 479 палякаў, а ў 1947 — 111 беларусаў і 2071 паляк [8, арк. 37]. Такі значны рост колькасці палякаў, як паказала праверка, адбыўся за кошт беларусаў каталіцкага веравызнання. Больш 41,5 % насельніцтва тагачаснай Маладзечанскай вобласці складалі асобы рымска-каталіцкага веравызнання, значная частка якіх пры правядзенні апытанняў называлі сябе палякамі.

Паводле меркавання тагачаснага першага сакратара ЦК КП(б)Б М. Гусарава, прычынаю такой тэндэнцыі была «дзейнасць польскага каталіцкага духавенства ў заходніх абласцях БССР», якія імкнуліся ўзяць пад свой уплыў дзяцей і моладзь «як непасрэдна, так і праз бацькоў і тых настаўнікаў, якія выхаваныя ў духу польскага нацыяналізму і рэлігійнай ідэалогіі» [8, арк. 28].

У аналітычнай запісцы, накіраванай у 1947 г. на імя сакратара ЦК УКП(б) А. Жданава М. Гусараў адзначаў, што «польскае каталіцкае духавенства ўзмацніла сваю дзейнасць па далейшаму апалячванню і акаталічванню дарослага беларускага насельніцтва, а пад уплывам прапаганды каталіцкага духавенства некаторая частка беларусаў-каталікоў пасля вайны пачала заяўляць пра тое, што яны належаць да польскай нацыянальнасці, нават у тым выпадку, «калі яны зусім не ўмеюць ні чытаць, ні пісаць па-польску» [8, арк. 37].

У чарговы раз «польскае пытанне» ўздымалася на Пленуме ЦК КП(б)Б 3—6 чэрвеня 1947 г., які разгледзеў пытанне «Пра стан і меры паляпшэння партыйна-арганізацыйнай і палітычнай працы ў арганізацыях КП(б) Беларусі». У шэрагу пунктаў пастановы Пленума, якія датычыліся партыйна-палітычнай работы ў заходніх абласцях, прапаноўвалася: арганізаваць работу па марксісцка-ленінскаму выхаванню інтэлігенцыі; да восені 1947 г. стварыць шырокую сетку вечаровых і нядзельных агульнаадукацыйных школ на беларускай мове. Пленум ЦК КП(б)Б палічыў памылковым, што «некаторыя партыйныя і савецкія органы, асабліва Гродзенскай вобласці, не вядуць палітычнай работы сярод насельніцтва, якое размаўляе на польскай мове, і, ў асаблівасці, сярод насельніцтва польскай нацыянальнасці», а таксама абавязаў «партыйныя арганізацыі заходніх абласцей павысіць бальшавіцкую пільнасць і нястомна весці работу па выкрыцці і ліквідацыі нацыяналістаў усіх масцей як злейшых ворагаў народа...» [7, с. 182].

Акрамя таго, адбываўся працэс скарачэння колькасці польскіх школ. Так, калі ў 1944/45 н. г. на польскай мове працавала 114 школ, то 1945/46 н. г. — 42, а ў 1946/1947 н. г. засталася толькі 22 польскія школы [8, с. 333]. Але і нават гэтыя 22 польскія школы, як і «польскае пытанне» у цэлым, не давалі спакою партыйнаму кіраўніцтву рэспублікі. Партыйнае кіраўніцтва рэспублікі палічыла «неабходным давесці да ведама ЦК ВКП(б) пра факты рэакцыйнай антысавецкай дзейнасці польскага каталіцкага духавенства ў заходніх абласцях БССР» [9, арк. 27]. Выказвалася занепакоенасць, што з 552 ксяндзоў, што выказалі жаданне выехаць у Польшчу, выехала толькі 306. Святароў абвінавачвалі ў тым, што яны імкнуліся ўзяць пад свой уплыў дзяцей і моладзь «як непасрэдна, так і праз бацькоў і тых настаўнікаў, якія выхаваныя ў духу польскага нацыяналізму і рэлігійнай ідэалогіі.» [9, арк. 28]. У запісцы падкрэслівалася, што ў многіх прыходах навучэнцы школ на чале з настаўнікамі калектыўна наведваюць касцёлы, дзе ксяндзы выкладаюць ім польскую мову і «прывіваюць дзецям нацыяналістычныя антысавецкія погляды».

У дакладной запісцы «Пра стан і меры па паляпшэнні палітычнай працы сярод апалячанага беларускага насельніцтва і насельніцтва польскай нацыянальнасці ў заходніх абласцях БССР» М. Гусараў выказаў заклапочанасць, што «колькасць людзей, якія называюць сябе палякамі за апошнія тры гады прыкметна вырасла, нягледзячы на тое, што фактычная колькасць польскага насельніцтва, у выніку рэпатрыяцыі яго ў Польшчу, значна зменшылася» [9, арк. 39]. Ён таксама адзначыў, што «сур'ёзныя цяжкасці сустракаюцца ў арганізацыі сістэмы народнай адукацыі», звязаныя з працаю 22-х польскіх школ. Падкрэслівалася, што ў рэспубліцы няма ні падручнікаў, ні кадраў настаўнікаў, здольных весці навучанне на польскай мове. Польскім настаўнікам, якія засталіся працаваць, улады не давяралі, так як яны атрымалі «адукацыю і выхаванне ў навучальных установах панскай Польшчы, не хочуць і не здольныя у сваёй большасці весці выхаванне навучэнцаў у савецкім духу...» [9, арк. 40]. М. Гусараў выказаў сумненне ў неабходнасці далейшага існавання польскіх школ, але баяўся, што адначасовае закрыццё гэтых школ можа выклікаць негатыўны рэзананс з боку польскай грамадскай. Ён просіць ЦК ВКП(б) санкцыянаваць паступовае пераўтварэнне польскіх школ ў беларускія і рускія школы, «шляхам замены ненадзейных і некваліфікаваных выкладчыкаў палякаў падрыхтаванымі і праверанымі выкладчыкамі — рускімі і беларусамі.» М. Гусараў падкрэсліваў, што «адсутнасць падручнікаў на польскай мове, адсутнасць сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў, у якіх выкладанне праводзілася б на польскай мове, рабілі польскія школы бесперспектыўнымі, што пачынаюць усведамляць і самі бацькі.» Ён прапаноўваў замест ліквідаваных польскіх школ ствараць рускія, матывуючы гэта тым, «што насельніцтва ў заходніх абласцях, асабліва ў гарадах і мястэчках, цягнецца да рускіх школ» [9, арк. 42—43]. Да пачатку 1950-х гг. праблема польскіх школ была вырашана канчаткова — іх не засталася ніводнай.

Разам з тым, палякі, якія жылі ў Гродзенскай вобласці, ўзнімалі пытанне пра магчымасць адкрыцця школаў на роднай мове. Так у сваім звароце, накіраваным у Савет Міністраў СССР, «грамадзяне каталіцкай нацыянальнасці Ракаўскага сельсавета Радашковіцкага раёна», патрабуючы вярнуць вернікам будынак Ракаўскага касцёла, разам з тым заяўлялі, што ў адпаведнасці з артыкуламі Канстытуцыі СССР «грамадзяне маюць права на адукацыю на роднай мове, а ў нас гэтае права забранае». У ліку пытанняў, якія часцей за ўсё задавалі лектарам Гродзенскай вобласці ў 1973 г., было пытанне: «Чаму ў Гродна няма польскіх школ?». Пры гэтым падкрэслівалася, што такое пытанне з'яўлялася тыповым для ўсіх раёнаў вобласці [11, арк.40]. І толькі ў 1987 г. Міністэрства асветы БССР разгледзела пытанне пра магчымасць вывучэння польскай мовы ў шэрагу агульнаадукацыйных школ рэспублікі і накіравала адпаведную інфармацыю ў ЦК КПБ і Савет Міністраў БССР [14, арк. 252].

Паводле меркавання шэрагу даследчыкаў, каталіцкі клір на Беларусі знаходзіўся на працягу разглядаемага перыяду пад уплывам польскага каталіцкага епіскапату і меў яскрава выражаную прапольскую арыентацыю, што пэўным чынам адпавядала распаўсюджанай тэндэнцыі атажсамлення этнічнай і рэлігійнай прыналежнасці: каталік, значыць паляк [19, с. 10]. Грунтавалася гэтае меркаванне на тым, што ў пераважнай большасці выпадкаў набажэнствы ў касцёлах праводзіліся на польскай мове, з Польшчы паступалі рэлігійная літаратура і фінансавыя сродкі. Атажсамленне этнічнай і рэлігійнай прыналежнасці прасочваецца ў шэрагу заяваў, якія падавалі ў другой палове 50-х гг. ХХ ст. вернікі каталіцкага веравызнання ў розныя інстанцыі, дабіваючы задавальнення сваіх рэлігійных патрэб. Так, у пісьме жыхаркі вёскі Азярцы Талочынскага раёна Ганны Станіславаўны Марынскай, накіраваным 8 жніўня 1957 г. на імя Старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР В. Казлова, адзначалася, што яна звяртаецца па даручэнню каля 400 «вернікаў па нацыянальнасці палякаў» [18, с. 70].

У лісце «Упаўнаважанаму па справах храмаў і царквы пры Саўміне БССР» ад 21 ліпеня 1958 г., вернікі, патрабуючы дазволу адчыніць адзін з 2-х храмаў у Мінску, падкрэслівалі: «Мы абшчына польскай нацыянальнасці, каталіцкага веравызнання...» [16, арк. 41—42]. Аналагічны характар меў зварот 4-х тысяч грамадзянаў Мастоўскага раёна Гродзенскай вобласці, якія патрабавалі ад мясцовых уладаў выканання гарантыванага Канстытуцыяй ССР артыкула пра свабоду сумлення. У іх звароце, у прыватнасці, адзначалася: «Мы людзі польскай нацыянальнасці. Па веравызнанню каталікі» [17, арк. 19]. Рост актыўнасці вернікаў, якія патрабавалі забеспячэння гарантываных канстытуцыяй правоў на свабоду веравызнання, даволі моцна непакоілі прадстаўнікоў партыйна-савецкіх органаў БССР. Пра гэта сведчыць «Даведка пра стан навукова-агэістычнай прапаганды сярод насельніцтва Гродзенскай вобласці». Паводле падлікаў, праведзеных лектарамі аддзела прапаганды і агітацыі ЦК КПБ(б), у 1958 г. у Гродзенскай вобласці налічвалася прыкладна 176 тыс. каталікоў-вернікаў. Дарэчы, дадзеная лічба крыху перавышала колькасць палякаў Гродзенскай вобласці, якія ў 1959 г. назвалі роднай польскую мову. (Паводле дадзеных перапісу каля 160 тыс. палякаў назвалі роднай мову сваёй нацыянальнасці) [10, арк. 31]. Асабліваю занепакоенасць у партыйных прапагандыстаў выклікаў намер ксяндза Навадворскага прыходу правесці перапіс грамадзян паводле іх рэлігійнага веравызнання: католікі або праваслаўныя. Гэты намер яны ахарактарызавалі як «своеасабліваю падрыхтоўку да Усесаюзнага перапісу насельніцтва, які мае на мэце даказаць, што католікаў, а значыць палякаў, пражывае ў заходніх абласцях больш, чым праваслаўных — беларусаў» [10, арк. 36]. Неабходна падкрэсліць, што на той момант, як і за ўсе папярэднія гады Савецкай улады якога-небудзь уліку колькасці насельніцтва паводле яго канфесійнай прыналежнасці не праводзілася [15, арк. 16].

Захаванне, нягледзячы на ажыццёўленыя партыйна-дзяржаўнымі органамі захады па ліквідацыі польскіх школ, адносна высокага ўзроўню этна-моўнай самасвядомасці палякаў, пра што засведчылі вынікі перапісу 1959 г., у адпаведнасці з якімі 261,8 тыс., або 44,5 % палякаў назвалі роднай мову сваёй нацыянальнасці, з’яўлялася перашкодай на шляху рэалізацыі партыйнай палітыкі, накіраванай на ліквідацыю нацыянальных адрозненняў. А так як непажаданую для сябе сітуацыю партыйныя органы звязвалі перш за ўсё з актыўнай дзейнасцю каталіцкага касцёла, то галоўныя высілкі былі скіраваныя на далейшае абмежаванне яго ўплыву ў рэспубліцы. Так, у снежні 1956 г. у сакрэтнай запісцы, накіраванай у ЦК КПСС, ЦК КПБ дабіваўся забароны на пражыванне ў памежных абласцях рэспублікі асобаў, што раней былі асуджаныя за антысавецкую дзейнасць. А менавіта большасць ксяндзоў у папярэднія гады былі арыштаваныя па гэтым артыкуле. Сваю прапанову партыйнае кіраўніцтва рэспублікі матывавала тым, што ксяндзы пасля вызвалення з месцаў зняволення па-ранейшаму працягваюць антысавецкую дзейнасць, а таксама заклікаюць вернікаў вучыць сваіх дзяцей толькі на польскай мове [5, с. 278]. Не рэгіструючы вярнуўшыхся са зняволення святароў і пагражаючы чарговай ізаляцыяй, улады тым самым прымушалі іх выязджаць з Беларусі. Паводле падлікаў У. І. Навіцкага, за 1955—1959 гг. з Беларусі выехала каля 30 ксяндзоў [5, с. 281]. Гэта ў сваю чаргу прыводзіла да значнага скарачэння колькасці парафій, ліквідацыі рэлігійных аб’яднанняў. Калі ў 1955 г. у БССР дзейнічалі 152 касцёлы, то да 1 студзеня 1965 г. засталася толькі 90 парафій са служыцелямі культуры і 39 — без ксяндзоў [5, с. 255; 16, арк. 84].

Разам з тым, нягледзячы на рэпрэсіўныя захады, уплыў каталіцкіх святароў на паству не зніжаўся. Гэта было ў значнай ступені абумоўлена тым, што, як адзначалася ў справаздачы ўпаўнаважанага Савета па справах рэлігій пры Савеце Міністраў СССР па БССР за 1971 год: «найбольш падрыхтаванымі служыцелямі культуры ў Беларусі з’яўляюцца ксяндзы, сярод якіх 45 маюць сярэдняю і 20 — вышэйшую духоўную адукацыю, у тым ліку 3 магістры і 1 кандыдат багаслоўя» [12, арк. 132]. Пры гэтым, «пад уплывам польскага епіскапату многія ксяндзы Беларусі, акрамя распальвання рэлігійнага фанатызма, падаграваюць нацыяналістычныя пачуцці каталікоў. Іх пастаянна пераконвалі ў тым што: «Калі ты католік — значыць паляк». У час правядзення Усесаюзнага перапісу 1970 г. «некаторыя ксяндзы заклікалі сваіх парафіянаў-вернікаў, каб яны запісалі сабе польскую нацыянальнасць». У выніку, напрыклад у Воранаўскім раёне, іх заклік быў падтрыманы 84 % насельніцтва» [14, арк. 156].

На працягу 1959—1989 гг. у БССР адбылося скарачэнне колькасці палякаў на 121 161 чалавек, а іх удзельнай вагі — на 2,6 %. Пры гэтым самае прыкметнае памяншэнне колькасці прадстаўнікоў гэтай этнічнай супольнасці ў рэспубліцы — на 156,3 тыс. чалавек — назіралася на працягу 1959—1970 гг. Калі ўлічыць той факт, што на працягу гэтага пе-

рыяду ніякіх масавых перасяленняў палякаў за межы БССР не адбывалася, то прычыны гэтай з’явы можна растлумачыць паступовым зніжэннем колькасці тых, для каго польская мова была роднай. Так, калі ў 1959 г. 44,5 % палякаў назвалі роднай мову сваёй нацыянальнасці, то ў 1970 г. — толькі 13,1 %. Як сведчаць вынікі перапісаў 1959 і 1970 гг., удзельная вага палякаў, якія з роднай беларускай мовай павялічылася з 47,2 да 76,4 %, а з роднай рускай мовай — з 4 да 10,4 %. Такія ж працэсы адбываліся і ў наступнае дзесяцігоддзе. Рост моўнай асіміляцыі палякаў, пераважна ў форме русіфікацыі супадаў з агульнай тэндэнцыяй нарастання тэмпаў гэтай з’явы ў рэспубліцы.

Перыяд 1979—1989 гг. характарызуецца ростам колькасці палякаў, якія назвалі роднай мову сваёй нацыянальнасці пры адначасовым павелічэнні колькасці тых, хто назваў роднай рускую мову. Рост моўна-этнічнай самасвядомасці быў абумоўлены шэраг фактараў. Па-першае, у кастрычніку 1978 г. кракаўскі архіепіскап, кардынал Кароль Вайтыла быў абраны на пасаду папы пад імем Яна Паўла II. Наведаўшы сваю радзіму з пастырскім візітам у чэрвені 1979 г., ён падкрэсліў: «Без Хрыста немагчыма зразумець гэты народ» [3, с. 338]. Пад уплывам гэтай важнай для палякаў падзеі ў пачатку 1980-х гг. на Гарадзеншчыне актывізавалася дзейнасць польскіх місіянерскіх арганізацый, якія дзейнічалі пад патранажам Каталіцкай царквы. Акрамя гэтага, шмат рэлігійнай інфармацыі паступала на Гродзеншчыну дзякуючы перадачам польскага радыё і тэлебачання і радыё Ватыкана. Так, у кастрычніку 1982 г. польскія радыё і тэлебачанне наладзілі трансляцыю перадачы з Ватыкана пра кананізацыю былога манаха Гродзенскага Францысканскага манастыра Максіміліяна Кольбе, які загінуў у Асвенцыме. У сувязі з гэтай падзеяй у касцёлах Гродна былі праведзеныя ўрачыстыя богаслужэнні [21, с. 103]. Па-другое, пэўны ўплыў на рост самасвядомасці палякаў у БССР зрабіла арганізаваная ў 1980 г. ў Гданьску «Салідарнасць», якая разгарнула сваё змаганне за дэмакратызацыю Польшчы і дзейнічала пры непасрэднай падтрымцы з боку Касцёла.

На аснове даследавання, праведзенага Інстытутам філасофіі і права Акадэміі навук Беларусі ў 1986—1987 гг. яго супрацоўнікамі была зроблена выснова пра тое, што каталікі свядома разглядаюць каталіцкую веру як выяўленне польскага нацыянальнага духу і прыналежнасці да польскай нацыі і ў якасці сродку падтрымання нацыянальных звычаяў у побыце [19, с. 10].

Такім чынам, аналіз уплыву нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі на становішча польскай этнічнай супольнасці ў БССР на працягу разглядаемага перыяду дае падставы зрабіць наступныя высновы.

Ужо ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе адбылася ліквідацыя польскіх школ і тым самым палякі былі пазбаўлены магчымасці атрымоўваць адукацыю на роднай мове. Нягледзячы на адсутнасць школаў, тым не менш не адбылося поўнай моўнай асіміляцыі палякаў.

Нацыянальна-культурнае жыццё палякаў ад пачатку 1950-х да сярэдзіны 1980-х гг. фактычна было абмежавана рамкамі рэлігійнай сферы, калі не лічыць дзён польскай культуры, што праводзіліся ў 1958, 1964, 1972 і 1976 г. Але, праходзілі яны «фармалізавана і па загадзеных складзеных планах» і пад пільным кантролем з боку партыйных органаў [2. с. 296], а таму не маглі зрабіць істотнага ўплыву на ўзровень самасвядомасці палякаў у БССР.

Разам з тым і рэлігійная сфера зведала адчувальны ўціск з боку ўладаў, якія імкнуліся зліквідаваць і гэты асяродак падтрымання палітычнай свабоды ў БССР.

Літаратура

1. Внутренние войска МВД Рэспублікі Беларусь. История и современность / А. М. Литвин [і др.]; под общ. ред. В. Г. Рожнева. — Минск, 2006.
2. Вялікі, А. Ф. Палякі ў Савецкай Беларусі: «Дваістыя стандарты» нацыянальнай палітыкі КПБ (1944—1991 гг.) / А. Ф. Вялікі // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы навук. канф., Минск, 6—7 снежня 2001 г. — Минск: Дэполіс, 2001.
3. Дыбковская, А. История Польши с древнейших времён до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. — Варшава, 1995.
4. Злотнікаў, А. Міграцыйныя працэсы ў Беларусі ў канцы XIX—XX ст. / А. Злотнікаў. Беларускі гістарычны часопіс, 2004, №11.
5. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII — XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У. І. Навіцкі. — Минск: Экаперспектыва, 1998.
6. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 3. 1933—1945. — Минск, 1985
7. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 4. 1945—1945. — Минск, 1986
8. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі. / Л. Лыч, У. Навіцкі — Минск: Экаперспектыва, 1996.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НА РБ). — Ф. 4п. — Воп. 29. — Спр. 543.
10. НАРБ. — Ф. 4п. — Воп. 47. — Спр. 466.
11. НАРБ. — Ф. 4п. — Воп. 47. — Спр. 624.
12. НАРБ. — Ф. 4п. — Воп. 62. — Спр. 783.
13. НАРБ. — Ф. 4п. — Воп. 62. — Спр. 801
14. НАРБ. — Ф. 42. — Воп. 7. — Спр. 2630.
15. НАРБ. — Ф. 952. — Воп. 3. — Спр. 6.
16. НАРБ. — Ф. 952. — Воп. 3. — Спр. 14.
17. НАРБ. — Ф. 952. — Воп. 3. — Спр. 20.
18. Нацыянальныя меншасці Беларусі: Тэматычны зб. навук. прац. Кн. 1. «Канцэптуальныя пытанні развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі» / навук. рэд. С. А. Яцкевіч. — Брэст; Мінск; Віцебск, 1996.
19. Нацыянальныя меншасці Беларусі: Тэматычны зб. навук. прац. Кн. 3. «Актуальныя праблемы нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі» / навук. рэд. С. А. Яцкевіч. — Брэст; Мінск, 1996.
20. Снапкоўскі, У. Міжнародныя аспекты вызначэння савецка-польскай мяжы ў 1943—1945 гг. / У. Снапкоўскі // Беларус. гіст. часопіс. — 1994. — № 3.
21. Ярмусик, Э. С. Римско-католический костёл на Гродненщине: время перемен (80—90-е годы XX века) / Э. С. Ярмусик // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. проф. У. Д. Розенфельда. — Гродно: ГрГУ, 2001.

АБ ПАТЭРНАЛІЗМЕ І ЎТЫЛІТАРНАСЦІ ПАЛІТЫКІ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ Ў ДАЧЫНЕННІ ДЫЯСПАРЫ СУАЙЧЫННІКАЎ У ПОЛЬШЧЫ

*Георгій Міхалькевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Святлана Самкова, аспірантка,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт*

Спецыялісты звычайна вылучаюць тры мадэлі дзяржаўнай дыяспаральнай палітыкі: рэпатрыяцыйную, патэрналісцкую і ўтылітарную (ці прагматычную). Рэпатрыяцыйная палітыка прадугледжвае спрыянне вяртанню суайчыннікаў на этнічную радзіму. Дзяржаўны патэрналізм накіраваны на абарону палітычных, сацыяльна-эканамічных правоў дыяспары, захаванне яе культурнай, моўнай, рэлігійнай тоеснасці. Пры ўтылітарным падыходзе згуртаванні суайчыннікаў за мяжой разглядаюцца ў якасці інструмента знешняй палітыкі дзеля выкарыстання іх патэнцыялу ў прасоўванні палітычных і эканамічных інтарэсаў краіны паходжання, развіцці двухбаковых адносін, пашырэнні культурнай прысутнасці ў свеце [1, с. 10—11].

Зразумела, такое падзяленне носіць дастаткова ўмоўны характар, на самой справе палітычная практыка можа спалучаць элементы некалькіх мадэляў. Да таго ж выбар стратэгіі ўзаемадзеяння з суайчыннікамі можа быць абумоўлены шэрагам геапалітычных фактараў. І нават калі дыяспары не здольныя выступаць у якасці паўнаважных актараў міжнародных адносін, то іх роля ў спрыянні сувязям між краінамі відавочная.

Для палітыкі беларускай дзяржавы ў дачыненні суайчыннікаў, якія пражываюць ў Польшчы, на наш погляд, найбольш пасуе разумны баланс патэрналізму і ўтылітарнасці. Зрэшты, менавіта такі падыход і пакладзены ў аснову сучаснай дыяспаральнай палітычнай практыкі Беларусі, зарыентаванай на суседнюю краіну. (Удакладнім, дзяржаўная міграцыйная палітыка Рэспублікі Беларусь уключае і аблегчаныя магчымасці рэпатрыяцыі суайчыннікаў з замежжа — маецца на ўвазе спрошчаная працэдура пераходу ў грамадзянства нашай краіны для беларусаў, а таксама асоб, якія ідэнтыфікуюць сябе, як беларусы, і іх нашчадкаў (кроўных сваякоў па прамой лініі: дзяцей, унукаў, праўнукаў), якія нарадзіліся за межамі сучаснай тэрыторыі Рэспублікі Беларусь [2]. Аднак, такая магчымасць не карыстаецца попыткам у нашых суродзічаў з Польшчы.)

Пры гэтым падкрэслім, што польскі накірунак карыстаецца асаблівай увагай адпаведных дзяржаўных устаноў. У прыватнасці, беларускім урадам была рэалізавана спецыяльная праграма супрацоўніцтва з беларускай меншасцю ў Польшчы пад назвай «Беларусы ў Польшчы ў 2005—2010 гадах». Па меркаванні Паўла Латушкі — былога пасла ў

Польшчы і аднаго з ініцыятараў падрыхтоўкі азначанай праграмы — галоўная мэта дакумента «дапамога і развіццё ды ўзаемнае карыснае супрацоўніцтва Беларусі і беларускай меншасці ў Польшчы, якія маюць служыць фармаванню «добрасуседскай паласы» вакол Беларусі і захаванню тоеснасці беларускай меншасці» [3]. Іншымі словамі, дыспара суайчыннікаў у дадзеным выпадку разглядаецца не толькі ў якасці аб'екта, але і як патэнцыяльны суб'ект сучаснага палітычнага працэсу.

Распрацавала Праграму Міністэрства замежных спраў Беларусі пры ўдзеле ведамстваў культуры, адукацыі, інфармацыі, эканомікі, гандлю, Камітэта па справах рэлігій і нацыянальнасцей, Нацыянальнай акадэміі навук і інш. Сродкі ў сувязі з канкрэтнымі мерапрыемствамі выдзяляліся з бюджэтаў адпаведных міністэрстваў і ведамстваў, абласных выканаўчых камітэтаў і прадпрыемстваў. Праграма была скіравана на падтрымку беларусаў у захаванні нацыянальнай і культурнай самабытнасці, спрыянне нацыянальнай адукацыі на беларускай мове, супрацоўніцтва навуковых устаноў, якія займаюцца беларускай мовай і арганізацыю курсаў павышэння кваліфікацыі настаўнікаў з Польшчы, якія навучаюць беларускай мове, падтрымку супрацоўніцтва з прадпрымальнікамі беларускага паходжання і інш. Сімвалічна, што сярод шматлікіх мерапрыемстваў Праграмы — адкрыццё менавіта ў Польшчы першага Беларускага культурнага цэнтра за мяжой [3].

На жаль, паколькі азначаная праграма мела статус дакумента для службовага карыстання і не была размешчана ў адкрытым друку, матэрыялы аб яе выкананні таксама вельмі скупыя, часта носяць дастаткова агульны характар.

На сённяшні дзень дзяржаўная палітыка ў адносінах да суайчыннікаў, якія пражываюць у Польшчы, рэалізуецца ў адпаведнасці з Праграмай развіцця канфесійнай сферы, нацыянальных адносін і супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой на 2011—2015 гады, распрацаванай апаратам Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцяў і ўзгодненай Радай Міністраў Рэспублікі Беларусь. Адзначым, што для ажыццяўлення праграмы ёсць адпаведная прававая база, у прыватнасці, Дагавор паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча аб добрасуседстве і супрацоўніцтве ад 23 чэрвеня 1992 г. і шэраг іншых міжуродавых і міжведамасных пагадненняў (Дэкларацыя Урада Рэспублікі Беларусь і Рэспублікі Польшча аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, навукі і адукацыі ад 18 лістапада 1992 г.; Пагадненні паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Польшча аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, навукі і адукацыі ад 27 лістапада 1995 г. і аб прызнанні эквівалентнасці ў вышэйшай адукацыі, раўназначнасці вучоных ступеняў і ступеняў у галіне мастацтва ад 28 красавіка 2005 г.; Пагадненне аб супрацоўніцтве паміж Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь і Міністэрствам нацыянальнай адукацыі і спорту Рэспублікі Польшча ад 28 красавіка 2005 г.).

Праграма развіцця канфесійнай сферы, нацыянальных адносін і супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой на 2011—2015 гады складаецца з трох частак. Асобная частка дадзенай праграмы (трэцяя) прысвечана менавіта арганізацыі ўзаемавыгоднага супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой і ўключае план адпаведных мерапрыемстваў [4]. На падставе аналізу дадзенай Праграмы, можна вызначыць наступныя асноўныя мэты дзяржаўнай дыяспаральнай палітыкі Беларусі ў адносінах да суайчыннікаў у Польшчы:

1) аказанне падтрымкі ў захаванні і развіцці нацыянальна-культурнай самабытнасці польскіх беларусаў;

2) каардынацыя дзеянняў грамадскіх аб'яднанняў суайчыннікаў у рэалізацыі імі грамадзянскіх, сацыяльна-культурных і іншых правоў з улікам нормаў міжнароднага права і ўнутранага заканадаўства Рэспублікі Польшча;

3) аказанне садзейнічання для ўзаемавыгоднага эканамічнага супрацоўніцтва грамадскіх аб'яднанняў і суб'ектаў гаспадарання ў Польшчы з суб'ектамі гаспадарання ў Рэспубліцы Беларусь;

4) стварэнне эфектыўных механізмаў ўзаемавыгоднага супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з суайчыннікамі ў Польшчы, іх прыцягненне да ўдзелу ў рэалізацыі праграм сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця Рэспублікі Беларусь, а таксама ажыццяўленне комплексу мер па падтрымцы дзейнасці нацыянальна-культурных аб'яднанняў беларусаў у Польшчы.

Безумоўна, дадзеныя мэты адлюстроўваць спецыфіку дыспаральнай палітыкі Рэспублікі Беларусь у адносінах да суайчыннікаў у Польшчы, а менавіта спалучэнне элементаў патэрналізма і ўтылітарнасці.

Дзейнасць па рэалізацыі акрэсленых мэт ажыццяўляецца Міністэрствам замежных спраў і яго замежнымі ўстановамі, міністэрствамі культуры, інфармацыі, адукацыі, апаратам Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцяў, рэгіянальнымі і мясцовымі органамі дзяржаўнага кіравання, грамадскімі аб'яднаннямі Рэспублікі Беларусь.

Асобна трэба адзначыць створаны ў 2010 г. пры Міністэрстве культуры Кансультатыўны савет па справах беларусаў замежжа для каардынацыі сувязей і аказання дапамогі грамадскім арганізацыям беларускага замежжа з боку дзяржаўных органаў Беларусі. У склад Кансультатыўнага савета акрамя прадстаўнікоў дзяржаўных органаў і ведамстваў і некаторых грамадскіх аб'яднанняў (МГА «Згуртаванне беларусаў свету "Бацькаўшчына"» і Таварыства «Радзіма») ўвайшлі прадстаўнікі беларускіх суполак шэрагу краін, у тым ліку кіраўнікі найбольш уплывовых арганізацый беларусаў Польшчы [3].

Адным з найболей буйных і доўгатэрміновых праектаў ў садзейнічванні наладжванню ўзаемавыгодных кантактаў супрацоўніцтва адміністрацыйных рэгіёнаў рэспублікі са структурамі суайчыннікаў за

мяжой стаў праект «Адміністрацыйны рэгіён Беларусі — арганізацыя суайчыннікаў за мяжой». Асноўнай задачай дадзенага праекта з'яўляецца пабудова канструктыўных адносін з суайчыннікамі за мяжой пры дыферэнцыяваным падыходзе да кожнай пэўна ўзятай арганізацыі суайчыннікаў, выкарыстанне яе прадстаўніцкага і інфармацыйнага патэнцыялу ў інтарэсах Рэспублікі Беларусь з прадстаўленнем магчымасці арганізацыйным структурам дыяспары ажыццяўляць сваю дзейнасць, рэалізуючы праекты доўгатэрміновага супрацоўніцтва з адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі раёнамі-партнёрамі ў Беларусі [5].

Зацікаўленым у Беларусі, праект дае магчымасць не толькі падтрымкі суайчыннікаў, але і прадвіжэння інфармацыі пра свой адміністрацыйна-тэрытарыяльны раён, яго эканамічных і культурных інтарэсах у рэгіёны прысутнасці арганізацыі суайчыннікаў за мяжой, а парой і магчымасці прамога лабіравання сваіх інтарэсаў. Сведчанне таму аналіз справаздачы аб ўдзеле Віцебскай вобласці ў рэалізацыі праекта «Адміністрацыйны рэгіён Беларусі — арганізацыя суайчыннікаў за мяжой» у 2010 г. Справаздача дае ўяўленне аб маштабах супрацоўніцтва Браслаўскага раёна з таварыствам Браславыян з Варшавы. У прыватнасці, у 2010 г. былі праведзены наступныя мерапрыемствы:

- кіраўніцтва раёна аказвала дапамогу ў рэалізацыі праграмных заданняў для арганізацыі беларуска-польскага лагера «Браслаўскія ветразі — 2010»;

- ў фэсце традыцыйнай культуры «Браслаўскія паланіцы» прыняў удзел польскі народны калектыў «Перапёлка», а таксама дэлегацыя таварыства Браславыян са старшынёй Кіравання таварыства Браславыян у Варшаве Ўладзіславам Краўчуком;

- у Хаце польскай адбылася сустрэча творчага калектыва з юнымі браславыянамі, падчас якой былі выказаны намеры аб захаванні роднасных сувязяў, польскай мовы, гістарычнай і культурнай спадчыны, развіцця польскай мовы;

- па ініцыятыве кіравання ГА «СПБ» і дэлегацыі таварыства Браславыян з Варшавы, было арганізавана набажэнства на гарадскіх могілках горада Браслава, дзе пахаваны польскія салдаты;

- ў Хаце польскай прайшоў выступ групы скаўтаў з Польшчы і прадстаўнікоў мясцовай польскай дыяспары;

- кіраваннем ГА «СПБ» і таварыствам Браславыян праведзена канферэнцыя з дырэктарамі школ раёна, настаўнікамі польскай мовы. Вынікам канферэнцыі стала прыняцце праграмы сумеснай дзейнасці ў сферы адукацыі [5].

І гэта далёка не поўны пералік сумесных дзеянняў, адлюстраваных у згаданай справаздачы.

Апаратам Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцяў, Міністэрствам замежных спраў і замежнымі ўстановамі Беларусі, іншымі зацікаўленымі суб'ектамі аб'яднанні суайчыннікаў у Польшчы

і іх СМІ забеспячваюцца інфармацыяй пра сітуацыю ў палітычнай, эканамічнай, сацыяльнай, іншых сферах у Рэспубліцы Беларусь праз інтэрнэт-сайт *Belarus21.by*, радыёстанцыю «Беларусь» і спадарожнікавы тэлеканал «Беларусь ТБ», газету «Голас Радзімы». Рэгулярна праводзяцца розныя тэматычныя курсы і выставы. Так, на працягу апошніх некалькіх гадоў прадстаўнікі СМІ беларускай дыяспары Польшчы бяруць удзел у выставе «СМІ ў Беларусі». Традыцыйнымі сталі штогадовыя курсы для кіраўнікоў беларускіх творчых калектываў (самадзейных ансамбляў), ажыццяўляючых сваю дзейнасць па-за межамі нашай краіны, у якіх прадстаўнікі беларускай этнічнай меншасці, пражываючай у Польшчы, таксама сталыя ўдзельнікі [6].

Асабліваю ўвагу дзяржава надае супрацоўніцтву з беларускай нацыянальнай меншасцю, якая найбольш кампактна пражывае ў Падляскім ваяводстве Польшчы. Па просьбах суайчыннікаў сюды перадаюцца літаратура для школ з беларускай мовай навучання, нацыянальныя гарнітуры для дзіцячых і сталых творчых калектываў, музычныя прылады, аргтэхніка, відэазапісы пра гісторыка-культурную спадчыну, народныя абрады і сучаснае сацыяльна-эканамічнае жыццё Беларусі, літаратура пра Беларусь і кнігі беларускіх аўтараў. Гродзенскі аблвыканкам, да прыкладу, штогод выдзяляе фінансавыя сродкі для арганізацыі падпіскі на 30 перыядычных выданняў для Цэнтра беларускай культуры ў Гайнаўцы. Гродзенская абласная навуковая бібліятэка імя Карскага рэгулярна перадае мастацкую літаратуру беларускіх аўтараў Беларускаму грамадска-культурнаму аб'яднанню ў Польшчы і бібліятэцы музея і Цэнтра беларускай культуры ў Гайнаўцы [7]. Усё пералічанае можна разглядаць не толькі як маральную і матэрыяльную падтрымку суполак дыяспары, але і як папулярызацыю праз нашых суайчыннікаў за мяжой беларускай прадукцыі, пэўную інфармацыю пра сацыяльна-эканамічнае жыццё Беларусі.

Важнае значэнне мае непасрэдна ўдзел прадстаўнікоў дзяржаўнай улады ў мерапрыемствах, якія праводзяцца арганізацыямі суайчыннікаў, паколькі толькі шляхам непасрэднага ўзаемадзеяння, сустрэч, перагавораў, абмеркавання складаных пытанняў можна дасягнуць патрэбных вынікаў. Так, напрыклад, падчас камандзіроўкі начальніка аддзела па справах нацыянальнасцяў і прававой працы апарата Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцяў А. Л. Сасновіча у Беласток для ўдзелу ў заключных мерапрыемствах XVIII Усепольскага фэсту «Беларуская песня — 2011» адбылася сустрэча беларускай дэлегацыі з кіраўніцтвам Беларускага грамадска-культурнага таварыства Янам Сычэўскім і Валянцінай Ласкевіч. Былі абмеркаваныя пытанні далейшага ўзаемадзеяння таварыства з апаратам Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцяў. Прайшлі сустрэчы з Надзвычайным і Паўнамоцным Амбасадарам Рэспублікі Беларусь В. А. Гайсенкам, дырэктарам Культурнага цэнтра Рэспублікі Беларусь у

Рэспубліцы Польшча А. Ю. Каюкам. Былі дасягнуты дамоўленасці аб каардынацыі дзеянняў замежных устаноў Беларусі ў Польшчы з апаратам Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцяў па пытаннях аказання беларускай дыяспары дапамогі ў пытаннях захавання і развіцці гісторыка-культурнай спадчыны беларускага народа [8].

Адзначым, што традыцыйна за кошт сродкаў Міністэрства культуры для ўдзелу ў гала-канцэрце фесту накіроўваюцца лепшыя творчыя калектывы з Беларусі.

Непазбежна паўстае пытанне аб ступені эфектыўнасці ўсёй сукупнасці пералічаных вышэй мерапрыемстваў. Вядома, не усе яны дасягаюць сваіх мэт. Так, на нашу думку, патанцыял, якім валодае дыяспара суайчыннікаў у Польшчы, беларускай дзяржавай выкарыстоўваецца пакуль далёка ў непоўнай меры для пашырэння сваіх палітычных і эканамічных інтарэсаў на захадзе, для стварэння трывалага пазітыўнага міжнароднага іміджа, як адной з асноўных мэт дыяспаральнай палітыкі. Гэтаму замінала і замінае шэраг прычын. Адна з іх — складанае становішча ў асяродзі самой дыяспары беларусаў ў Польшчы. У лютым 2010 г. старшыня ўпраўлення Беларускага грамадска-культурнага таварыства ў Польшчы Ян Сычэўскі на пытанне карэспандэнта газеты «Гродзенская праўда» «якая ў вас галоўная мара?» прызнаўся «каб беларускае асяроддзе ў Польшчы аб'ядналася. На жаль, мы раз'яднаня як ніякая іншая меншасць у Польшчы» [9].

Зазначым, што беларусы раз'яднаня ў тым ліку і па іх палітычных сімпатыях. Зараз у Польшчы дзейнічаюць паўтара дзесятка грамадска-культурных аб'яднанняў. Згаданае вышэй Беларускае грамадска-культурнае таварыства (БГКТ) старэйшае з іх (створана ў 1956 г.) і найбольш масавае. Шматгадовая дзейнасць БГКТ накіравана найперш на развіццё беларускай нацыянальнай асветы і культуры, арганізацыю адпаведных мерапрыемстваў (фэсты, агляды фальклорных калектываў, агульнапольскі фестываль «Беларуская песня» і інш.), якія карыстаюцца вялікай папулярнасцю на Беласточчыне. Таварыства лічыцца арганізацыяй, лаяльнай палітыцы беларускай дзяржавы. Дарэчы, яго старшыня Ян Сычэўскі ўшанаваны медалем Францыска Скарыны.

Другое па колькасці аб'яднанне — Беларускі саюз (БС), у адрозненні ад БГКТ, больш палітызванае, дастаткова крытычна ставіцца да афіцыйнага Мінска. Яго старшыня Яўген Вапа адначасова з'яўляецца старшынёй управы «Радые Рацыя» і галоўным рэдактарам тыднёвіка беларусаў у Польшчы «Ніва».

Зразумела, што і беларускія ўлады найперш падтрымліваюць дзейнасць БГКТ.

У кантэксце сучасных палітычных беларуска-польскіх адносін не цяжка прадбачыць якая з арганізацый карыстаецца большымі сімпатыямі афіцыйнай Варшавы. Зрэшты, гэта вынікае з памераў фінасавання дзейнасці арганізацый беларускай нацыянальнай меншасці

ў Польшчы. У 2009 г., напрыклад, на азначаныя мэты польскія ўлады выдзялілі 2 млн. злотых (каля 620 тыс. дол. ЗША); БГКТ з іх атрымала 424 тыс. злотых (каля 130 тыс. дол. ЗША), а БС — 1 163 тыс. злотых (каля 358 тыс. дол. ЗША). У 2010 г. фінансаванне БГКТ было павялічана на 90 тыс. злотых (каля 35 тыс. дол. ЗША) [10].

Пэўная непаасцярожнасць і разузгодненасць айчыннай дыяспаральнай палітыкі праявілася ў факце анулявання ў маі 2011 г. Міністэрствам замежных спраў беларускай візы Яўгену Вапу, які з’яўляецца членам Кансультацыйнай рады па справах беларусаў замежжа пры Міністэрстве культуры Рэспублікі Беларусь. Старшыня БС планаваў браць ўдзел у другім пасяджэнні згаданай Рады, якое адбылося ў Віцебску 9 чэрвеня 2011 г. пад час правядзення Першага фестывалю мастацтваў беларусаў свету ў рамках «Славянскага базара» і было прысвечана менавіта перспектывам супрацоўніцтва з суполкамі беларускіх арганізацый за мяжой у культурнай, інфармацыйнай, эканамічнай сферах [11].

Такім чынам, відавочна, што культурна-асветніцкая дзейнасць беларускіх суполак часта становіцца заложнікам беларуска-польскіх палітычных непаразуменняў.

Важны паказчык самаадчування дыяспары, і, вядома, эфектыўнасці дыяспаральнай палітыкі — гатоўнасць суайчыннікаў замежжа да нацыянальнай самаідэнтыфікацыі. Як вядома, згодна са звесткамі 2002 г. перапісу насельніцтва ў Рэспубліцы Польшча 48,7 тыс. чалавек назвалі сябе беларусамі. Гэтая лічба ў свой час выклікала дастаткова вострую рэакцыю з боку шэрагу беларускіх палітыкаў, навукоўцаў, публіцыстаў. Такая рэакцыя часткова зразумела, бо на думку многіх спецыялістаў, у тым ліку і польскіх, яшчэ ў сярэдзіне 90-х гг. у краіне пражывалі 240—300 тыс. беларусаў [12, с. 27]. Рабіліся паспешлівыя высновы аб канчатковай страце польскімі беларусамі нацыянальнай тоеснасці. Вядома, асіміляцыя польскіх беларусаў — сумная рэальнасць, якая мае і аб’ектыўныя прычыны. Але з улікам азначаных працэсаў тым больш нечаканымі падаюцца звесткі апошняга перапісу насельніцтва краіны, якія агучыла ў сакавіку 2012 года Галоўнае ўпраўленне статыстыкі Польшчы падчас дэмаграфічнага кангрэса ў Варшаве. Згодна ім 47 тыс. апытаных назвалі сябе беларусамі. З іх 15 тыс. лічаць сябе і беларусамі, і палякамі [13]. Пры тым, што было шмат засцярогаў да перапісу, гэты вынік сведчыць аб захаванні ў Польшчы на працягу апошняга дзесяцігоддзя сталай, дастаткова значанай беларускай супольнасці непадуладнай працэсам асіміляцыі.

Прыведзеная інфармацыя, на наш погляд, дае і пэўныя падставы для асяроджанага аптымізму як адносна працэсаў, якія сёння праходзяць у асяродзі беларускай дыяспары ў суседняй краіне, так і ў ацэнках эфектыўнасці мадэлі дыяспаральнай палітыкі абранай беларускай дзяржавай у дачыненні суайчыннікаў у Польшчы.

Літаратура

1. Мухітдзенава, А. Т. Нямецкая дыяспара як фактар развіцця нямецка-казахстанскіх адносін: (паліталагічны аналіз) : аўтарэф. дыс. ... канд. паліт. навук: 23.00.02 / А. Т. Мухітдзенава; Казах. нацыян. ун-т. ім. аль-Фарабі. — Алматы, 2008. — 22 с.
2. Аб грамадзянстве Рэспублікі Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь ад 1 жніў. 2002 г. № 136-З [Электронны рэсурс] // Кансультант Плюс: Беларусь. Тэхнологія 3000 / ААА «ЮрСпектр», Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь. — Мінск, 2012.
3. Халадоўскі, М. Беларусы ў Польшчы 2005—2010 / М. Халадоўскі [Электронны рэсурс] // Ніва. — 27.03.2005. — Рэжым доступу: <http://niva.iig.pl/issue/2005/13/art_08.htm>. — Дата доступу: 02.04.2012.
4. Праграма развіцця канфесійнай сферы, нацыянальных адносін і супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой на 2011—2015 гады [Электронны рэсурс] // Вітае Беларусь. — Рэжым доступу: <http://www.belarus21.by/ru/zakonod/new_url_1750943773>. — Дата доступу: 28.03.2012.
5. Аб рэалізацыі праекта «Адміністрацыйны рэгіён Беларусі — арганізацыя суайчыннікаў за мяжой» [Электронны рэсурс] // Вітае Беларусь. — Рэжым доступу: <http://www.belarus21.by/ru/main_menu/compatriots/opyt_raboty/new_url_administrative/new_url_administrative_reg>. — Дата доступу: 08.03.2012.
6. Праца па арганізацыі супрацоўніцтва з суайчыннікамі, пражываючымі за мяжой у 2010 годзе [Электронны рэсурс] // Вітае Беларусь. — Рэжым доступу: <http://www.belarus21.by/ru/main_menu/compatriots/opyt_raboty/new_url_1685422825>. — Дата доступу: 12.05.2012.
7. Пракопчык, Б. Дыпламатыя — праз чалавечыя стасункі / Б. Пракопчык [Электронны рэсурс] // Звязда. — 10.04.2012. — Рэжым доступу: <<http://www.zvyazda.minsk.by/a2ttachments/95753/10kras-4.indd.pdf>>. — Дата доступу: 10.04.2012.
8. Інфармацыя пра камандзіроўку Сасновіча А.Л., для ўдзелу ў заключных мерапрыемствах XVIII Усепольскага фесту «Беларуская песня — 2011» [Электронны рэсурс] // Вітае Беларусь. — Рэжым доступу: <http://www.belarus21.by/ru/main_menu/compatriots/opyt_raboty/new_url_1890989754>. — Дата доступу: 08.03.2012.
9. Бераснёва, А. Галоўная мара Яна Сычэўскага / А. Бераснёва // Гродзенская праўда [Электронны рэсурс]. — 24.02.2010. — Рэжым доступу: <<http://grodnonews.by/ru/0/2712/news>>. — Дата доступу: 14.05.2012.
10. Чорным па белама: беларуская дыяспара ў Польшчы [Электронны рэсурс] // Open.by. — 19.05.2005. — Рэжым доступу: <<http://www.news.open.by>>. — Дата доступу: 21.04.2012.
11. «Бацькаўшчына» просіць МЗС патлумачыць прычыны анулявання візы Яўгену Вапу [Электронны рэсурс] // Наша Ніва. — 27.05.2011. — Рэжым доступу: <<http://nn.by/?c=ar&i=54973>>. — Дата доступу: 20.04.2012.
12. Міхалькевіч, Г. М. Беларусы ў Польшчы: праблемы нацыянальнай і культурнай самаідэнтыфікацыі / Г. М. Міхалькевіч // Wschod-nioznawstwo. — 2010. — N 4. — С. 26—36.
13. Гезгала, С. У. Польшчы беларусамі запісаліся 47 тысяч чалавек / С. Гезгала [Электронны рэсурс] // Наша ніва. — 22.03.2012. — Рэжым доступу: <<http://www.nn.by/?c=ar&i=70513>>. — Дата доступу: 14.05.2012.

Навуковае выданне

**АКТУАЛЬНЫЯ ПЫТАННІ
БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН:**

да 20-годдзя Дагавора
паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча
аб добрасуседстве, сяброўстве і супрацоўніцтве
ад 23 чэрвеня 1992 г.

Матэрыялы беларуска-польскага круглага стала

На беларускай, рускай і польскай мовах

Адказы за выпуск *Т. Я. Янчук*

Падлісана ў друк 18.12.2012. Фармат 60×84 ¹/₁₆. Папера афсетная.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 6,74. Ул.-выд. арк. 7,1. Тыраж 100 экз. Заказ 861.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства
«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».
ЛІ № 02330/0494361 ад 16.03.2009. Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.

Надрукавана з арыгінала-макета заказчыка
ў рэспубліканскім унітарным прадпрыемстве
«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».
ЛП № 02330/0494178 ад 03.04.2009. Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.